A 245/61

ae

2007081205

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА

СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

Д. Миллера.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1897.

А 243
А 81
801-90
5485-1

ОЧЕРКИ

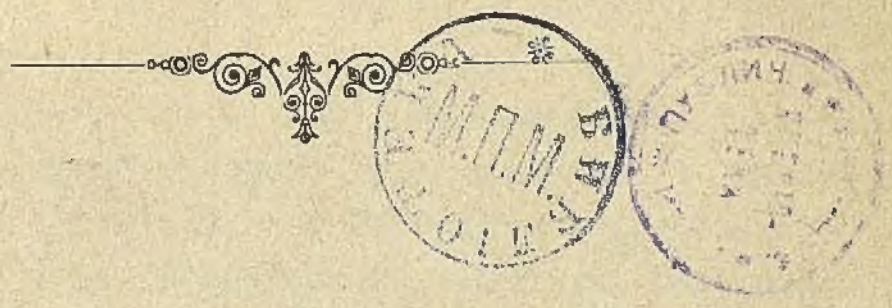
ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА

СТАРОЙ МАЛОРОССІИ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО..

Д. Миллера.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина".



Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1897.

Дозволено цензурою Кіевъ, 15 мая 1897 года.

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА I.

Судьба шляхетства въ гетманщинѣ послѣ революціи 1648 г.—Условія развитія новаго панства.—Просьбы объ уравненіи козацкихъ старшинъ съ русскими табельными чинами.—Наказы депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія.—Объединительная политика Екатерины II до 1781 г.

Когда „Новый Моисей“ вызволилъ украинское козачество и простонародье изъ подъ панскаго ярма, въ Малороссіи возникла своего рода демократическая республика, при которой существованіе шляхты, какъ сословія, надѣленнаго особыми привилегіями и преимуществами, стало неумѣстнымъ. Къ тому же и шляхты этой осталось мало: королята и дуки бѣжали при самомъ началѣ возстанія, а ихъ служебники, поссесоры и офиціалисты были перерѣзаны и перебиты, такъ что 1654-й годъ засталъ на Украинѣ всего на всего 300 представителей благороднаго сословія, но и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Не смотря на то, что ихъ имущественныя и сословныя права были обезпечены договоромъ съ московскимъ царемъ, а подневольный трудъ подданныхъ гарантированъ имъ гетманскими универсалами „подъ строкгимъ каранемъ войсковымъ“ [1]), уцѣлѣвшіе отъ народной мести шляхтскіе недобитки

[1]) Универсалъ Б. Хмельницкаго „З Илѣя“ отъ 31 іюля року 1654 Нѣжинскому полковнику Шумейку дозволяетъ „всей шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ пріежжать и оселѣватся“, а поспольству вмѣняетъ въ обязанность отдавать

не только не могли возвратить былого командующаго положенія, но и удержаться въ качествѣ отдѣльнаго сословія. Съ крушеніемъ затѣй Выговскаго ихъ дѣло стало окончательно проиграннымъ. При новыхъ условіяхъ, когда порода сама по себѣ представляла грошевую цѣнность, а власть и значеніе зависѣли исключительно отъ личныхъ способностей или богатства, представителямъ благороднаго сословія, чтобы какъ-нибудь выбиться изъ сѣрой толпы, оставалось плюнуть на свои гербы и дѣлать тоже, что и другіе: воевать, либо торговать. Такъ именно и поступили уцѣлѣвшіе шляхтичи. Шляхетство, забросивъ или припрятавъ свои дипломы и привилегіи, вошло въ составъ козачества и быстро растворилось въ немъ, настолько быстро, что уже при ближайшихъ преемникахъ „козацкаго батька“ о немъ, какъ отдѣльномъ сословіи края, нѣтъ ни слуху, ни духу.

Въ военной республикѣ, какою стала Малороссія, главное значеніе должно было получить военное сословіе—козачество. Изъ него то и суждено было выдвинуться тому командующему классу, который явился замѣстителемъ шляхты и, мало по малу присвоивъ себѣ шляхетскія преимущества, получилъ наконецъ юридическое признаніе своихъ фактическихъ правъ со стороны русскаго правительства. Это былъ классъ „значныхъ“ козаковъ, изъ котораго обыкновенно выходили кандидаты на уряды и достоинства.

своимъ панамъ десятую копу: „кождый нехай изъ своего тешитъ: козакъ нехай своего гледитъ и изъ своихъ волностей постерегаетъ, а до тихъ, которіе не есть приняты до реестру нашего, абы дали покой и въ засѣвкахъ, которіе на ланахъ панскихъ збожье лѣта военного позосѣвали, збожье теперъ позоровали, аби десятую копу дали“. Цитируемъ по очевидно испорченной копіи, находящейся въ принадлежащемъ библіотекѣ Харьковскаго университета рукописномъ сборникѣ („Собраніе рѣдкостей“, стр. 207—210). Думаютъ, что „послушенство“ стало вмѣняться въ обязанность панскимъ подданнымъ только при преемникахъ Хмельницкаго. Очевидно это не совсѣмъ вѣрно. Кромѣ приведенной выдержки, которую, пожалуй, можно и заподозрить, ссылаемся на универсалъ того же Хмельницкаго отъ 17 іюня 1656 г. на маетности Спасскому монастырю: „селяне всѣ абы всякое послушенство отдавали, безъ всякихъ непослушенствъ и турбацій“. (Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи; въ „Чтен. въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца“, кн. V, отд. III, стр. 56).

Украинскій народъ съ половины XVII столѣтія началъ новый періодъ своей исторіи отрицаніемъ аристократическаго порядка вещей, а черезъ 100 лѣтъ пришелъ къ полному подчиненію этому самому порядку. За эти 100 лѣтъ внутренняя жизнь малорусскаго общества проходила, можно сказать, совсѣмъ изолированно отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Великая Россія вовсе не навязывала гетманщинѣ своего общественнаго строя. Скорѣе какъ разъ на оборотъ: были случаи, когда русское правительство опиралось на чернь, были случаи, когда оно брало на себя даже защиту этой черни отъ властолюбивыхъ притязаній командующаго класса. Передѣлывать малорусское общество на свой образецъ русское правительство стало только во второй половинѣ XVIII вѣка, когда само это общество успѣло уже организоваться на крѣпостническій ладъ. Воздѣйствовать на малорусскія внутреннія отношенія Великороссія могла развѣ только примѣромъ своего внутренняго строя, но и этотъ примѣръ былъ примѣромъ только для тѣхъ, кто стоялъ на верху общественной лѣстницы, а для низшихъ слоевъ населенія, для поспольства какого-нибудь Пирятина или Золотоноши, онъ былъ не видимъ и не понятенъ. Гораздо большее вліяніе должна была оказать аристократическая Польша. Она передала гетманщинѣ свои шляхетскія и крѣпостническія традиціи, свою культуру и, главнѣе всего, свои шляхетскіе законы.

Само собою понятно, что такого рода внѣшнихъ воздѣйствій недостаточно для того, чтобы среди общества, настроеннаго, повидимому, вполнѣ демократически, вызвать къ жизни особый привилегированный, господствующій надъ массою, классъ. Зародился онъ самъ, безъ внѣшнихъ воздѣйствій, зародился, очевидно, потому, что въ самомъ этомъ обществѣ были условія, вызывающія его появленіе на свѣтъ. Какая внѣ общества стоящая сила вызвала къ жизни „Чумазаго“?. А между тѣмъ онъ родился, развился, окрѣпъ, покоряетъ подъ нозѣ и грозитъ. Малорусскій панъ, только что выбившійся изъ среды рядового козачества и всѣми правдами и неправдами умножающій свои прибытки,—это тотъ же „Чумазый“. Разница не въ типѣ, а въ окружающихъ его условіяхъ. Для пана они были много благо-

пріятнѣе, чѣмъ для „Чумазаго“. „Чумазый“ долженъ выдерживать постоянную борьбу съ сословіемъ, которому онъ идетъ на смѣну; малорусскому пану тратить силу на такую борьбу не приходилось, потому что еще при козацкомъ батькѣ онъ купно съ другими сѣромахами, такими же точно, какимъ въ то время былъ онъ самъ, „загналъ ляшкивъ за Нѣманъ, за Вислу“, и съ тѣхъ поръ забылъ о нихъ думать. Противъ „Чумазаго“—законъ, запрещающій ему, по крайней мѣрѣ, юридически оформить свои владѣльческія отношенія къ закабаленному имъ люду; малорусскому пану, наоборотъ, законъ только благопріятствовалъ: разъ онъ фактически сталъ владѣльцемъ и рыцаремъ, такимъ же точно, какъ и его предмѣстникъ—урожденный шляхтичъ, его юридическія права должны стать тѣми же самыми, какими пользовался шляхтичъ. Это подтверждалъ ему и законъ, самый настоящій писанный законъ. Законъ, доставшійся малорусскому обществу отъ дореволюціоннаго періода, зналъ только одно сословіе, находившееся въ условіяхъ, сходныхъ съ условіями пана,—шляхетство, значитъ, и состояніе, пана не могло подойти подъ иныя нормы закона кромѣ тѣхъ, которыя установлены для шляхетства: другихъ нормъ не было. Къ тому же и толкователи закона были такіе же выбившіеся изъ толпы паны, и не въ ихъ интересѣ было толковать законъ въ невыгодную для себя сторону.

„Чумазый“—въ большинствѣ случаевъ только сила, но не власть.

Малорусскій панъ былъ самою настоящею властью,—властью, больше которой не бываетъ: онъ былъ и судья, и администраторъ, и военачальникъ. Правда, такую огромную власть давалъ ему свободный выборъ его же согражданъ, но вѣдь и „Чумазый“, если попадаетъ въ „излюбленные люди“, то попадаетъ только по свободному выбору. Причины, почему свободный выборъ останавливается на такихъ именно типахъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковы.

Если ограничиться только указанными условіями, то и тогда нельзя не признать ихъ крайне благопріятными для выдѣленія надъ обществомъ особаго командующаго класса, а вѣдь кромѣ

указанныхъ условій были и другія, способствующія тому же процессу.

Процессъ совершался быстро. Мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простого козачества козацкіе начальники присваивали себѣ права настоящей шляхты. Къ концу перваго пятидесятилѣтія пореволюціоннаго періода мы застаемъ ихъ владѣльцами населенныхъ имѣній, имѣющими право на „налетитое послушенство“ подданныхъ; они судятся шляхетскимъ правомъ, выбираютъ изъ своей среды урядниковъ на всѣ должности въ краѣ, не платятъ налоговъ и не несутъ общенародныхъ повинностей, ихъ дѣти пользуются особыми преимуществами по службѣ, а образованіе даетъ имъ возможность и по внѣшности, и по развитію превратиться въ особую породу, рѣзко отличную отъ рядового козачества и поспольства.

Въ составъ новаго панства вошли многіе изъ уцѣлѣвшихъ недобитковъ шляхетскаго происхожденія, вошли и великорусскіе дворяне изъ числа козацкихъ начальниковъ, получившихъ свою нобилитацію въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе въ огромномъ большинствѣ командующій классъ не могъ имѣть никакихъ претензій на благородство. Да и не имѣлъ: ни шляхетствомъ, ни дворянствомъ онъ въ то время себя не называлъ, скромно оставляя для себя названіе старшины или знатнаго товарищества, да и мудрено было присваивать себѣ шляхетское званіе людямъ, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду. О малороссійскомъ шляхетствѣ не упоминало и само правительство: гетманскія статьи конца 17 и начала 18 столѣтій знаютъ только старшину, знатныхъ, начальныхъ или заслуженныхъ людей, знатныхъ козаковъ. О шляхтѣ въ Малороссіи въ то время совсѣмъ забыли.

Терминъ шляхетство вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины; внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда-то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту.

Теперь замѣчаются уже попытки закрѣпить на законномъ основаніи этотъ терминъ за командующимъ классомъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“,

считали возможнымъ, кромѣ лицъ, имѣющихъ по дипломамъ и грамотамъ право на дворянское или шляхетское достоинство, признать шляхтой: старшину воинскаго всякаго званія, считая снизу отъ сотничаго до самыхъ высшихъ чиновъ малороссійскихъ, которые сами за свои службы пожалованы указомъ въ воинскіе чины или вольнымъ избраніемъ, по силѣ указовъ же оные получили, затѣмъ дѣтей и потомковъ гетманскихъ, старшины генеральной, полковничьихъ и прочихъ знатныхъ чиновъ, людей малороссійскихъ даже до сотничьихъ и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, которые были и суть въ званіи бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тверже становились права командующаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и его претензіи. Къ концу перваго столѣтія со времени народной революціи, упразднившей привилегіи, Малороссія готова была превратиться въ маленькую Польшу, управляемую классомъ, надѣленнымъ тѣми же самыми привилегіями, противъ которыхъ такъ энергично боролся малорусскій народъ въ пору революціи. Для того, чтобы этотъ классъ могъ превратиться въ настоящую шляхту, ему оставалось только возстановить старошляхетскія формы въ области управленія и суда, а затѣмъ получить и формальное признаніе своихъ шляхетскихъ правъ со стороны верховной власти. Возстановленіе формъ началось въ области судоустройства. 1670 году былъ пребразованъ генеральный судъ на манеръ стариннаго шляхетскаго трибунала, съ судьями-депутатами, выбираемыми отъ каждаго изъ 10 полковъ. Къ этому времени вполнѣ созрѣваетъ среди командующаго класса мысль о необходимости возстановленія уничтоженныхъ революціей старошляхетскихъ институтовъ. Гетману подаются просьбы о возстановленіи въ Малороссіи судовъ „по точной силѣ правъ малороссійскихъ“, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены шляхетскимъ статутомъ [1]). На Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г. раздаются уже жалобы на преобладаніе въ краѣ военной силы, вслѣдствіе чего права шляхетства оказались переведенными и изглаженными изъ памяти.

[1]) Архивъ Малор. Кол. № 3364.

„Гражданскія дѣла у насъ,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ Глуховскаго съѣзда,—совсѣмъ не на такомъ основаніи, какими оныя были во время бытности нашей подъ республикою польскою и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, градскіе, подкоморскіе и прочіе къ содержанію правосудія и порядка учрежденные мѣста и чины, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общія и важнѣйшія дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло оттого, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. Итакъ, надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которые управляютъ гражданскими дѣлами, на всемъ томъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши“...[1]).

На съѣздѣ 1763 года малорусскій командующій классъ рѣшительно высказывается въ пользу возвращенія къ дореволюціонному порядку, когда шляхта правила страной и законодательствовала на сеймахъ, а гетманъ и старшины только начальствовали надъ войскомъ.

Въ этомъ смыслѣ было составлено и прошеніе къ государынѣ, въ которомъ идеалы командующаго класса выставлялись, какъ самое законное право, установленное договоромъ Хмельницкаго.

Прошеніе царицѣ не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе ближайшимъ послѣдствіемъ Глуховскаго съѣзда было возстановленіе земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовъ. Правда, суды эти были возстановлены не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ узаконено Статутомъ, но все же для командующаго класса это было замѣтнымъ шагомъ впередъ по пути къ осуществленію шляхетскихъ идеаловъ: подсудность статутовымъ шляхетскимъ судамъ и право избранія судей изъ среды своей давали новую опору его притязаніямъ на шляхетское достоинство. Съ этихъ поръ командующій классъ оканча-

[1]) „Кіев. Старина“ 1882 г. стр. 119—125.

тельно присваиваетъ себѣ наименованіе шляхетства: такъ называется онъ и въ оффиціальныхъ документахъ, подъ такимъ именемъ фигурируетъ онъ и въ собраніяхъ для выбора депутатовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г; какой-нибудь сотникъ или возный уже не участвуетъ въ собраніяхъ рядового товарищества, а подписывается на шляхетскомъ наказѣ: онъ уже не козакъ, а шляхтичъ. Въ Черниговскомъ наказѣ такіе сотники и возные уже жалуются на то, что имъ приходится судиться въ однихъ судахъ съ рядовыми козаками, и требуютъ для себя особаго шляхетскаго суда [1]). Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вопросъ о томъ, кто именно имѣетъ право принадлежать къ шляхетству, былъ въ это время достаточно выясненнымъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ", считали шляхтой всѣхъ козачьихъ урядниковъ до сотника включительно, а также бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей. Къ шляхетству они причисляли также: „духовнаго чина персонъ, такожде бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ съ ихъ потомками, по посвященіи ихъ рожденными; тѣхъ, которые, оставя римскій и другіе христіанскіе законы, приняли и принимать будутъ христіанскаго греко-россійскаго исповѣданія вѣру, потому жъ и ихъ потомковъ сей вѣры родившихся, и тѣхъ, которые изъ невѣрныхъ, а именно изъ жидовъ, турокъ и татаръ тую-жъ греческую вѣру и святое крещеніе приняли и принимать будутъ, и ихъ потомковъ по святомъ крещеніи рожденныхъ [2]). О принадлежности къ шляхетству рядовыхъ козаковъ такимъ образомъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что даже въ 60-ые и 70-ые годы это былъ еще вопросъ спорный, и рѣшали его различно. Въ 1765 г. въ Гадячскомъ полку открыла свои дѣйствія коммиссія генеральной ревизіи. Для веденія дѣла ей необходимо было имѣть свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ на территоріи полка чиновникахъ и шляхетствѣ. Обратились, конечно, къ мѣстному полковому начальству. Начальство отвѣтило, но отвѣтило такъ,

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общ. т. 68, стр. 234.

[2]) Права, по котор. судится Мал. Пар. стр., 834—835.

какъ, повидимому, можно было отвѣтить только 50—60 лѣтъ назадъ. Ссылаясь на цѣлый рядъ артикуловъ, гетманскихъ статей и указовъ, полковая канцелярія доказывала, что шляхетствомъ должны быть признаны всѣ козаки, даже и подпомощники, а также все духовенство съ его потомствомъ [1]). Хотя такое обобщеніе и было по тому времени уже черезчуръ смѣлымъ, тѣмъ не менѣе распространеніе шляхетскихъ правъ на рядовыхъ козаковъ мы видимъ и въ другихъ случаяхъ. Не говоря уже о томъ, что рядовые козаки судились въ шляхетскихъ земскихъ судахъ, мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ „стороны“ (понятыхъ) при возномъ, хотя по Статуту такого рода обязанности возлагались только на шляхту [2]). Въ избирательныхъ собраніяхъ 1763—1780 г. не рѣдко участвовали сотенные писари и старшины, т. е. лица, стоявшія на служебной лѣстницѣ гораздо ниже сотниковъ, коими, по мнѣнію составителей „Правъ“, долженъ былъ заканчиваться кругъ козацкихъ чиновъ, имѣющихъ право на шляхетское достоинство. [3]) Высшее краевое правительство этого времени жаловалось, что въ Малороссіи, „вовсе въ противность арт. 1 розд. 4 Статута, выбираются въ земскіе уряды и изъ людей козачьей и поселянской породы“ [4]). Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи былъ и вопросъ о шляхетскихъ правахъ духовенства. Мы видѣли уже, что составители „Правъ“ причисляли его къ шляхетству. За это былъ не только обычай, но, повидимому, и кой-какія законныя основанія. Не говоря уже о Статутѣ, равняющемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовенство съ шляхетствомъ, духовенство для подкрѣпленія своихъ притязаній ссылалось обыкновенно на указъ 1734 г., которымъ велѣно: „поповскихъ дѣтей, кои пожелаютъ Е. И. В. отправлять службу, опредѣлять для отправленія той службы въ значковые товарищи [5]), а значковые товарищи были уже членами командующаго класса, значитъ шляхетствомъ. На

[1]) „Собраніе рѣдкостей“, рукописный сборникъ библіотеки Харьковск. унив., стр. 834—835.

[2]) Архивъ Мал. Кол. №№ 3364 и 8821 и „Кіевск. Стар.“ 1884, № 1, стр. 694.

[3]) Архивъ Мал. Кол. № 20639.

[4]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 43, стр. 218.

[5]) „Кіевск. Стар.“ 1888 г., № 1, отд. 3, стр. 28—29.

практикѣ, однако, съ духовнымъ шляхетствомъ церемонились очень мало. Отъ того же 1734 г.,—въ которомъ состоялся благопріятный для духовенства указъ, до насъ дошло слезное прошеніе „велебному господину, ясне въ Богу преосвященному архіепископу Кіевскому, Галицкому и всея Малія Россіи“, подписанное восемью глуховскими священниками съ протопопомъ и намѣстникомъ во главѣ. Въ немъ духовные шляхтичи жаловались: въ здѣшней Глуховской протопопіи многихъ священниковъ и вдовствующихъ попадей въ самыхъ малыхъ челобитческихъ дѣлахъ мимо духовное правленіе берутъ насильно въ ратушь Глуховскую, посылая за оными нарочныхъ съ инструкціями и противно указовъ, въ Св. Синодѣ состоявшихся, въ оной ратушѣ допрошуютъ и держатъ подъ карауломъ, отчего въ церквахъ святыхъ чинится въ надлежащемъ священнослуженіи упущеніе, а приходскимъ людямъ въ духовныхъ обрядахъ не малая трудность и бѣдствіе. Къ тому жъ посылаемые съ оной ратуши нарочные съ инструкціями въ насильномъ священниковъ взиманіи дѣлаютъ имъ поруганіе и безчестіе... Причетниковъ, дьяковъ, пономарей, поповскихъ дѣтей,—которые живутъ на отчизныхъ грунтахъ, положено въ общій посполитскій окладъ и велѣно высылать на линію, почему они должны были нанимать за себя другихъ [1])... Тѣмъ не менѣе мы видимъ не рѣдкіе случаи признанія шляхетскихъ правъ и за духовенствомъ. Съ 1763 г. во время выборовъ по земству „духовные владѣльцы“ являлись такими же избирателями, какъ и прочее шляхетство. Со времени учрежденія Коллегіи избирательныя права духовныхъ, особенно „нижняго чина“, т. е. простыхъ поповъ и діаконовъ, подверглись сомнѣнію. По поводу однихъ выборовъ въ 1775 г. Малороссійская Коллегія издала даже указъ, коимъ участіе въ выборахъ нижнихъ чиновъ духовенства было признано не законнымъ. Однако, не смотря на такой взглядъ высшаго краеваго правительства, участіе духовенства въ шляхетскихъ выборахъ продолжалось до самаго введенія въ краѣ общерусскихъ порядковъ [2]). Нельзя сказать, чтобы среди самого командующаго класса

[1]) Архивъ Мал. Кол. № 30517.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 3932; „Кіев. Стар.“, 1884, № 12, стр. 693.

царило единодушіе въ вопросѣ о шляхетскихъ правахъ всѣхъ членовъ этого класса. Въ разсматриваемый нами періодъ этотъ щекотливый вопросъ вызывалъ массу недоразумѣній и споровъ. Потомки гербованныхъ шляхтичей, припрятавшихъ въ оные дни свои шляхетскіе документы, съ наступленіемъ лучшихъ временъ вытаскиваютъ ихъ на свѣтъ и съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваютъ при каждомъ удобномъ случаѣ свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породы, а отъ благороднаго шляхетства полскаго“. Въ судебныхъ процессахъ того времени мы очень часто встрѣчаемъ такъ наз. „збиванье позву“ подъ предлогомъ сомнѣнія въ шляхетствѣ противника: какой-нибудь бунчуковый товарищъ отказывается отвѣчать по позву значковаго товарища, ссылаясь на то, что его противникъ не шляхтичъ, а мужичій сынъ [1]). По свидѣтельству Румянцева, при выборахъ депутатовъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія „не обошлося безъ того ни одно собраніе, чтобы кто либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида“.

Какъ бы то ни было, ко времени прекращенія автономной жизни Малороссіи, ея командующій классъ достигъ почти всѣхъ тѣхъ правъ, коими обладало настоящее шляхетство. Правда, процессъ дифференціаціи его еще не закончился, рѣзкая демаркаціонная черта между какимъ-нибудь значковымъ товарищемъ и простымъ козакомъ или поповичемъ не была еще установлена, но она и не могла установиться сама собою, безъ особаго распоряженія свыше. Такое распоряженіе, узаконяющее результаты столѣтнихъ стараній, и было чаяніемъ командующаго класса. Ему, повидимому, предстояло два исхода: или возвратиться въ настоящую шляхту со всѣми ея политическими правами, или стать русскимъ дворянствомъ. Первое, конечно, было далеко заманчивѣе второго; не даромъ же такъ мечтали о сеймикахъ и сеймахъ члены глуховскаго съѣзда 1763 г. Но и теперь, какъ и во времена Вы-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 870.

говскаго, мечты оказались мечтами. За спиной у новаго малороссійскаго шляхетства стояла не Польша, а монархическая Россія. Поневолѣ приходилось предпочесть синицу журавлю. Къ тому же и созерцать этого журавля въ небѣ былъ способенъ далеко не всякій, а только избранные.

Нельзя сказать, чтобы состояніе русскаго дворянина было особенно заманчивымъ для лицъ, пользовавшихся шляхетскими правами. Ни въ 17 столѣтіи, когда дворянъ били батожьемъ, ни потомъ, въ 18, когда ихъ отдали въ муштру къ нѣмецкимъ инструкторамъ и на всю жизнь запрягли въ государственное тягло, не видно со стороны украинцевъ большого желанія сопричаститься правамъ и обязанностямъ высшаго сословія имперіи. Даже въ первые годы Екатерининскаго правленія Малорусскій командующій классъ предпочиталъ свои права и преимущества правамъ русскаго дворянства. „Мы такіе имѣемъ законы, которые только вольный и благородный на свѣтѣ народъ имѣть можетъ“, восклицалъ въ 1763 году одинъ изъ ораторовъ глуховскаго съѣзда. „Когда малороссійскому шляхетству,—разсказываетъ А. И. Чепа,—сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ, изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, повидимому, неосновательно, подвергнуться состоянію русскихъ дворянъ, сочли за лучшее быть въ оковахъ, нежели согласиться на оные“ [1]). Оно и не удивительно. Командующій классъ присваивалъ себѣ права шляхетства, а права эти были очень широки. Вспомнимъ хотя бы то краткое перечисленіе шляхетскихъ правъ и вольностей, какое сдѣлано было Г. Полетикой въ засѣданіи коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. „1) Правленіе дѣлъ въ Малой Россіи по силѣ высочайшей государевой власти должно зависѣть отъ шляхетства; 2) шляхетство имѣетъ право установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи оныхъ; 3) отъ шляхетства и другихъ тамошнихъ чиновъ зависятъ дѣла всякія, внутреннія учрежденія, какъ то наложеніе и снятіе податей и всякаго званія поборовъ и проч.; 4) въ тамошніе гражданскіе и воинскіе чины выбираются чинов-

[1] „Кіевск. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 54.

ники вольными голосами, каковые не могутъ быть производимы кромѣ природныхъ малороссійскихъ шляхтичей; 5) шляхтичъ, помѣстье свое имѣющій, не можетъ быть иманъ и въ заключеніе посаженъ въ какихъ бы то ни было преступленіяхъ, ниже самыхъ уголовныхъ, выключая, если онъ пойманъ на самомъ дѣлѣ, а во всѣхъ таковыхъ преступленіяхъ зовется въ судъ, судимъ бываетъ по предписанному въ законахъ порядку и по осужденіи уже, если онъ смерти или какого наказанія достоинъ, безъ всякаго пощадѣнія поступаемо бываетъ съ нимъ по законному положенію; 6) шляхетство надъ своими подданными во всѣхъ дѣлахъ имѣетъ свой судъ и расправу; 7) имѣетъ свободу выѣхать въ чужіе края безъ всякаго дозволенія и имѣніе, кому хочетъ, продать или записать можетъ; 8) распоряжаетъ при жизни своей своими движимыми и недвижимыми, родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями по своей волѣ, такъ что и самыхъ ближайшихъ сродниковъ отъ оныхъ отдалять, а посторонніхъ укрѣплять можетъ; 9) имѣетъ свободное употребленіе всѣхъ пользъ и прибылей, какія только въ имѣніи и изъ имѣнія своего получить можетъ, такъ что всякаго рода крупицы или руды, соляные растворы и другія пріобрѣтенныя принадлежатъ тому шляхтичу, чье имѣніе; 10) имѣнія шляхетскія не должны быть обложены никакими податьми и оброками, кромѣ самой малой подати съ земли, т. е. по два гроша польскихъ съ населенной волоки, которая составляетъ безъ мала 20 десятинъ, а гдѣ волокъ нѣтъ,—по одному грошу съ дыму; 11) имѣетъ вольность передѣлывать свои произращенія и безпошлинно оными, также скотомъ и всякими домашними вещьми, внутрь и внѣ государства торговать, такимъ же образомъ и нужныя для своего содержанія вещи и товары безпошлинно изъ другихъ земель выписывать можетъ; 12) если бы кто изъ иностранныхъ, живучи въ имѣніяхъ шляхетскихъ, безъ наслѣдниковъ умеръ, то всѣ его пожитки принадлежатъ шляхтичу, а не государственной казнѣ; 13) въ имѣніяхъ шляхетскихъ не можетъ имѣть постоевъ и квартиръ войско, а должно имѣть оныя въ городахъ и имѣніяхъ государственныхъ; 14) домъ шляхетскій предохраненъ отъ всякой наглости и насилія, такъ что и самые преступники въ голов-

ныхъ дѣлахъ безъ согласія хозяина изъ онаго взяты быть не могутъ, а должны быть позваны въ судъ; 15) шляхетство имѣетъ свободную рубку дровъ и ловленіе звѣрей въ лѣсахъ, а рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ государевыхъ[1]).

Если отъ этого длиннаго перечня отбросить то, чѣмъ малорусскій командующій классъ никогда не пользовался въ дѣйствительности, то и тогда останется на его долю такое богатство правъ и вольностей, какое русскому столбовому дворянину, особенно до 1785 года, могло грезиться только во снѣ. Отъ добра добра не ищутъ, а потому и малорусскому пану не было никакихъ разумныхъ побужденій желать замѣны своихъ широкихъ правъ правами русскаго дворянства.

Правда, отдѣльныя личности среди командующаго класса, какъ, вѣроятно, и весь этотъ классъ, были очень не прочь получить дворянское достоинство, но только съ тѣмъ, чтобы не терять и своихъ „національныхъ“ шляхетскихъ правъ. Дворянскія права равняли ихъ съ гербованными шляхтичами, обезпечивали имъ болѣе спокойное „уживаніе“ ихъ добръ и маетностей, давали возможность владѣть не только подданными, но и крѣпостными и воспитывать дѣтей въ русскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ: преимущества, конечно, очень завидныя, но за то и обязанности, сопряженныя съ дворянскимъ званіемъ, были далеко не легкими. Командующему классу, привыкшему къ болѣе свободному положенію, хотѣлось получить только права, не принимая на себя обязанностей.

Вотъ почему и во весь періодъ тяглаго состоянія русскаго дворянства мы не замѣчаемъ въ высшемъ классѣ малорусскаго общества стремленія къ превращенію въ дворянство. Въ теченіе этого періода мы встрѣчаемъ неоднократныя прось ы со стороны малорусскихъ козацкихъ старшинъ о сравненіи ихъ чиновъ съ русскими табельными чинами, но это вызывалось не желаніемъ превратиться въ дворянъ, а только стремленіемъ гарантировать себя отъ „всекрайнѣйшаго упослѣженія“ при столкновеніяхъ съ великорусскими военными и гражданскими властями. А это было

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 465—469.

очень и очень необходимо. Бригадиръ Вельяминовъ кричалъ на Полуботка: „Я президентъ и бригадиръ, а ты что?“ А Полуботокъ былъ наказной гетманъ, первое по тому времени лицо въ Малороссіи. Минихъ ругалъ членовъ генеральнаго суда каналь-ями, которыхъ слѣдуетъ повѣсить или, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь, а совсѣмъ уже не важная птица, подполковникъ Львовъ,не смотря на свою подчиненность гетману, знать не хо-тѣлъ гетманскихъ универсаловъ [1]). Г.г. россійскіе оберъ-офицеры при разныхъ командировкахъ не соглашались быть въ товарищахъ съ войсковыми канцеляристами, сыновьями знатныхъ чиновниковъ, „содержимыми въ всегдашней обсерваціи“, а считали таковыхъ не болѣе, какъ ротными писарями [2]). Во время турецкой Ком-паніи генералъ-поручикъ Загряжскій считалъ генеральнаго обоз-наго за полуполковника, бунчуковыхъ товарищей—вахмистрами [3]), а послѣдній драгунъ, по увѣренію автора „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ“, гонялъ плетью лучшаго малороссій-скаго чиновника [4]). Чтобы обезпечить себя отъ такого „упосл-женія“, малороссійскимъ старшинамъ необходимо было добиться точнаго, установленнаго закономъ, уравненія своихъ чиновъ съ русскими табельными. Вопросъ объ этомъ поднимался нѣсколь-ко разъ.

Такъ, въ 1733 году, по прошенію гетмана Апостола, „въ Габинетѣ“ было постановлено на этотъ счетъ такое мнѣніе: гетманъ—генералъ полный; генеральному обозному надлежитъ имѣть рангъ генералъ-маіора или бригадира. Двое судей гене-ральныхъ, одинъ подскарбій, одинъ писарь, два эсаула, одинъ хорунжій, одинъ бунчучный имѣютъ быть въ рангахъ полков-ническихъ. Что касается 10 полковниковъ, то о нихъ „Габи-нетъ“ постановилъ: „понеже блаженной памяти Государь Импе-раторъ Петръ I изволилъ опредѣлить въ тѣ полки изъ россій-скихъ офицеровъ подполковниковъ, изъ которыхъ и нынѣ одинъ въ черниговскомъ полку Михайло Богдановъ въ Польшѣ при

[1]) Дневникъ Марковича, стр. 394.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 311—315.

[3]) Дневникъ Марковича, стр. 416.

[4]) Чт. Общ. И. и др. россійск. ч. 4, кн. 1, отд. 2, стр. 19.

командѣ, того ради, мнится, меньше того подполковника ранга полковникамъ малороссійскимъ быть не можно, понеже у нихъ въ полкахъ городовъ по десять и больше". Бунчуковыхъ товарищей въ то время числилось болѣе 100 человѣкъ. Принимая во вниманіе, что они „происходятъ изъ первостатейныхъ малороссійскихъ, братья и дѣти и внучата гетманскіе, обозныхъ и другой генеральной старшины, а иные—оставшіесь отъ польскаго владѣнія и россійскіе шляхтичи", „Габинетъ" постановилъ дать имъ рангъ маіорскій, или капитанскій. Полковникамъ компанейскихъ полковъ, эсаулу и хорунжему генеральной артиллеріи, полковымъ обознымъ, судьямъ, писарямъ, асауламъ и хорунжимъ рѣшено было дать рангъ капитанъ-поручика, сотникамъ быть противъ подпоручика или прапорщика, а сотенной старшинѣ (атаману, хорунжему, эсаулу и писарю)—быть противъ вахмистровъ [1]). Мнѣніе это было подписано канцлеромъ Головкинымъ, вице-канцлеромъ Остерманомъ, д. т. с. Курбатовымъ, т. с. Стефановымъ и совѣтникомъ Курбатовымъ, но утвержденія не получило.

По позднѣйшимъ разсказамъ, Апостолъ остался недоволенъ генералъ-аншефствомъ, а потому и не просилъ объ утвержденіи мнѣнія Габинета высочайшею властью. Въ 1742 г. встрѣчаемъ новую просьбу объ уравненіи чиновъ. Черезъ депутатовъ отъ малороссійскаго народа, отправленныхъ ко двору Елизаветы Петровны, малороссійскіе старшины подали въ сенатъ челобитье объ опредѣленіи имъ ранговъ противъ членовъ состоящихъ въ регулярствѣ [2]). Около того же времени работавшая въ Глуховѣ коммиссія по кодефикаціи малороссійскихъ правъ составила полную табель степеней малороссійской службы [3]). Коммиссія, какъ видно, желала, чтобы эта табель была принята во вниманіе при обсужденіи старшинскаго челобитья, однако ея работа

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 211—212; „Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано при Правит. Сенатѣ, по малороссійской экспедиціи. 1786: ч. 14. (Изъ рукописей покойнаго проф. Кистяковскаго).

[2]) Права, по которымъ судится Малор. народъ; стр. 837.

[3]) Ibid. стр. 839.

пропала даромъ: ни челобитье, ни „прости“ правной коммиссіи ходу не получили. Въ 1750 году мы застаемъ членовъ генеральной канцеляріи занятыми собираніемъ свѣдѣній о гетманскомъ достоинствѣ и о прочихъ малороссійскихъ чинахъ. Принимались во вниманіе не только архивныя справки, но и сказки старшинъ.

Этимъ дѣломъ, по порученію гетмана, занимались Горленко, Мих. Скоропадскій, Безбородко, Валкевичъ и Ханенко. Собираніе справокъ тормозилось дурнымъ состояніемъ архива, разбитаго по случаю пожара, и болѣзнью Ханенка. Въ концѣ концовъ, требуемыя свѣдѣнія все-таки собрали и изъ нихъ составили „Экстрактъ“ [1]).

Въ 1751 году гетману было объявлено изъ Иностранной коллегіи о высочайшемъ соизволеніи на пожалованіе малороссійскимъ чиновникамъ ранговъ [2]), но, судя по всему, и на этотъ разъ желанія старшины не увѣнчались успѣхомъ, потому что уже въ 1756 году мы вновь встрѣчаемся съ ходатайствомъ объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ табельными. На этотъ разъ гетманомъ была представлена центральному правительству цѣлая табель о рангахъ, съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ малороссійскихъ чиновъ и указаніемъ ихъ класса. Всѣхъ классовъ въ табели, если считать козаковъ, жолдаковъ и пушкарей, отнесенныхъ къ послѣднему классу, 12. Гетманъ въ ней не упомянутъ, вѣроятно, потому, что ему хлопотать было не о чемъ: по именному указу государыни онъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ. Къ первому классу въ табели 1756 года отнесенъ генеральный обозный, ко второму—судьи и подскарбій, къ 3-ему—писарь, хорунжій, асаулъ и бунчужный; полковники поставлены въ 4 классѣ, въ 5-мъ: бунчуковые товарищи, асаулъ генеральной артиллеріи, полковники охочекомонныхъ полковъ, писарь генеральнаго суда и старшій канцеляристъ генеральной канцеляріи; въ 6-мъ: хорунжій генеральной артиллеріи, полковые судьи и обозные охочекомонныхъ полковъ: въ 7-мъ: полковые писари, асаулы и хорунжіе и переводчикъ генеральной канце-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 213—214.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 68, стр. 206.

лярiи; въ 8-мъ: сотники, войсковые канцеляристы, писари и атаманъ генеральной артиллерiи, асаулы, хорунжiе и писари охочекомонныхъ полковъ; въ 9-мъ: значковые товарищи, писари судовъ полковыхъ, капитанъ жолдацкiй, атаманы сотенныхъ городовъ и сотники или ротмистры охочекомонныхъ полковъ; въ 10-мъ: атаманъ жолдацкiй, сотенные асаулы, хорунжiй и писари, полковые канцеляристы, хорунжiй и атаманы полковыхъ артиллерiй и сотенная компанейская старшина; въ 11-мъ: атаманы куринные, городничiе сотенныхъ городовъ и атаманы сельскiе; къ 12-му классу отнесены рядовые козаки, жолдаки, пушкари и компанейцы [1]).

Какъ ни благосклонно относились въ то время въ Петербургѣ ко всѣмъ представленiямъ, идущимъ изъ Глухова, тѣмъ не менѣе въ этомъ вопросѣ центральное правительство медлило и замѣтно колебалось сдѣлать рѣшительный шагъ. И при Елизаветѣ малорусскимъ старшинамъ не удавалось достигнуть сравненiя своихъ чиновъ съ табельными, а ихъ шляхетскiя права продолжали игнорироваться такъ же, какъ они игнорировались и раньше. Въ это, напр., время (1761 г.) было подтверждено, что малороссiяне не имѣютъ права поступать въ шляхетскiй кадетскiй корпусъ, потому что онъ учрежденъ для дворянъ, а въ Малой Россiи дворянъ нѣтъ [2]). Съ точки зрѣнiя сената, дворянами были только тѣ немногiе изъ малороссiянъ, которые получили дворянскiя права по Высочайшему пожалованiю или дослужились въ русскихъ регулярныхъ полкахъ и въ канцелярiяхъ до чиновъ, дающихъ потомственное дворянство. Положенiе дѣлъ было таково, что малорусскому командующему классу приходилось только плакаться на покойнаго Апостола за то, что онъ не согласился съ мнѣнiемъ „Габинета“.

А между тѣмъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ чаще и чаще самимъ великороссамъ приходилось вступать въ тѣ или другiя отношенiя съ малороссами. Малороссiйскому шляхетству

[1]) Собранiе рѣдкостей, стр. 235—239.

[2]) На практикѣ, впрочемъ, это распоряженiе не исполнялось. Для принятiя малорусскаго ребенка въ кадетскiй корпусъ требовались не документы о шляхетскомъ званiи, а только свидѣтельство двухъ „безсумнительныхъ шляхтичей“ о томъ, что онъ изъ природнаго малор. шляхетства.

приходилось встрѣчаться съ россійскими штабъ и оберъ-офицерами и генералитетомъ уже не только въ Малороссіи, но и въ Москвѣ и Петербургѣ. Многіе изъ украинцевъ попадали въ Великую Россію на постоянное жительство, многіе поступали на службу въ русскіе регулярные полки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ неизмѣнно возникалъ вопросъ: какими правами должно пользоваться поступающее на службу лицо,—считать ли его шляхтичемъ, или, что тоже, дворяниномъ, или нѣтъ, да и какъ отличить шляхтича отъ не-шляхтича, если ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ никакихъ свѣдѣній объ этомъ доискаться не возможно? До сихъ поръ въ герольдіи имѣлись свѣдѣнія только о тѣхъ лицахъ изъ малороссійскаго шляхетства, которыя получили права русскихъ дворянъ. 18 января 1762 года графъ Романъ Воронцовъ докладывалъ сенату, что вслѣдствіе отсутствія въ герольдіи точныхъ свѣдѣній о малороссійскомъ шляхетствѣ, при пріемѣ малороссіянъ въ военную и штатскую службу простолюдины не рѣдко присваиваютъ себѣ шляхетское названіе и пользуется вслѣдствіе этого преимуществами, свойственными благородному дворянству. Для пресѣченія такого злоупотребленія Воронцовъ предлагалъ сосредоточить въ герольдіи свѣдѣнія о малороссійскихъ дворянскихъ фамиліяхъ съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ и съ показаніемъ полученныхъ тѣмъ шляхетствомъ грамотъ отъ польскихъ королей или отъ россійскихъ государей. Предложеніе Воронцова было одобрено государемъ, вслѣдствіе чего гетману была послана особая грамота съ повелѣніемъ составить списки малороссійскаго шляхетства и вмѣстѣ съ доказательствами препроводить въ герольдію [1]). Имѣла ли эта грамота какія-нибудь послѣдствія и точно ли началось въ Малороссіи составленіе списковъ шляхетскихъ родовъ,—не знаемъ. Полагать надо, что вступленіе на престолъ „Семирамиды Сѣвера“ заставило забыть и это распоряженіе ея предмѣстника, точно такъ же, какъ были забыты и многія другія. Къ тому же и вспоминать о немъ для малороссовъ не было никакой выгоды: вѣдь дипломированныхъ дворянъ и шляхтичей

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 420.

среди командующаго класса было не много. Насколько можно судить по позднѣйшему отзыву (наказу Старобудовскаго шляхетства), командующій классъ считалъ для себя это распоряженіе даже обиднымъ, такъ какъ де имъ „наведено о здѣшнемъ шляхетствѣ не малое сумнительство, которое тѣмъ для онаго тягостнѣе, что въ нынѣшнее время подлиннаго на то доказательства сыскать многотрудно“: „въ Малой Россіи,—объясняло шляхетство,—герольдіи не было, какія жъ у кого имѣлись привилегіи, онія, за происходившими въ послѣднихъ годахъ частими военними нахожденіями, между коими не токмо всѣ домы шляхетскіе, но и города подвержены были разоренію и сожженію, утеряны и истреблены и нынѣ весьма рѣдко въ кого сыскиваются, а паче что и Мазепа при забраніи всей архивы во время его измѣны, многіе также давніе привилегіи и грамоты да и другіе писменніе виды съ Малой Россіи съ собою увезъ, и оные безвѣстно пропали; посля такихъ чрезъ нѣсколко лѣтъ продолжавшихся разныхъ военныхъ разореній едва найдется какая фамилія, которая попынѣ могла удержать старинніи свои владѣнія, но оныя отъ предковъ ихъ продажею и другими случаями отойшли, а съ нынѣшнихъ ихъ потомковъ иныи пріобрѣли себѣ другія добра, а протчіе остаются въ нищетѣ и перепменованы“ [1]). Словомъ, положеніе дѣлъ было таково, что желать осуществленія распоряженій центральнаго правительства было совсѣмъ не въ интересахъ командующаго класса.

Во всякомъ случаѣ грамоту Петра Ѳедоровича слѣдуетъ отмѣтить, какъ первую попытку правительства регулировать сословный вопросъ въ Малороссіи.

Кратковременное правленіе Петра III имѣло громадное значеніе въ исторіи русскаго дворянства, освобожденнаго имъ отъ неудобоносимаго ярма обязательной службы государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказало и свою долю вліянія на сближеніе съ дворянствомъ малорусскаго командующаго класса. Послѣ манифеста о вольности дворянской положеніе великорусскаго дворянина не могло уже казаться такимъ тяжелымъ, какимъ до сихъ

[1]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 68, стр. 190—191.

поръ представлялось оно украинскому панству. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого командующій классъ не обнаруживаетъ желанія перемѣнить свои шляхетскія права и вольности на преимущества русскаго дворянства: и теперь, какъ и раньше, въ просьбахъ малорусскаго шляхетства замѣтно желаніе воспользоваться только преимуществами дворянскаго званія, удерживая за собою всѣ права и привилегіи, свойственныя шляхетству.

А просьбы возобновились почти съ началомъ новаго царствованія. Въ 1763 году малороссійскіе старшины и шляхетство вмѣстѣ съ гетманомъ обратились къ новой государынѣ съ ходатайствомъ все о томъ же уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великорусскими. Говорятъ, царица, получивъ эту просьбу отъ малорусскихъ депутатовъ, много смѣялась, тѣмъ не менѣе дѣло не было оставлено втунѣ. Вопросъ объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ былъ переданъ на разсмотрѣніе „собранія, въ коемъ происходилъ совѣтъ о вольности дворянской“ [1]). Довести его до конца, однако, и на сей разъ не удалось. Совѣтъ, какъ извѣстно, вскорѣ былъ распущенъ, и вопросъ о малороссійскихъ чинахъ опять сняли съ очереди.

Въ 1767 году командующему классу дали полную возможность высказать свои желанія и нужды. На этотъ разъ желанія высказаны были въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ въ предыдущихъ ходатайствахъ. Шляхетскіе наказы просятъ уже не только объ уравненіи малорусскихъ чиновъ съ великороссійскими, но и о предоставленіи всему командующему классу всѣхъ тѣхъ преимуществъ и выгодъ, какими пользовалось русское дворянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе опредѣленно выражается въ шляхетскихъ наказахъ и желаніе удержать за собой всѣ тѣ привилегіи и вольности, какими оно до сихъ поръ пользовалось на основаніи „правъ малороссійскихъ“. Отречься отъ этихъ правъ не согласно было даже черниговское шляхетство, а вѣдь извѣстно, что черниговцы могли написать въ своемъ наказѣ и то, чего имъ совсѣмъ не хотѣлось писать. Желаніе пользоваться привилегіями русскаго дворянства и въ тоже время

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 303—304.

не терять преимуществъ шляхетскаго званія усматривается почти въ каждомъ наказѣ. Глуховское шляхетство просило, чтобы „къ достиженію прославленія и въ чинахъ равенства“ его велѣли „присоединить къ россійскому дворянству и записать въ герольдію на вѣки дворянамы“ и дозволили ему „на такомъ основаніи, какъ россійскому дворянству, гдѣ пожелаетъ, службу имѣть и пользоваться всѣми жалованными и купленными добрами“; въ то же время оно напоминаетъ о своихъ стародавнихъ правахъ и привилегіяхъ и проситъ имъ подтвержденія [1]).

Нѣжинское и Батуринское шляхетство, указывая на „сумнительство“ о породѣ малороссійскаго командующаго класса, просило „къ прекращенію таковыхъ сумнѣній и къ пресѣченію впредь простопародным присваивать безъ заслугъ преимущества и выгоды, къ сему достоинству принадлежащія“, указать написать въ списокъ шляхетства всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Е. В. или самымъ Е. В. служили и служатъ, и обще съ оставшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ королей полскихъ и отъ царей всероссійскихъ, принять въ сообщество дворянъ россійскихъ, утвердивъ на вѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностраннія земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и штатской службъ и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство ползуется“. Не смотря на столь явно выраженное желаніе попасть „въ сообщество дворянъ россійскихъ“, шляхетство не думаетъ, однако, отказываться отъ тѣхъ вольностей и привилегій, которыми оно уже пользовалось „по силѣ правъ малороссійскихъ“. Это какъ нельзя лучше видно изъ перваго пункта его наказа: „предписываемъ вамъ,—поручаетъ оно своему депутату,—изъявить Е. И. В. нашу всеподданнѣйшую просьбу, чтобы мы, яко равніе къ равнимъ, свободніе къ свободнимъ и яко бывшій изъ древле истинній, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. т. 68, стр. 128.

тѣлу въ сообщество единаго закона присовокуплены были, *оставляя намъ на вѣкы всѣ отмѣнныя выгоды и волности, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ мы до сего ненарушимо ползовались и ползуемся*, изобразивъ онія для вѣчнаго храненія и исполненія и въ новь сочиняемыхъ законахъ, на мѣстахъ приличныхъ“[1]). Переяславское шляхетство жалуется на пренебреженіе къ нему и на „вредительныя сумнительства“ о его породѣ, просить о составленіи шляхетскихъ списковъ и о уравненіи его съ великорусскимъ дворянствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ напомнить и о сохраненіи за собою на вѣки „всѣхъ отмѣнныхъ волностей и выгодъ“ по прежнимъ правамъ и привилегіямъ. Въ кіевскомъ наказѣ читаемъ ту же просьбу объ уравненіи съ россійскимъ дворянствомъ и о сохраненіи за шляхетствомъ всѣхъ стародавнихъ отмѣнныхъ вольностей и выгодъ. Погорское шляхетство начинаетъ первый пунктъ своего наказа съ перечисленія шляхетскихъ правъ, а заканчиваютъ его просьбой „всѣхъ и во всякомъ чину и достоинствѣ нынѣ находячихся, въ потомство наше,... всемилостивѣйше пожаловать противъ россійскаго дворянства щытатся, а при томъ не обидными по чинамъ пожаловать классами“ [2]). Гадячское, Полтавское и Миргородское шляхетства не особенно безпокоились объ уравненіи съ великорусскимъ дворянствомъ, но за то энергично настаивали на утвержденіи своихъ „правъ, прежнихъ обыкновеній, вольностей и преимуществъ“ и просили „прежнія привилегіи и статьи Богдана Хмельницкаго, на которыхъ онъ съ народомъ малороссійскимъ приступилъ подъ державу Всероссійскую, вшесть и напечатать въ генеральное уложенье ко извѣстію и непремѣнному содержанію на вѣчное время“ [3]). Прилуцкое шляхетство просило содержать его въ чести дворянской и въ тоже время хлопотало о подтвержденіи всѣхъ старинныхъ правъ и привилегій [4]), а черниговцы, желая присовокупиться, „яко равные къ равнымъ, свободніе къ свободнимъ“, къ великорусскому дворянству, все-таки настаивали на сохраненіи за ними всѣхъ отличныхъ выгодъ и воль-

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 68, стр. 136.
[2]) Ibid. 206.
[3]) Сб. Имп. Р. И. Общ., т. 68, стр. 217.
[4]) Ibid., стр. 224, 227.

постей, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ они до сего ненарушимо пользовались, изобразивъ оныя для точнаго храненія и исполненія и въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ [1]).

Стремленіе на всегда удержать за собою стародавнія вольности и привилегіи „по силѣ правъ малороссійскихъ“ рѣзко обнаружилось и въ засѣданіяхъ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. При обсужденіи въ коммиссіи проекта правамъ благородныхъ депутатъ Кіевскаго шляхетства Золотницкій требовалъ дополнить 43 статью проекта въ томъ смыслѣ, что малороссійское шляхетство, въ разсужденіи его мѣста, остается на прежнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, но если кто изъ него будетъ въ великорусской службѣ, тотъ пользуется уже и преимуществами россійскаго дворянства [2]). Депутатъ Лубенскаго шляхетства Гр. Полетика, выслушавъ и обсудивъ проектъ правамъ благородныхъ, рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ согласиться на вновь сочиненныя дворянскія права, ибо они имѣютъ великія несходства и недостатки съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и требовалъ дополнить 43 статью проекта примѣчаніемъ, что малороссійское шляхетство должно остаться при всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, вольностяхъ и свободахъ [3]). Нѣсколько позже, убѣдившись, что имъ отъ коммиссіи ждать нечего, депутаты подали прошеніе царицѣ, въ которомъ уже не упоминали объ уравненіи съ россійскимъ дворянствомъ, а исключительно добивались подтвержденія старинныхъ правъ и привилегій [4]).

Шляхетскіе наказы свидѣтельствуютъ о полномъ развитіи у командующаго класса сознанія своей сословной обособленности отъ той среды, изъ которой онъ вышелъ. Кромѣ лубенскаго шляхетства, признававшаго шляхетскія права и за рядовымъ козачествомъ и не желавшаго никакихъ перегородокъ между старшиной и рядовиками [5]), весь командующій классъ выразилъ

[1]) Сб. И. Р. И. Общ. т. 68, стр. 235.

[2]) Сб. И. Р. И. О., т. 36, стр. 338.

[3]) Ibid., стр. 356.

[4]) Наказы малор. депутатамъ, изд. „Кіевск. Стар.“ стр. 177—184.

[5]) Ibid., стр. 163.

единодушное желаніе замкнуться въ отдѣльное сословіе, отгороженное отъ остального населенія высокимъ барьеромъ для устраненія „сумнительствъ“ о шляхетскомъ происхожденіи и къ „пресѣченію впредь простонароднымъ присваивать безъ заслугъ преимущества и выгоды сему достоинству принадлежащія“, шляхетство предлагало установить шляхетскіе списки [1]) и запись въ герольдію: сіе, по мнѣнію шляхетства, сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами Игнатіевимъ, Самойловичемъ и Мазепою. Само собою понятно, что на ряду съ гербованнымъ шляхетствомъ въ эти списки должны войти и всѣ козацкіе старшины [2]), которыхъ шляхетство просило пожаловать „необидными по чинамъ классами“.

Шляхетствомъ, по мнѣнію старогородцевъ, должны быть признаны: „1) которіе представять о шляхетствѣ своемъ грамоты привилегіи и другія доказательства; 2) которимъ высочайшими грамотами пожалованы и гетманскими универсалами либо правительствующаго сената за службы войсковіе наданы деревни, мелницы, дворы и протчія угодья; 3) кои нынѣ въ чинахъ и старшинахъ за свои и предковъ своихъ войсковыя службы состоять, и коихъ предки въ чинахъ же здѣшнихъ прежде были и въ вѣрности жизнь свою окончили“. Въ нѣкоторыхъ наказахъ шляхетство намѣчало для себя и сословную организацію: оно желало организоваться въ шляхетскія общества съ предводителями во главѣ на случай, „если бы послѣдовали отъ верховной власти каковыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія“. Шляхетскія общества должны получить право принимать въ свою среду новыхъ членовъ или отвергать ихъ; безъ ихъ согласія никто не имѣетъ права пріобрѣсть деревню, мельницу или какое-нибудь угодье... [3]).

Желанія шляхетства касательно уравненія въ правахъ съ русскимъ дворянствомъ, записи въ герольдію, пожалованія козацкихъ старшинъ „классами“ шли на встрѣчу объединительнымъ планамъ центральнаго правительства. Семирамида Сѣвера пре-

[1]) Сб. И. Р. И. Общ.. т. 68, стр. 128, 136, 148, 175, 191, 236.

[2]) Ibid. 136, 148, 175, 191, 236.

[3]) Ibid.., стр. 144, 153, 238.

красно понимала, какую важную роль въ дѣлѣ объединенія могутъ играть эти „классы“ и уравненіе чиновъ и правъ, и не скупилась на уступки желаніямъ командующаго класса. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ малороссійской коллегіи, ея малорусскіе члены были пожалованы крупными табельными чинами. Въ 1767 году командующій классъ получилъ право выбирать себѣ предводителей точно также, какъ и великорусскіе дворяне, а въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія шляхетскіе депутаты заняли мѣсто на ряду съ русскимъ дворянствомъ. Въ томъ же году послѣдовало и другое важное распоряженіе, заслуживающее быть отмѣченнымъ, какъ шагъ по пути къ уравненію командующаго класса съ русскимъ дворянствомъ. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 3 мая 1767 года на имя малороссійскаго генералъ-губернатора Румянцева было приказано доставить къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ, дѣтей обоего пола изъ лучшихъ малороссійскихъ фамилій [1]). Шагъ очень замѣтный, особенно если вспомнить, что всего шесть лѣтъ назадъ, въ 1761 г., сенатъ запретилъ принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малороссіи дворянъ нѣтъ.

Выразителемъ объединительной политики Екатерины явился и главный представитель центральнаго правительства въ краѣ, гр. Румянцевъ. Онъ, какъ и государыня, очень охотно признавалъ за малорусскимъ командующимъ классомъ дворянскія права. Отправляя по порученію Екатерины малорусскихъ паничей въ корпусъ, онъ не стѣснялся тѣмъ, что многіе изъ нихъ не могутъ доказать свое благородство никакими документами. „Въ прежнія времена господствовавшей здѣсь простоты,—писалъ онъ государынѣ,—когда всякаго состоянія житель искалъ имени козака, случалось и сіе, что самые генеральные старшины, оставя свои степени, становились въ войскѣ нижними начальниками, взирая на соединенныя съ тѣмъ выгоды, которыя предпочитаемы были всякой славѣ, то въ семъ общемъ смѣшеніи затмилось благородство многихъ фамилій. Выборъ изъ козаковъ во всѣ войско-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др., 1861, кн. I, смѣсь, стр. 150—151.

вые чины подкрѣплялъ тѣмъ паче сей непорядокъ и препятствовалъ быть на сей случай когда либо лучшему разбору. Посему прародители нынѣшнимъ своимъ потомкамъ не тщились оставить доказательство своего происхожденія, не видѣвъ въ томъ никакой тогда пользы, хотя многіе изъ нихъ отъ польскаго шляхетства во время присоединенія сей земли къ Россіи и послѣ того уже подъ державу всероссійскихъ монарховъ пришли [1]). Подъ такимъ объясненіемъ охотно подписался бы любой изъ представителей командующаго класса: оно какъ нельзя болѣе отвѣчало его стремленіямъ къ уравненію „въ честяхъ и преимуществахъ“ съ родовымъ дворянствомъ.

Изъ другого любопытнаго документа, „Записки о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской Коллегіи трактовать должно“, усматриваемъ, что Румянцевъ раздѣлялъ идеи шляхетства и относительно пожалованія малороссійскихъ старшинъ „классами“. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы всѣмъ „коронным служителямъ, а особливо военнымъ, опредѣлены были степени, а по тѣмъ жалованье, и въ производженіи въ чины, сходственно съ прочими Россійской имперіи, по заслугамъ, достоинству и старшинству, исключая земскихъ и магистратскихъ, поступаемо было“ [2]). Въ то же время генералъ-губернаторъ считалъ нужнымъ произвесть и разборъ малороссійскаго шляхетства, отдѣливъ должнымъ образомъ овецъ отъ козлищъ. Козлища, какъ и въ шляхетскихъ наказахъ,—козаки и вообще люди простонародной породы. „Въ дворянское достоинство,—писалъ онъ въ той же „запискѣ“,—по правамъ и установленіямъ, особливо по арт. 26 розд. 3, равнымъ образомъ и по гетманскимъ статьямъ, жаловать за знаменитыя услуги, по удостоеніямъ, оставлено единственно власти государевой, но здѣсь и самые козаки (не выключая тѣхъ, кои изъ мужиковъ, по пріобрѣтенному женитьбою или инымъ какимъ либо образомъ грунту, въ козаки выходятъ) въ семъ достоинствѣ почитаются, пользуясь въ судахъ однимъ правомъ и дво-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др., 1861, кн. 1, смѣсь, стр. 151.

[2]) Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. V, отд. III, стр. 108.

рянамъ токмо свойственными преимуществами и будучи вездѣ по судамъ такъ, какъ и сами себя называя, шляхтичами. Нерѣдко же, къ сожалѣнію, оказывается, что въ Малой Россіи по временамъ и обстоятельствамъ люди простонародные перемѣняютъ себѣ названіе и присваиваютъ часто себя, по волѣ и желанію, къ знатнымъ и благороднымъ фамиліямъ,—поступокъ вездѣ индѣ не токмо недозволенный, но и непростительный". Въ виду этого, генералъ губернаторъ находилъ необходимымъ „разсмотрѣть и розыскать, откуда сіе злоупотребленіе взяло прямо свое начало, и потомъ разсудить, кому точно по правамъ симъ преимуществомъ пользоваться, въ чемъ оное состоитъ, кого, безъ предосужденія сей степени, по заслугамъ, тому удостоить можно и какимъ способомъ пресѣчь вышеобъявленныя самозванія"[1]).

Согласно желанію Румянцева, вопросъ о малороссійскомъ шляхетствѣ былъ трактованъ и въ Коллегіи. Мнѣніе свое по этому предмету Коллегія высказала въ наказѣ члену своему Натальину, бывшему представителемъ Коллегіи въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Коллегія находила, что въ сходство правъ, въ дворянствѣ сочтены быть должны имѣющіе на то грамоты и по нынѣ сіе достоинство безъ преткновенія сохраняющіе, а достойными того, по мнѣнію Коллегіи, могутъ быть тѣ, кои заслужили отличныя государскія милости, пожалованіе деревнями и чинами генеральныхъ старшинъ и полковниковъ и тѣ, которыхъ предки въ тѣхъ и другихъ степеняхъ старшинскихъ отъ третьяго рода были; самозванія же ради разныхъ непозволительныхъ употребленій запретить, а всѣмъ прочимъ, дворянскаго достоинства не имѣющимъ, владѣльцамъ именоваться земствомъ[2]).

Возбужденный Румянцевымъ вопросъ, кто изъ малороссіянъ имѣетъ право пользоваться шляхетскими привилегіями, обсуждался и въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Мнѣніе Коллегіи по этому вопросу вызвало здѣсь нѣсколько замѣчаній со стороны „патріота" Полетики. Соглашаясь въ

---

[1]) Чт. въ Общ. Нестора Лѣт., кн. V, отд. III, стр. 106.

[2]) Чт. Общ. Ист. и др. 1858, кн. III, отд. V, стр. 62.

принципѣ со взглядами Коллегіи, лубенскій депутатъ предлагалъ, однако, свой планъ разбора шляхетства, отличный отъ плана Коллегіи. По мнѣнію Полетики, шляхетствомъ въ Малороссіи должны быть признаны, во-первыхъ, тѣ, кто представитъ дипломъ на шляхетское званіе отъ польскихъ королей или привилегіи и крѣпости на шляхетскія свои имѣнія, а также грамоту русскихъ государей на дворянство или на недвижимыя имѣнія, которыя получены за знатныя службы въ вотчины; затѣмъ шляхетскія права должны быть признаны за выходцами изъ Польши, Литвы, Венгріи, Сербіи и Волошской земли, которые были у себя на родинѣ шляхтичами и могутъ утвердить свое шляхетство различными доказательствами; вся козацкая старшина, хотя бы она не имѣла ни грамотъ, ни дипломовъ, по мнѣнію Полетики, имѣетъ къ шляхетству неоспоренное право, ибо въ Зборовскихъ гетмана Хмельницкаго, учиненныхъ съ республикою Польскою, договорахъ, между прочимъ, заключено, чтобы помянутая старшина по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жила яко шляхта. Затѣмъ Полетика находилъ необходимымъ допустить къ доказательству своихъ шляхетскихъ правъ всѣхъ, кто захочетъ, даже и простыхъ козаковъ: при польскомъ владѣніи въ Малороссіи было очень много шляхтичей, не имѣющихъ ни гербовъ, ни дипломовъ, да и теперь могутъ сыскаться между самыми бѣдными воинскаго чина людьми, которые родъ свой ведутъ отъ древнѣйшаго шляхетства. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать свободу по силѣ статутоваго права, розд. 3 арт. 10, доводить своего шляхетства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ шляхтичей съ отцевской и двухъ съ материнской стороны, которые бы присягою утвердили, что ищущій шляхетства есть природный и настоящій шляхтичъ, а если сей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему двухъ постороннихъ шляхтичей. „Сія справедливость,—говорилъ Лубенскій депутатъ,—тѣмъ меньше малороссійскому шляхетству отречена быть можетъ, что бывшія по земскимъ и гродскимъ судамъ шляхетскія доказательства въ воеводствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ и Черниговскомъ во время бывшей у Поляковъ съ Хмельницкимъ войны, сожжены, что доказываетъ конституція сейма, бывшаго въ Вар-

шавѣ въ 1654 году, которая сей же самый доводъ о шляхетствѣ утверждаетъ [1]).

Разборъ шляхетства, задуманный Румянцевымъ, осуществился значительно позже, спустя почти 20 лѣтъ, а пока примѣнялись частичныя мѣры, способствующія фильтраціи благороднаго сословія и отдѣленію отъ него грубыхъ элементовъ. Мы уже видѣли, какъ неодобрительно относилось высшее краевое правительство къ участію въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ людей козачьей и поселянской породы, равно какъ и представителей духовенства нижняго чина. Добиться осуществленія своихъ желаній Глуховскому правительству не вполнѣ удалось, но за то его указы способствовали установленію болѣе строгихъ взглядовъ на породу и достоинство шляхетскаго сословія. Не удалось ему достигнуть сразу и уравненія малороссійскихъ урядниковъ съ табельными великороссійскими чинами, но за то удалось подготовить для этого почву путемъ частичныхъ производствъ отдѣльныхъ старшинъ въ тотъ или другой чинъ табели о рангахъ. Такія производства въ первый періодъ управленія Румянцева Малороссіей (до 1781 года) очень не рѣдки. Они незамѣтно, но вѣрно дѣлали свое дѣло къ обоюдному удовольствію какъ командующаго класса, такъ и центральнаго правительства.

Какъ смотрѣлъ на это Румянцевъ,—видно изъ письма его къ князю Вяземскому отъ 3 мая 1774 года. Здѣсь онъ доказывалъ, что пожалованіе малороссійскаго шляхетства „классами“ является не только актомъ справедливости, но и разумной политики: въ прежнее время,—объяснялъ онъ,—малороссійскіе чиновники пользовались за свою службу имѣніями, приносившими большіе доходы, и чинами, въ сей землѣ довольно почитаемыми, не имѣя надобности въ жалованьѣ; теперь они имѣній за службу уже не получаютъ, но служатъ также ревностно, а потому и награжденіе ихъ классными чинами является вполнѣ справедливымъ. Къ тому же въ послѣднее время они возъимѣли ревность о равенствѣ съ великороссійскими, а табельные чины могутъ при-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др. 1858 г., кн. III, отд. V, стр. 91—92.

вязать ихъ къ Россіи и возбудить патріотизмъ къ общему отечеству [1]). А какъ смотрѣло на табельные чины само малороссійское шляхетство,—явствуетъ хотя бы изъ дневника С. И. Лашкевича. Этотъ богачъ, предводитель и важный по своей округѣ панъ, долго и усердно хлопочетъ о полученіи „россійскаго чина", предпринимаетъ даже спеціально съ этою цѣлью дорогую и трудную поѣздку въ Москву, настойчиво пробуетъ всѣ „Каналы" и, наконецъ, при назначеніи въ 1781 году на должность предсѣдателя Новгородъ-Сѣверскаго верхняго земскаго суда, добивается желаемаго и становится надворнымъ совѣтникомъ [2]).

Объединительная политика „малороссійскаго шефа" успѣшно дѣлала свое дѣло. Къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія мѣстный командующій классъ былъ уже достаточно подготовленъ къ превращенію въ благородное россійское дворянство. А когда правительство предоставило наконецъ ему всѣ преимущества дворянскаго званія, а само дворянство подняло на высоту привилегій командующаго класса, противиться превращенію не было уже никакихъ разумныхъ основаній.

Для малорусскаго командующаго класса наступилъ теперь послѣдній фазисъ его сословной эволюціи.

ГЛАВА II.

Рескриптъ 26 октября 1781 г.—Указъ 3 мая 1783 г.—Преобразованіе козачьихъ полковъ въ регулярные.—Шляхетскія права и дворянская грамота.—Депутатскія собранія. Затрудненія въ разборѣ дворянства.—Разъясненія Румянцева.—Дворянскія родословія.

Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія объединительная политика правительства, ограничивавшаяся до сихъ поръ частичными мѣрами и полумѣрами, дѣлаетъ рѣшительный шагъ. Въ 1782 г. въ Малороссіи вводится учрежденіе о губерніяхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и шляхетство въ области мѣстнаго самоуправленія получаетъ всѣ тѣ права, какими въ Великой Россіи

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ, (рукописный сборникъ, принадлежащій библіотекѣ Харьковскаго университета), листъ 189.

[2]) „Кіевская Старина, 1887, № 12, стр. 701.

пользовалось только родовое дворянство. Въ рескриптѣ Румянцеву отъ 26 октября 1781 г. читаемъ: „Выборъ въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, по точной силѣ учрежденій нашихъ, принадлежитъ дворянству, вотчины и помѣстья свои въ тѣхъ губерніяхъ имѣющему, такъ, какъ и избираемые изъ нихъ же должны быть, не препятствуя тѣмъ изъ нихъ выбраннымъ, кои хотя и въ тамошней военной службѣ находятся, но отъ оной въ земскую перейти пожелали бы". „Дворянствомъ, вотчины и помѣстья свои имѣющимъ", оказался въ Малороссіи именно тотъ классъ, который именовалъ себя шляхетствомъ; къ нему то и перешли всѣ тѣ права, которыя учрежденіе о губерніяхъ предоставляетъ только дворянамъ. Шляхетство было допущено къ выборамъ во всѣ должности, замѣщеніе коихъ, по закону, зависѣло отъ дворянства, и въ этомъ отношеніи достигло полнаго уравненія съ высшимъ сословіемъ имперіи. Введеніе въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ осуществило и другое давнишнее желаніе шляхетства—желаніе выдѣлиться въ особое сословіе. До сихъ поръ шляхтичъ, даже гербованный, судился въ одномъ судѣ съ какимъ-нибудь козацкимъ подпомощникомъ, и передъ лицомъ украинской Ѳемиды и тотъ, и другой были одинаково равноправными шляхтичами; съ введеніемъ новыхъ учрежденій шляхетство получило свой сословный судъ, въ которомъ уже не было мѣста людямъ козацкой и простонародной породы: для нихъ существовали теперь нижнія расправы. Обособленію шляхетства способствовалъ и обѣщанный рескриптомъ разборъ его правъ. „А какимъ образомъ о разборѣ дворянства поступать—гласилъ высочайшій рескриптъ—мы сообщаемъ вамъ для руководства и для наставленія тамошнихъ дворянскихъ предводителей съ ихъ обществомъ заготовленный нами проектъ главы о дворянствѣ, въ которомъ ясно и подробно описаны всѣ тѣ качества и достоинства, которыя ко утвержденію благородства служатъ и кои вы для такого употребленія прикажите выписать и сообщить имъ" [1]).

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 144; Полн. Собр. Зак., т. XXI, ст. 15265.

Осуществлялось такимъ образомъ то, о чемъ шляхетство ходатайствовало еще 15 лѣтъ назадъ черезъ своихъ депутатовъ въ Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Обѣщанный рескриптомъ разборъ долженъ былъ окончательно обособить шляхетство отъ остальныхъ слоевъ населенія, предоставивъ въ его исключительное пользованіе всѣ законныя права и привилегіи благороднаго сословія, на которыя до сихъ поръ имѣли дерзость посягать иногда и люди простонародной породы.

Какъ производился разборъ шляхетства, объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, а пока остановимся на другихъ распоряженіяхъ правительства, оказавшихъ вліяніе на превращеніе командующаго класса въ дворянство. Такими распоряженіями были: указъ 3 мая 1783 г., запретившій малорусскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, и указъ 28 іюля 1783 г. о преобразованіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ регулярные.

Малорусское крестьянство уже давно находилось въ полной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, тѣмъ не менѣе это были только „подданные“, а не крѣпостные. Посполитый, отбывавшій на своего пана всякія „работизны и послушенства“, пользовался, однако, правомъ въ любое время оставить своего владѣльца и избрать иное мѣсто жительства. Правда, это право было ограничено разными стѣснительными условіями, сводившими его почти къ нулю [1]), тѣмъ не менѣе оно существовало, и юридически посполитый считался все-таки свободнымъ человѣкомъ. Это признавало за нимъ неоднократно и само центральное правительство, не далѣе какъ въ 1763 г. подтвердившее малороссійскому народу право вольнаго перехода. Для малорусскаго панства право владѣнія крѣпостными людьми было самой завидной изъ привилегій русскаго дворянства: объ этомъ краснорѣчиво ораторствовали представители шляхетства на Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г., объ этомъ ходатайствовали они въ то время и передъ центральнымъ правительствомъ, доказывая, что закрѣпощеніе подданныхъ будетъ только возстановленіемъ древ-

[1]) „Кіев. Стар“., 1885 г., № 7, стр. 477.

нихъ правъ и вольностей малороссійскаго народа [1]). Теперь само правительство предоставляло эту привилегію въ руки шляхетства и такимъ образомъ равняло его съ столбовымъ русскимъ дворянствомъ. Указъ 3 мая 1783 г. сдѣлалъ козацкихъ старшинъ такими же точно помѣщиками, какими были потомки лицъ, записанныхъ въ боярскія книги.

Въ томъ же 1783 г. осуществилось и другое давнишнее желаніе малороссійскаго шляхетства—о пожалованіи его „необидными по чинамъ военнимъ и статскимъ классами". При преобразованіи малороссійскихъ козацкихъ полковъ въ карабинерные, было велѣно находящихся въ малороссійскихъ полкахъ чиновниковъ, которые захотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства найдены будутъ способными, смотря по степенямъ и заслугамъ, опредѣлить штабъ-и оберъ-офицерами, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ чинами потому же, или же по ихъ желанію препроводить для опредѣленія къ дѣламъ [2]), а въ слѣдующемъ 1784 г. предписано было прежнихъ малороссійскихъ чиновъ болѣе не давать [3]). Въ результатѣ получилось массовое переименованіе козацкой старшины въ русскіе табельные чины. Оставшіеся въ военной службѣ полковые асаулы, хорунжіе и писари становились теперь ротмистрами, сотниками,—поручиками, войсковые товарищи—корнетами, а значковые товарищи и сотенная старшина—унтеръ-офицерами. Тѣ изъ старшинъ, которые не захотѣли остаться въ регулярствѣ, выпущены были въ абшидтъ съ повышеніемъ однимъ чиномъ: бунчуковые товарищи и полковые обозные—премьеръ-маіорами, полковые хорунжіе, асаулы и писари—секундъ-маіорами, сотники—ротмистрами, а войсковые товарищи и сотенная старшина—корнетами. Бывшіе полковники выпущены въ отставку съ бригадирскими чинами. Что касается тѣхъ старшинъ, которые пожелали переименоваться въ табельные чины къ статскимъ дѣламъ, то и они производились примѣнительно къ военнымъ, хотя, впрочемъ, далеко не всегда однообразно: полковые, напр.,

---

[1]) „Кіевская Старина" 1883, № 6, стр. 317 и слѣд.

[2]) Ригельманъ, ч. IV, стр. 52.

[3]) Полн. собр. Зак. т. XXII, № 16117.

писари и асаулы производились въ коллежскіе ассесоры и въ титулярные совѣтники, между тѣмъ какъ равные съ ними по служебному положенію полковые хорунжіе—въ коллежскіе регистраторы, сотники и войсковые товарищи дѣлались иногда титулярными совѣтниками, а иногда только губернскими секретарями [1]). Какъ бы то ни было, „классами“ были пожалованы, всѣ, кто только имѣлъ къ этому охоту. Табельные чины раздавались даже тѣмъ, кто не имѣлъ на это ни малѣйшаго права. Авторъ воспоминаній, изданныхъ не для публики, разсказываетъ, что секретарь Румянцевской канцеляріи Дубовикъ, пользуясь довѣріемъ вельможи, между другими неблаговидными изъ корыстныхъ видовъ дѣйствіями, имѣлъ спекуляцію такого рода: кто изъ малороссійскихъ козаковъ могъ взнести ему сто серебряныхъ цѣлковыхъ, тому давалъ онъ (разумѣется, за подписью Румянцева) патентъ на чинъ корнета. Хотя деньги были тогда дороги и трудно было собрать простому козаку такую сумму отъ земледѣльства, но нѣкоторые изъ козачества не упускали благопріятнаго случая получить внѣ службы оберъ-офицерскій чинъ“ [2]). При такихъ условіяхъ непереименованными остались только тѣ, кто почему либо не могъ просить переименованія или не хотѣлъ „по привязанности къ національнымъ малороссійскимъ чинамъ“. Такимъ образомъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ малорусское шляхетство достигло полнаго уравненія „въ честяхъ и преимуществахъ“ съ родовымъ великорусскимъ дворянствомъ: оно участвовало въ дворянскихъ выборахъ, владѣло крѣпостными мужиками и носило такіе же табельные чины, какъ и настоящее служилое дворянство.

Уравненіе „въ честяхъ и преимуществахъ“ не могло еще, однако, окончательно пріобщить шляхетство, „въ сообщество единаго тѣла“ съ русскимъ дворянствомъ. Причиной этому была, какъ объясняетъ *А. И. Чепа*, „разность не малая“ въ правахъ и привилегіяхъ шляхетства и дворянства [3]). „Малороссійскія права“, на которыя такъ любилъ ссылаться командующій классъ,

---

[1]) Чтенія Общ. истор. и др. 1861 г., кн. II, отд. V, стр. 103, 107.

[2]) „Кіевская Старина“; 1895, № 5, стр. 220—221.

[3]) Ibid, 1893, № 1, стр. 54.

были гораздо шире тѣхъ правъ, коими пользовалось русское дворянство. Для того, чтобы эта „разность“ могла стереться, нужно было поднять русское дворянство до высоты шляхетскихъ привилегій. Это сдѣлала дворянская грамота 1785 г.

Чтобы понять, какую важную роль сыграла дворянская грамота въ дѣлѣ сліянія малорусскаго шляхетства съ русскимъ дворянствомъ, нужно разсмотрѣть, каковы были шляхетскія права и привилегіи и что дала дворянству грамота 1785 г.

Начнемъ съ шляхетскихъ правъ и привилегій. Шляхетство, по Статуту, есть высшее сословіе въ государствѣ; юридическія права всѣхъ его членовъ „отъ высшаго до низшаго стану“ совершенно одинаковы, не смотря на различія въ общественномъ и имущественномъ положеніи (1 арт. 1 розд.). Шляхетское званіе—званіе наслѣдственное: по 20 арт. 3 розд. шляхтичъ шляхтитъ жену не шляхтянку и родившихся отъ нея дѣтей. Доступъ въ шляхетство людей простой породы допускается только за важныя военныя заслуги, и нобилитація такихъ лицъ, согласно конституціи 1588 г., производится только во время сейма съ соизволенія государя и сенаторской избы [1]). По статуту шляхетское достоинство утрачивается только въ исключительныхъ случаяхъ. Имъ не могутъ пользоваться: государственные измѣнники, убѣжавшіе въ непріятельскую землю (6 арт. 1 розд.); выволанцы, какъ люди лишенные всякаго покровительства законовъ, (5 арт. 11 розд.); лица, побывавшія въ рукахъ палача (57 арт. 11 розд.); бѣглецы съ поля сраженія (4 арт. 2 розд.) и тѣ безземельные шляхтичи, которые лишены чести за самовольный уходъ изъ войска (10 арт. 2 розд.); временная утрата шляхетства установлена статутомъ для тѣхъ шляхтичей, кои стали бы заниматься въ городахъ мѣщанскимъ ремесломъ или торговлей, но до тѣхъ только поръ, пока шляхтичъ занимается мѣщанскимъ дѣломъ (25 арт. 3 розд.). Шляхтичъ судится только шляхетскимъ судомъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находится въ служебной зависимости отъ другого шляхтича, этотъ послѣдній имѣетъ

---

[1]) Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій., ч. X. О преимуществахъ и имѣніяхъ шляхетства.

право судить его только „засадивши при собе шляхту людей добрыхъ“ (арт. 11 розд. 3). Безъ судебнаго приговора шляхтичъ не только не можетъ быть лишенъ жизни, чести или имѣнія, но даже и арестованъ (если онъ имѣетъ осѣдлость), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ пойманъ на „горячемъ учинкѣ“ (10 арт. 3 розд. и 30 арт. 4 розд.). По Статуту никто не карается безъ суда даже за измѣну государству или преступленіе противъ „персоны господарской“ (2 арт. 1 розд.). Согласно конституціи 1565 г. дѣла о чести судятся самимъ королемъ на сеймѣ (28 арт. 1 розд. и 46 арт. 3 розд.), а по конституціи 1454 г. ни отъ одного шляхтича не можетъ быть отобрано имущество, пока онъ не осужденъ правомъ. За свое преступленіе шляхтичъ отвѣчаетъ только самолично: ни жена за мужа, ни братъ за брата наказанію не подлежатъ; исключенія изъ этого правила допускаются только по дѣламъ объ „ображеньѣ маестату“ верховной власти или измѣнѣ государству (18 арт. 1 розд.). Статутомъ установлены самые разнообразные и притомъ варварскіе способы смертной казни, тѣмъ не менѣе тѣлесное наказаніе въ тѣхъ позорящихъ формахъ, какія признаны Уложеніемъ, въ примѣненіи къ шляхетству совсѣмъ не допускается, равно какъ и пытка. Что касается смертныхъ приговоровъ, то для приведенія ихъ въ исполненіе Статутъ не требуетъ аппробаціи верховной власти; коррективомъ къ этому являлись для малороссійскаго шляхетства и старшины договорныя гетманскія грамоты: по 12 пункту статей Юрія Хмельницкаго мѣстное правительство не имѣетъ права казнить смертью начальствующихъ лицъ безъ царскаго указа; тоже подтверждено въ 16 пунктѣ инструкцій резиденту Наумову и въ рѣшительныхъ пунктахъ 1728 г. Шляхтичъ не былъ избавленъ отъ обязательной военной службы, но эта служба была для него только временной повинностью: являлся онъ на службу только по распоряженію сейма (1 арт. 2 розд.) и по окончаніи войны вновь становился свободнымъ гражданиномъ, не связаннымъ никакими служебными обязательствами. Шляхтичу былъ дозволенъ свободный выѣздъ въ чужіе края, не состоявшіе во враждебныхъ отношеніяхъ съ его отечествомъ „для набитья наукъ, въ письмѣ цвиченья и учинковъ

рицерскихъ и тем будучи неспособного здоровья своего для лекарствъ" (16 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣлъ право безпрепятственно исповѣдывать ту или другую религію по своему усмотрѣнію (3 арт. 3 розд.).

Шляхетское имѣніе находится въ полномъ распоряженіи владѣльца: онъ имѣетъ право дарить, продавать, завѣщать и вообще, какъ хотѣлъ, „шафовать" не только благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, но и родовымъ (41 арт. 3 розд.); въ случаѣ его смерти его имѣніе безпрепятственно переходитъ къ его наслѣдникамъ (17 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣетъ право селить на своихъ земляхъ мѣстечки и заводить торги (29 арт. 1 розд.). Онъ можетъ купить себѣ домъ въ городѣ, но занятіе ремесломъ или торговлей лишаетъ его шляхетства до тѣхъ поръ, пока онъ занимается ими (49 и 25 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣлъ право безпошлинно провозить продукты собственнаго хозяйства, а также и товары, купленные для своего домашняго обихода (не для торговли) (30 арт. 1 розд.). Свои имѣнія шляхетство имѣетъ право эксплуатировать на поверхности и въ нѣдрахъ, какъ угодно (2 арт. 3 розд.). Шляхетскій домъ въ городѣ свободенъ отъ постоя (49 арт. 3 розд.). Шляхетскія имѣнія съ ихъ подданными свободны отъ податей и всякихъ натуральныхъ повинностей (20 арт. 3 розд.); по привилегіи кіевской землѣ 1569 г. съ панскихъ имѣній взимается подать только въ размѣрѣ 2 грошей польскихъ съ жилой уволоки, а гдѣ уволокъ нѣтъ,—по грошу съ дыма; по 29 арт. 3 розд. Статута количество поборовъ съ панскихъ имѣній опредѣляется самимъ же шляхетствомъ на вальномъ сеймѣ. Панскіе подданные, даже за проступки постороннихъ лицъ, судятся ихъ владѣльцемъ и только въ случаѣ отказа владѣльца въ удовлетвореніи потерпѣвшаго или недовольства его владѣльческимъ судомъ, дѣло переносится въ общія судебныя установленія (48 арт. и 4 розд. и 32 арт. 11 розд.) Уряды, достоинства и имѣнія не могутъ быть даваемы чужеземцамъ (12 арт. 3 розд.) или людямъ не шляхетскаго происхожденія. Безъ суда и разбора дѣла шляхтичъ не можетъ быть лишенъ своего уряда или достоинства (14 арт. 3 розд.); это правило отчасти нашло себѣ подтвержденіе и въ гетманскихъ статьяхъ:

по 7 пункту статей Ю. Хмельницкаго гетманъ не можетъ собственною властью отставлять полковниковъ; по 11 пункту статей Мазепы онъ не можетъ безъ царскаго указа мѣнять генеральной старшины; тоже подтверждено инструкціей Наумову и рѣшительными пунктами 1728 г. Шляхетству всецѣло предоставлено было право сословнаго суда, какъ въ низшихъ инстанціяхъ, такъ и въ высшихъ: оно выбирало подкоморыхъ (1 арт. 9 розд.), земскихъ судей, подсудковъ, писарей и возныхъ (1 арт. 4 розд.), а также депутатовъ въ главный трибуналъ. Ему принадлежатъ широкія политическія права. Оно обсуждало на повѣтовыхъ сеймикахъ не только мѣстныя, но и общегосударственныя нужды и выбирало пословъ въ сеймъ (6 арт. 3 розд.), которые обязаны были по возвращеніи домой отдавать на сеймикахъ отчетъ шляхетству въ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій (9 арт. 3 розд.).

На вальныхъ сеймахъ шляхетство въ лицѣ своихъ депутатовъ, законодательствовало и опредѣляло налоги, объявляло войну и заключало миръ (15 арт. 3 розд. и 2 арт. 2 розд.), а на элекційныхъ избирало даже главу государства (2 арт. 3 розд.).

Таковы были шляхетскія права и вольности, на которыя изъявлялъ притязанія малорусскій командующій классъ. Посмотримъ теперь, каковы были права и вольности русскаго дворянства, дарованныя ему грамотой 1785 г.

Какъ и Статутъ, дворянская грамота признаетъ дворянское достоинство наслѣдственнымъ, передаваемымъ женѣ и дѣтямъ. Отнимается оно только за важнѣйшія преступленія: нарушеніе клятвы, измѣну, разбой, воровство, лживые поступки, преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, и за подстрекательство къ такимъ преступленіямъ. Дворянинъ не можетъ быть лишенъ чести, жизни, дворянскаго достоинства и имѣнія иначе, какъ по суду, а судится онъ только односословниками; судебный приговоръ надъ дворяниномъ, сопряженный съ лишеніемъ его дворянства, чести, или жизни, входитъ въ законную силу только послѣ аппробаціи его государемъ. Дворянинъ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія; въ военной службѣ, хотя бы онъ былъ и нижнимъ чиномъ, его

наказываютъ какъ оберъ-офицера. Дворянству дана свобода отъ обязательной службы государству, съ тою, впрочемъ, оговоркою, что въ важныхъ случаяхъ оно все таки обязано являться на службу по призыву правительства; къ тому же нигдѣ не служившій дворянинъ лишается права на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, предоставленномъ дворянству. Дворянству дозволенъ выѣздъ въ чужіе края и поступленіе на службу союзныхъ Россіи государствъ. Дворянинъ имѣетъ право по собственной волѣ распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, что же касается наслѣдственнаго имѣнія, то въ этомъ отношеніи воля его ограничена закономъ. Наслѣдственное дворянское имѣніе, въ случаѣ осужденія его владѣльца за важное преступленіе, переходитъ къ его наслѣдникамъ. Дворянству принадлежитъ право покупать деревни, продавать продукты своего хозяйства, имѣть у себя въ деревняхъ фабрики и заводы, заводить, съ вѣдома губернскаго начальства, въ своихъ имѣніяхъ мѣстечки и въ нихъ торги и ярмарки. Дворяне могутъ покупать дома въ городахъ, „въ оныхъ заниматься рукодѣліемъ“ и, по желанію, пользоваться городовымъ правомъ. Дворянамъ дозволяется продавать оптомъ, даже и за границу, произведенія своего хозяйства или заводовъ и фабрикъ. Они имѣютъ безусловное право эксплуатировать принадлежащія имъ имѣнія не только на поверхности, но и въ нѣдрахъ. Дворянскій домъ въ деревнѣ свободенъ отъ постоя, а самъ дворянинъ изъемлется отъ личныхъ податей и повинностей.

Таковы личныя преимущества дворянъ, установленныя грамотою 1785 г. Ими, однако, не исчерпываются „выгоды“ дворянскаго состоянія. Дворянская грамота собираетъ разсѣянныхъ по своимъ деревнямъ помѣщиковъ и организуетъ изъ нихъ въ каждой губерніи дворянскія общества. Дворянамъ предоставлено право собираться въ опредѣленные сроки для выборовъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, для выслушиванія предложеній начальства и разсужденія о своихъ сословныхъ нуждахъ. Право голоса въ собраніяхъ ограничено возрастомъ, имущественнымъ и служебнымъ цензомъ. Опороченный судомъ или сомнительный въ нравственномъ отношеніи дворянинъ можетъ быть исключенъ изъ собранія по его постановленію. Собранія дворянъ выбира-

ютъ уѣздныхъ и губернскаго предводителей, засѣдателей верхняго земскаго и совѣстнаго судовъ, уѣзднаго или окружнаго судью и земскаго исправника, засѣдателей уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ и депутатовъ для составленія родословной книги. Дворянское собраніе имѣетъ право представлять генералъ-губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ и дѣлать черезъ депутатовъ представленія и жалобы какъ сенату, такъ и государю. За законностью постановленій дворянства слѣдитъ губернскій стряпчій. Собраніе дворянства не подлежитъ аресту. Для попеченій о дворянскихъ сиротахъ и вдовахъ при каждомъ уѣздномъ судѣ состоитъ дворянская опека, предсѣдатель которой—предводитель, а члены—судья и его засѣдатели [1]).

Если сравнить шляхетскія права съ тѣми правами, которыя были даны дворянству грамотой 1785 г., то, конечно, перевѣсъ останется на сторонѣ первыхъ. Вспомнимъ хотя бы политическія права шляхетскаго сословія, его исключительное право на занятіе всѣхъ урядовъ и достоинствъ, право не быть безъ суда лишеннымъ занимаемой должности, не подвергаться аресту безъ судебнаго приговора, судить и наказывать своихъ крестьянъ, распоряжаться по произволу родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, свободу шляхетскихъ имѣній отъ налоговъ и натуральныхъ повинностей... Но для того, чтобы правильно смотрѣть на дѣло, нужно вспомнить также и то, что многими и многими изъ этихъ правъ малороссійскій командующій классъ совсѣмъ не пользовался въ дѣйствительности. Политическія права шляхетства были въ дѣйствительности только журавлемъ въ небѣ, о которомъ могли мечтать развѣ завзятые идеологи: шляхетство уже давно привыкло безропотно подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ отъ „вышней команды“, къ тому же большинство его состояло не изъ „патріотовъ“ въ родѣ Полетики, а изъ самыхъ заурядныхъ сотниковъ, возныхъ, полковыхъ старшинъ, для которыхъ хозяйственные и имущественные интересы были гораздо дороже права разсуждать о законахъ и управленіи: для большинства свобода винокуренія была во всякомъ случаѣ выше

[1]) Жалованная грамота дворянству и городовое положеніе. Изд. типогр. Пр. Сената. Москва 1804., стр. 1—15.

свободы политической. Исключительнаго права на занятіе урядовъ малорусское шляхетство никогда не имѣло, а крестьянъ своихъ, такъ же, какъ и русское дворянство, судило только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не пахло „криминаломъ“ [1]).

Къ раздачѣ земель и достоинствъ „чужеземцамъ“ оно уже давно привыкло: не одинъ Меньшиковъ сталъ малороссійскимъ помѣщикомъ, и не одинъ Толстой попалъ въ малороссійскіе полковники. Свободы вѣроисповѣданія шляхетству вовсе не было нужно: все оно было православнымъ. Такимъ образомъ, если исключить изъ шляхетскихъ правъ все то, чѣмъ малорусское шляхетство въ дѣйствительности не пользовалось, то и останется почти та сумма „преимуществъ и выгодъ“, какая дарована была русскому дворянству грамотой 1785 г. Игнорировать этими „выгодами“ малорусскому шляхетству было нельзя, хотя бы потому, что права, дарованныя дворянству Высочайшей грамотой, обѣщали быть гораздо болѣе устойчивыми, нежели шляхетскія права, нарушаемыя сплошь и рядомъ. Къ тому же и сами эти права на законномъ основаніи принадлежали только небольшой части шляхетства, тѣмъ немногимъ потомкамъ родовыхъ шляхтичей и дворянъ, которые могли представить „безсумнительныя“ доказательства своего благороднаго происхожденія, а большинство, вышедшее изъ козацкой толпы, строило свои притязанія на крайне шаткихъ аргументахъ: ссылались обыкновенно на то, что козацкая старшина есть именно тотъ „рыцарскій станъ“, который Статутъ сравниваетъ въ правахъ и преимуществахъ съ родовымъ шляхетствомъ. Ссылались на какую-то таинственную статью Зборовскаго трактата, въ которой будто бы заключено, „чтобы старшина войска запорожскаго по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жили яко шляхта“ [2]). Ссылались на 6 статью

[1]) Права, по которымъ судится мал. народъ, стр. 52.

[2]) Наставленіе выборному отъ Мал. Колл. въ коммассію о сочиненіи проекта новаго уложенія г. колл. совѣтнику и члену той же коллегіи Дм. Наталину и возраженіе депутата Григорія Полетики на оное наставленіе, Чт. Общ. ист. и др. 1858 кн. 3, отд. V, стр. 91. „Зборовскій договоръ, въ польской редакціи и въ русскомъ переводѣ напечатанный 3 томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ № 137, ни словомъ не упоминаетъ ни о чемъ подобномъ. А между тѣмъ на него неизмѣнно ссылались всѣ защитники дворянскихъ правъ старшины, начиная съ Полетики и кончая Репнинымъ. Непонятное недоразумѣніе!

договора Многогрѣшнаго и 4 статью Мазепы, въ которыхъ только и сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ въ той же дворянской чести изволилъ пожаловать". Аргументы очень сомнительные, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать выводъ въ пользу шляхетскихъ правъ старшины.

При такихъ условіяхъ малорусскому шляхетству не было никакихъ разумныхъ основаній отказываться отъ „преимуществъ и выгодъ", предложенныхъ ему дворянской грамотой.

И оно не отказывалось. Благоразумные люди, успѣвшіе оцѣнить выгоды дворянскаго званія, успѣли „промыслить" себѣ дворянство еще за нѣсколько лѣтъ до изданія дворянской грамоты. „Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно", писалъ въ 1782 году знаменитый Георгій Конисскій своему бывшему питомцу Г. А. Полетикѣ [1]). Не знаемъ, много ли было изъ среды шляхетства лицъ, благовременно промыслившихъ себѣ дворянское званіе, но какъ только открылись въ Малороссіи дворянскія депутатскія собранія, претендентовъ на это званіе явилась масса. Разборъ дворянства, предписанный рескриптомъ 26 октября 1781 года, долженъ былъ начаться тотчасъ же по введеніи въ краѣ учрежденія о губерніяхъ. Выписки изъ высочайшаго проекта о дворянствѣ были сообщены для наставленія предводителямъ еще 5 и 13 декабря того же 1781 г., но дворянскія коммиссіи состоялись только въ 1784 г. „Губернскіе предводители дворянства,—разсказываетъ А. Марковичъ,—потребовали отъ уѣздныхъ доставленія дворянскихъ списковъ, по составленіи которыхъ они должны были въ каждомъ уѣздѣ со всѣми дворянами и шляхетствомъ избрать депутата для разбора дворянства" [2]). По дошедшему до насъ ордеру къ Новгородъ-Сѣверскому предводителю

---

[1]) „Кіев. Стар., 1895, № 5, страница 239.

[2]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, изд. съ Высочайшаго соизволенія при статистическомъ отдѣленіи совѣта М. В. Д. С.-Петербургъ 1841, отд. IV, страница 7.

дворянства Миклашевскому отъ 29 марта 1784 года, дѣло представляется нѣсколько иначе. Дворянское общество каждаго уѣзда выбирало изъ своей среды 3—4 депутатовъ, „особъ извѣстнѣйшихъ и почетнѣйшаго рода, дворянскаго достоинства"; депутаты эти являлись въ губернскій городъ и здѣсь составляли дворянскіе списки, которые передавались губернскому предводителю. Имъ то вмѣстѣ съ уѣздными депутатами и производился разборъ дворянскихъ доказательствъ [1]).

Дѣятельность малороссійскихъ депутатскихъ собраній 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ наши дни стала своего рода притчею во языцѣхъ. Повѣсть о ихъ злоупотребленіяхъ неизмѣнно повторяется во всѣхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся вопроса о малороссійскомъ дворянствѣ. Въ основу сужденій и выводовъ кладутся обыкновенно „Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія", которыя, несмотря на видимую тенденціозность ихъ автора, признаются за непреложное свидѣтельство истины. А „замѣчанія" рисуютъ цѣнителей дворянскихъ правъ шляхетства въ самомъ непривлекательномъ видѣ. По разсказу ихъ анонимнаго автора, при первомъ открытіи коммиссій для разбора дворянства въ нихъ „выбираемы были депутаты такіе, которыхъ дворянское достоинство какъ природою, такъ и чинами неоспоримо было; но въ послѣдующее время стали въ сіе важное званіе вступать и такіе люди, которые въ виду всѣхъ были купцы, или простые козаки, и разными происками получили чинъ войсковаго или бунчуковаго товарища, или полковой старшины, называли себя дворянами и вступали въ такъ деликатную и важную должность, что стали дѣлать дворянскому достоинству разборъ, по которому они и сами не могли симъ званіемъ пользоваться... Большая часть доказывающихъ свое достоинство бросилась за границу, въ бывшую Польшу, и посредствомъ жидовъ покупала у поляковъ на оное свидѣтельства, причислял себя къ такимъ фамиліямъ, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ и не бывало; многіе жиды вывозили подрядомъ изъ Польши за деньги таковыя свидѣтельства, и коммиссіи, безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ мини-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 146.

стровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ, ихъ принимали; многіе простые козаки и самые казенные и владѣльческіе крестьяне поступили симъ обманнымъ образомъ въ дворяне, а депутаты сдѣлали себѣ черезъ то хорошій доходъ, такъ что многіе на оные напрашивались. Словомъ сказать, изъ сего важнаго и святаго дѣла сдѣлалось торжище и лавка, и депутаты, набравъ изъ коммиссій съ пробѣломъ дворянскихъ грамотъ, оными торговали. Говорятъ, что о таковомъ злоупотребленіи былъ въ бывшей новгородъ-сѣверской губерніи на депутата Сахновскаго, въ Сосницкомъ повѣтѣ, въ с. Деговѣ проживающаго, доносъ, который будто бы, въ казенной малороссійской палатѣ и по нынѣ неокончennымъ лежитъ. Невозможно себѣ тѣхъ представить беззаконій, какія въ семъ случаѣ произошли: сапожники, кузнецы, мясники и другіе подобные симъ мастеровые, издревле въ семъ званіи бывшіе и подушнымъ и другимъ окладомъ изстари обложенные, теперь дворянами называются, продолжая при томъ свое ремесло. Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи нынѣ сто тысячъ дворянъ считается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ и сотой доли не было и быть не могло“ [1]).

Сдѣланная авторомъ „Замѣчаній“ характеристика качественнаго состава депутатскихъ собраній подтверждается и еще однимъ документомъ, дошедшимъ до насъ отъ того же времени; но этотъ документъ только сатира, правда, очень удачная, но все же сатира. Въ ней выведенъ депутатъ переяславскаго шляхетства Плящинскій, котораго авторъ и заставляетъ разсказать свою біографію [2]). Плящинскій—бывшій подданный переяславскаго полковника Сулимы; по освобожденіи отъ подданства получилъ онъ чинъ значковаго товарища; нигдѣ не служа въ дѣйствительности и занимался исключительно „шинковымъ промысломъ“, Плящинскій черезъ нѣсколько лѣтъ становится войсковымъ товарищемъ, а когда къ шинковому дѣлу онъ присоединилъ

[1]) Чт. Общ. ист. и древн. 1884 г., кн. I, отд. II, стр. 19.

[2]) Въ „Собраніи рѣдкостей“, коимъ мы пользовались, Плящинскій названъ Климовичемъ, а прошеніе его адресовано д. с. с. гражданскому малороссійскому губернатору и кавалеру М. П. Миклашевскому. (Собраніе рѣдкостей, страница 707—721).

торговлю рыбой и солью, получаетъ чинъ полковаго асаула, а еще нѣсколько времени спустя производится въ секундъ-маіоры. „Въ нынѣшнемъ моемъ уже маіорскомъ чинѣ,—разсказываетъ Плящинскій,—по всеприлежнѣйшему моему для удобнѣйшей доправки шинковыхъ долговъ старанію, выбранъ былъ я въ нижній земскій судъ засѣдателемъ, но за многіе мои непорядки и противозаконные поступки по указу Правительствующаго Сената отъ сей должности отрѣшенъ, почему мнѣ быть въ дворянскомъ собраніи вовся невозможно". Плящинскій не хочетъ, однако, торговать дворянскими грамотами, какъ дѣлали депутаты автора „Замѣчаній", а напротивъ, проситъ объ увольненіи отъ депутатской должности, въ которую онъ выбранъ „противъ воли и чаянія". Онъ пишетъ, что не можетъ себѣ и представить, какъ можно ему оставить излюбленный шинковой промыслъ и сидѣть въ дворянскомъ собраніи, гдѣ „вмѣсто представляющихся мнѣ всегда бутылокъ, кружекъ, стакановъ и чарокъ долженъ я видѣть на столѣ чернильницы, пѣсошницы и бумаги, а вомѣсто ярманковаго и торговаго народнаго шума—чтеніе секретаремъ дѣлъ, вомѣсто же того, что тамъ спрашиваютъ, почему кварта горѣлки, а тутъ только одинъ секретарь будетъ спрашивать, какую наложить резолюцію" [1]).

Автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ", ни въ коемъ случаѣ невозможно заподозрить въ безпристрастіи; его тенденціозность, его повальное охужденіе всего того, чѣмъ Малая Россія въ то время отличалась отъ Великой, читаются въ каждой строкѣ его „Замѣчаній". Если ему повѣрить, то окажется, малороссійская губернія „въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній отстала и во всемъ ихъ хуже"; что „между малороссіянами во всякомъ званіи или вовся нѣтъ, или очень мало дружества, родственнической любви и связи"; что „малороссіяне вообще спесивы, надуты и непривѣтливы, особливо тѣ, которые подлаго состоянія, безъ всякой службы и безъ всякихъ заслугъ, одними деньгами

[1]) „Кіевская Старина", 1888, № 1, отд. III, стр. 26—28.

и подарками, въ дворянство вышли: они только или страха ради или по надобности и нуждѣ покорны и низки"; что простой народъ къ лѣности и праздности отмѣнно склоненъ"; что всѣ привилегіи, прерогативы, преимущества и права" малороссіянъ состояли въ томъ, что ихъ гетманы за одно оскорбленіе его ливреи сѣкли плетьми, а драгуны презирали и нагайками гоняли.

При такихъ условіяхъ вѣрить на слово разсказу автора „Замѣчаній" довольно рисковано, а тѣмъ менѣе, конечно, можно придавать значеніе „историческаго документа" пресловутому прошенію Плящинскаго. Намъ думается, что разсказъ о злоупотребленіяхъ малороссійскихъ депутатскихъ собраній можетъ быть принятъ только послѣ тщательной провѣрки всѣхъ относящихся къ этому вопросу документовъ, при чемъ, конечно, не должны быть забыты и обстоятельства мѣста и времени, при которыхъ совершался разборъ малороссійскаго дворянства.

Документальную провѣрку дѣятельности депутатскихъ собраній мы оставляемъ будущимъ изслѣдователямъ этого вопроса, для которыхъ болѣе доступны архивы дворянскихъ собраній, а объ обстоятельствахъ, при коихъ происходилъ разборъ дворянства, скажемъ нѣсколько словъ на основаніи имѣющагося у насъ матеріала.

Для руководства малороссійскихъ депутатскихъ собраній былъ присланъ въ 1781 г., „проектъ главы о дворянствѣ", а въ 1785 году этотъ же проектъ былъ включенъ въ жалованную грамоту. Здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ правилъ, по какимъ доказательствамъ то или другое лицо можетъ быть признано дворяниномъ, но нѣтъ ни одного правила, спеціально предназначеннаго для разбора малороссійскаго дворянства. А такія правила для малороссійскихъ депутатовъ были болѣе чѣмъ необходимы въ виду того хаотическаго состоянія, въ какомъ находился въ то время сословный вопросъ въ Малороссіи [1]). Шляхетствомъ здѣсь считались, какъ мы видѣли, не только родовые

[1]) Необходимость спеціальныхъ правилъ для разбора малороссійскаго дворянства признавалъ и самъ авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ" Чтеніе Общест. Ист. и др. 1848 года, книга I, отд. II, стр. 23—24.

шляхтичи и дворяне, но и всѣ малороссійскіе урядники и ихъ потомки, все бѣлое духовенство съ его потомствомъ, и, наконецъ, даже козаки выборные и подпомощники. Съ открытіемъ дѣйствій депутатскихъ собраній на дворянство заявили претензію всѣ, кто только пользовался до сихъ поръ шляхетскими преимуществами „по силѣ правъ малороссійскихъ“. Иначе, конечно, и быть не могло. Быть или не быть дворяниномъ составляло для всякаго вопросъ не только тщеславія, но и первѣйшей жизненной важности. Дворянство было по тому времени особенная порода людей: оно пользовалось свободой отъ службы, свободой отъ позорныхъ наказаній, свободой отъ податей и личныхъ повинностей, правомъ владѣть крѣпостными людьми. На его сторонѣ были всѣ права и преимущества, а у тѣхъ, кто не принадлежалъ къ нему, не было никакихъ правъ; это была безправная „подлость“, гарантированная отъ насилій и произвола иногда даже менѣе, чѣмъ въ наши дни преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія. Людямъ, привыкшимъ къ привилегированному положенію, предстояло на вѣкъ, съ настоящимъ и будущимъ потомствомъ, потонуть въ морѣ безправія; удивительно ли, что они изъ всѣхъ силъ старались удержаться на поверхности? Доказывая свое дворянство, они отстаивали не только свои командирскія, но и человѣческія права. При такихъ условіяхъ въ претендентахъ на дворянство не могло, конечно, быть недостатка.

Само собою понятно, что на ряду съ гербованнымъ шляхетствомъ пожелала превратиться въ дворянство вся козацкая старшина. Право свое на дворянство она доказывала патентами на чины, универсалами, а иногда и грамотами на маетности, купчими, закладными, свидѣтельствами 12 дворянъ о благородной жизни отца и дѣда. Духовенство тоже представляло свои аргументы, которыми старалось доказать свое несомнѣнное право на дворянское званіе. До насъ дошло прошеніе, поданное священникомъ м. Смѣлаго Дичковскимъ Конотопскому уѣздному предводителю Шкляревичу, въ которомъ проситель на основаніи цѣлаго ряда цитатъ изъ ветхаго и новаго завѣтовъ и „отъ гражданскихъ законовъ“ (даже Морскаго устава) силится дока-

зать, что попы—настоящіе дворяне, а въ заключеніе проситъ „для чести и свободнаго владѣнія имѣніемъ и людьми и для безнуждnаго провожденія и продолженія благородной жизни записать его съ фамиліей между шляхетствомъ“ [1]). Точно такъ же, какъ Дичковскій, смотрѣло на себя и все духовенство. Къ этому именно относятся „Пункты о духовныхъ чинахъ и ихъ дѣтяхъ бѣлаго священства“, гдѣ доказывается, что все священство и его потомки должны быть признаны дворянами, ибо они всегда пользовались шляхетскими вольностями и свободой, судомъ, имѣніемъ, честью и достоинствомъ, равно какъ и головщина и безчестіе взимались за нихъ, какъ за природныхъ шляхтичей. Къ тому же духовные чины, по объясненію составителей „Пунктовъ“, присутствовали и при важныхъ политическихъ актахъ, при договорахъ гетмановъ и въ разныхъ коммиссіяхъ, избираемыхъ для общенародной малороссійской пользы и нужды, а на статьяхъ Самойловича подписывались даже выше сотниковъ; не былъ, конечно, забытъ „Пунктами“ и указъ 1734 г., которымъ велѣно поповскихъ дѣтей принимать въ военную службу значковыми товарищами, точно такъ же, какъ и важное обстоятельство, что по закону духовныя правленія „сообщаются“ съ верхними и уѣздными судами промеморіями, а не репортами [2]).

Многіе разночинцы, козаки, попы просили внесть ихъ въ родословную книгу на основаніи свидѣтельства 12 человѣкъ несомнѣнныхъ дворянъ о томъ, что отецъ и дѣдъ и сами просители вели благородную жизнь и состояніе, сходно съ дворянскимъ названіемъ, хотя въ дѣйствительности и дѣдъ, и отецъ да и самъ проситель были козаками. Если дворянскія собранія отказывались по такимъ свидѣтельствамъ признавать просителей дворянами, дѣло не рѣдко переносилось въ герольдію. Въ Лубенскомъ повѣтѣ жительствовалъ нѣкій Омельяненко, у котораго сыновья дослужились до войсковыхъ товарищей. При открытіи дѣйствій депутатскихъ собраній Омельяненко задумалъ сдѣлаться дворяниномъ. Онъ представилъ въ кіевскую коммиссію свидѣтель-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 335—340.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 321—334.

ство 12 штабъ-и оберъ-офицеровъ о томъ, что отецъ и дѣдъ его вели благородную жизнь и служили *воинско* и что самъ онъ былъ сотеннымъ повѣреннымъ при выборѣ депутата отъ Лубенскаго полка въ коммиссію для составленія проекта новаго уложенія. Депутатское собраніе нашло доказательства Омельяненка недостаточными и отказало ему. Омельяненко пожаловался собранію дворянства, но и здѣсь получилъ отказъ. Тогда онъ перенесъ дѣло въ герольдію, которая признала свидѣтельство 12 дворянъ законнымъ доказательствомъ и потребовало отъ Кіевской Коммиссіи объясненій о причинѣ отказа [1]).

Дворянскаго званія добивались и многіе другіе разночинцы. Они въ видѣ доказательствъ представляли купчія, закладныя или рядныя на шляхетское имѣніе, дворъ, покосъ, ниву, лѣсокъ или мельницу. Выданы были эти документы лицами несомнѣнно шляхетскаго происхожденія, но выданы козаку, попу или разночинцу. Другіе представляли въ видѣ доказательствъ разрѣшенія гетмановъ или полковниковъ на устройство мельницъ, рудень и т. п. Наконецъ, являлись и перекресты изъ жидовъ и тоже требовали признать ихъ дворянами, ссылаясь на 7 арт. 12 розд. Статута. Разобраться во всемъ этомъ депутатскимъ собраніямъ было очень трудно. Правила, предложенныя дворянской грамотой для разбора, могли не вызвать недоразумѣній только въ Великой Россіи, гдѣ различіе сословій установилось вѣками, а каждый чинъ имѣлъ свои опредѣленныя права и преимущества до выѣзда и ливреи включительно. Въ Малороссіи дѣло было поставлено совсѣмъ иначе. Здѣсь дипломы на шляхетство могли сыскаться у самыхъ бѣдныхъ козаковъ, никогда не поднимавшихся изъ среды рядового товарищества; попъ могъ быть сыномъ или братомъ родового шляхтича или важнаго войсковаго урядника; шляхетское имѣніе могло перейти не только къ шляхтичу или козацкому чиновнику, но и къ рядовому козаку или даже посполитому, а чинъ, полученный въ малороссійской козацкой службѣ, былъ чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ. Правилъ о томъ, какой чинъ малороссійской службы какому соотвѣтствуетъ табельному чину, не было установлено, и

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 173—180.

депутатскимъ собраніямъ приходилось въ этомъ случаѣ примѣняться только къ производству козацкихъ старшинъ при обращеніи малороссійскихъ полковъ въ регулярные. Если войсковые товарищи или сотники, служившіе въ 1783 г., попали въ оберъ-офицеры, а значитъ и въ дворяне, то отчего же не признать дворяниномъ такого же войскового товарища или сотника, не успѣвшаго почему либо получить табельный чинъ? И депутатскія собранія признавали дворянами лицъ, представившихъ патенты на малороссійскіе чины, ибо по 3 пункту 92 статьи дворянской грамоты „патенты на чины, къ коимъ присвоено дворянское достоинство", считаются доказательствомъ дворянства. „Купчія, закладныя, рядовыя и духовныя о дворянскомъ имѣніи" считаются по дворянской грамотѣ доказательствами дворянства; отчего же не признать ихъ доказательствами дворянства какого-нибудь козака или попа, если и попъ, и козакъ до сихъ поръ пользовались такими же правами, какъ и урожденный шляхтичъ? Свидѣтельство 12 человѣкъ благородныхъ установлено дворянской грамотой; какъ же можно игнорировать это свидѣтельство, если оно признается закономъ? Жидъ-перекрестъ ссылается на Статутъ и проситъ признать его дворяниномъ, и отказать ему сомнительно, ибо Статутъ для Малороссіи основной законъ,—законъ, не отмѣненный и съ введеніемъ учрежденія о губерніяхъ.

Трудность въ разборѣ малороссійскаго дворянства увеличивалась и еще однимъ обстоятельствомъ. Въ 1782 г. въ Малороссіи была произведена ревизія, но произведена очень неправильно, а въ 1783 г. послѣдовалъ извѣстный указъ, повелѣвающій каждому изъ малороссійскихъ поселянъ остаться въ томъ званіи, въ которомъ онъ по послѣдней ревизіи записанъ. Вскорѣ, однако, оказалось, что нѣкоторые изъ посполитыхъ были укрѣплены за лицами, не имѣющими правъ владѣть крѣпостными людьми—напр., за купцами, мѣщанами и т. п., а другіе—за лицами, дворянскія права которыхъ были опредѣлены недостаточно: за попами, сотенными старшинами, значковыми товарищами и даже рядовыми козаками. Въ виду такихъ обстоятельствъ, 17 января состоялся сенатскій указъ, коимъ предпи-

сывалось: крестьянъ, записанныхъ по послѣдней ревизіи за купцами, мѣщанами и другими людьми, которые ни по какимъ законамъ ихъ собственными почтены быть не могутъ, отобравъ ихъ желаніе, написать или въ купечество, или въ мѣщане, или въ число государственныхъ крестьянъ [1]); что же касается лицъ, шляхетскія права коихъ не выяснены, то о нихъ мѣстное начальство поручило сдѣлать разборъ предводителямъ и депутатамъ, съ цѣлью точнаго опредѣленія ихъ сословныхъ правъ [2]). Такимъ образомъ въ депутатскія собранія поступила цѣлая масса дѣлъ о дворянствѣ низшихъ чиновъ козацкой старшины и духовенства.

Благодаря неправильностямъ ревизіи, въ депутатскія собранія бросилась также цѣлая масса лицъ, ищущихъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ. Въ 1784 году митрополитъ Самуилъ Миславскій жаловался, что многіе митрополіи его священно—и церковно-служители и ихъ дѣти записаны по ревизіи, при чемъ иные въ вѣдомостяхъ, ихъ состоянію несвойственныхъ, а другіе записаны вдвойнѣ. Въ г. Острѣ, напр., были записаны въ окладъ дѣйствительно служащіе дьячекъ, пономарь, священническія дѣти Якимовичи, обучающіяся въ академіи, и сама вдова попадья Якимовичева. Многіе изъ духовенства, попавшіе въ ревизію, стали заявлять о своемъ дворянствѣ, иные голословно, а иные—ссылаясь на свидѣтельства дворянскихъ предводителей [3]). Права всѣхъ такихъ претендентовъ тоже должны были подвергнуться разбору депутатскихъ собраній.

Тоже самое случилось и со многими козацкими старшинами и ихъ потомками. Черниговская, напр., Казенная Палата указывала на неправильное внесеніе въ 40-алтынный окладъ по г. Хоролу войскового товарища П. Устимовича и сама просила разрѣшенія объ исключеніи его изъ подушнаго оклада [4]). Таже Палата доносила о включеніи въ окладъ сотеннаго атамана Мицкевича, дворянской породы, котораго, по ея мнѣнію,

---

[1]) Полное соб. зак. т. XXII, № 15907.

[2]) Матеріалы для статист. Россійск. имперіи. Спб. 1841, отд. IV, стр. 7.

[3]) Собр. рѣдк., 147—153.

[4]) Ibid, стр. 189—190.

слѣдуетъ освободить отъ оклада, какъ только онъ будетъ внесенъ депутатскимъ собраніемъ въ родословную книгу. Кіевская Казенная Палата рапортовала Румянцеву, что по Кіевской губерніи есть многіе, жалующіеся на неправильное внесеніе въ окладъ и доказывающіе свои права на дворянство, а Кіевскій предводитель дворянства Капнистъ просилъ не взыскивать податей съ дворянъ, попавшихъ при ревизіи въ подушный окладъ. Самъ генералъ губернаторъ соглашался, что ревизія 1782 г. была произведена далеко не удовлетворительно. Въ одномъ изъ своихъ предложеній Черниговской Казенной Палатѣ онъ рекомендовалъ исключить изъ ревизіи нѣсколько фамилій, которыя, по его мнѣнію, принадлежали къ благороднымъ. Въ 1784 г. онъ указывалъ, что при сочиненіи ревизіи нѣкоторые изъ самыхъ почетнѣйшихъ фамилій оказались записанными своими ближайшими родственниками въ число ихъ подданныхъ, а иные въ козачье званіе [1]). Одинъ, напр., шляхтичъ извѣстной фамиліи оказался записаннымъ за своею родною сестрою, состоявшею въ замужествѣ за нѣкіимъ войсковымъ товарищемъ [2]). Въ 1790 г. шляхтичей, записанныхъ родственниками своими въ семигривенный окладъ, по одной Новгородъ-Сѣверской губерніи числилось 83 человѣка [3]).

Слухи о неправильныхъ дѣйствіяхъ при ревизіи дошли и до Петербурга, какъ это видно изъ письма Румянцева къ Вяземскому отъ того же 1784 г. Здѣсь тоже толковали о томъ, что на Украйнѣ многіе вольные люди и козаки попали въ крѣпостную зависимость и съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г. окончательно потеряли право на свободу, ибо суды, ссылаясь на этотъ указъ, отказываютъ всѣмъ ищущимъ свободы изъ крѣпостей. Знали въ Петербургѣ и о случаяхъ уклоненія отъ записи въ ревизію. Нѣкоторые, напр., войсковые и значковые товарищи перешли въ мѣщанство и пользовались мѣщанскимъ и купеческимъ правомъ, тѣмъ не менѣе ни себя, ни дѣтей своихъ въ магистратскую ревизію не внесли, а другіе, мѣщане родомъ,

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 186—188.

[2]) Матер. для статистики Росс. имп., IV, стр. 8

[3]) Собраніе рѣдкостей, стр. 285.

выпросили себѣ небольшіе малороссійскіе чины и на основаніи этого не хотѣли записывать въ подушный окладъ даже тѣхъ своихъ дѣтей, кои родились до полученія чина [1]).

Словомъ, положеніе дѣлъ было таково, что по неволѣ приходилось обращаться къ высшему начальству съ просьбой развязать запутанный ревизорами Гордіевъ узелъ. Румянцевъ донесъ о затрудненіяхъ, вызванныхъ ревизіей, Сенату, а Сенатъ предписалъ Румянцеву изслѣдовать права лицъ, неправильно попавшихъ въ ревизію, а относительно дворянъ донести, почему они попали въ окладъ и записаны ли они въ родословную книгу. Въ результатѣ получилось предложеніе предводителямъ и депутатскимъ собраніямъ разобрать права лицъ, ищущихъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ [2]).

Ищущихъ явилась масса. Пока крѣпостное право не было окончательно узаконено, лица, попавшія изъ привилегированнаго положенія въ подданные или подсусѣдки, не чувствовали еще всей тяжести своего положенія, а при сочиненіи ревизіи многіе по малому письменству могли и совсѣмъ не знать, въ какую графу ревизіальныхъ книгъ ихъ записали. Но когда въ 1783 г. они узнали, что свобода, а стало быть и возможность возвращенія въ прежнее состояніе, для нихъ утрачены на вѣки; когда по всей странѣ у хлѣборобовъ „исчезли мирныя утѣхи, игрива рѣзвость, пляски, смѣхи, веселыхъ пѣсенъ гласъ умолкъ“, тогда и недавнимъ привилегированнымъ пришлось вспомнить о своихъ привилегіяхъ. Точно также и всѣ небольшіе панки и підпанки изъ значковыхъ и сотенной старшины, до сихъ поръ вѣрившіе въ святую неприкосновенность козацкихъ привилегій и безъ опасеній за будущее заявлявшіе ревизорамъ о своей принадлежности къ козацкому званію, послѣ Сенатскихъ распоряженій о правахъ разночинцевъ увидѣли, что дворяне одно, а они совсѣмъ другое. Привилегированнымъ, подошедшимъ „підъ панивъ“, грозило вѣчное „крѣпацство“, панкамъ, не попавшимъ въ дворяне, грозила опасность на вѣки потерять свое панство. И тѣмъ и другимъ оставался одинъ выходъ изъ труднаго положенія. По

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 157—158.

[2]) Ibid, стр. 143—145.

приказу начальства двери депутатскихъ собраній для нихъ не были закрыты. И они бросались въ эти открытыя двери толпою.

При такихъ условіяхъ въ ходъ могли, конечно, быть пущены всяческія доказательства, и настоящія, и фальшивыя, и „безсумнительныя", и наводящія на сомнѣніе. Не нужно, однако, думать, будто бы депутатскія собранія при разборѣ этихъ доказательствъ руководились только собственными своими соображеніями. Въ затруднительныхъ случаяхъ губернскіе предводители очень часто обращались къ генералъ-губернатору за разъясненіями, которыми и руководились въ своей послѣдующей дѣятельности. Иногда и самъ генералъ-губернаторъ, замѣчая тѣ или другія неправильности въ дѣйствіяхъ депутатовъ, давалъ имъ совѣты и наставленія. Въ 1784 г., напр., въ кіевской губерніи были внесены въ 4-ю и 5 ю части родословной книги почти всѣ безъ изъятія иностранные роды, не исключая и мастеровыхъ, о дворянствѣ коихъ, повидимому, врядъ-ли могло даже возникнуть у кого-нибудь предположеніе. Румянцевъ узналъ объ этомъ и, упреждая могущія послѣдовать впредь непріятности, разъяснилъ губернскому предводителю, кого именно изъ иностранцевъ, по силѣ высочайшаго проекта о дворянствѣ, слѣдуетъ признавать въ дворянскомъ достоинствѣ [1]). Въ другомъ случаѣ депутатскія собранія спрашивали у него разъясненія по такимъ вопросамъ: имѣютъ ли право на дворянское достоинство земляне или бояре, представляющіе въ видѣ доказательствъ грамоты на земли и имѣнія отъ польскихъ королей? Слѣдуетъ ли принимать свидѣтельство польскихъ урядовъ за доказательство шляхетскихъ правъ, дающихъ дворянское достоинство? Слѣдуетъ ли считать доказательствомъ свидѣтельство 12 польскихъ шляхтичей, утвержденное ихъ печатями? На всѣ эти вопросы отъ Румянцева былъ полученъ утвердительный отвѣтъ, при чемъ по вопросу о свидѣтельствѣ 12 шляхтичей генералъ-губернаторъ разъяснилъ, что такое свидѣтельство должно быть удостовѣрено урядникомъ [2]). Нѣкоторые изъ перекрестовъ жидовъ „нижняго

[1]) Собр. рѣдкостей, стр. 159—160.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр, 165—167.

чина“ и лица, оставшіяся въ козакахъ и безъ чиновъ, ссылаясь на 7 арт. 12 разд. Статута, хлопотали о дворянствѣ. Депутатскія собранія были въ нерѣшительности и спрашивали Румянцева. Отвѣтъ былъ полученъ такой, что при разборѣ дворянства депутаты обязаны руководиться только высочайшей грамотой 1785 г. и больше никакихъ законовъ не примѣнять. Дворянства добивались многіе разночинцы, представлявшіе въ видѣ доказательствъ купчія, закладныя или рядныя на дворянское имѣніе, лѣсокъ или мельницу, точно также многіе представляли гетманскія и полковничьи дозволительныя свидѣтельства на устройство мельницъ, рудень и гутъ. О такихъ претендентахъ депутатскія собранія тоже просили разъясненій, и генералъ-губернаторъ рекомендовалъ имъ не признавать такого рода доказательствъ достаточными, если сами просители принадлежатъ къ разночинцамъ. Многіе доказывали свое дворянство, ссылаясь на шляхетство матери: отецъ былъ „простонародной породы, а мать— шляхетской; за ней было шляхетское имѣніе, коимъ просители и по сіе время владѣютъ. Румянцевъ разъяснилъ, что одно благородное происхожденіе матери не даетъ еще дворянства рожденнымъ отъ нея дѣтямъ, что же касается имѣнія, то оно, по закону, должно перейти къ лицамъ дворянскаго происхожденія. Въ видѣ доказательства на дворянство депутатскимъ собраніямъ очень часто предлагалось свидѣтельство 12 несомнѣнныхъ дворянъ о томъ, что отецъ и дѣдъ просителя вели благородную жизнь и состояніе, сходное съ дворянскимъ названіемъ. Дворянскія собранія сомнѣвались, можно ли по такимъ доказательствамъ признавать просителей дворянами. Румянцевъ, конечно, не могъ отвергнуть свидѣтельства 12, какъ установленнаго высочайшей грамотой, тѣмъ не менѣе совѣтовалъ депутатамъ освѣдомляться у свидѣтелей, понимаютъ ли они, что такое благородная жизнь, служба и состояніе, а если кромѣ свидѣтельства двѣнадцати есть еще какія-нибудь доказательства, то тогда и свидѣтельства не нужно. Точно также и дворянскія коммиссіи не знали, можно ли признавать дворянами разночинцевъ по свидѣтельству малороссійскихъ дворянъ о томъ,что предки ихъ въ Малороссіи были шляхтой, не обозначая, какой именно, или что предки ихъ были

въ Польшѣ шляхтой „безъ свидѣтельства тамошней націи“. Такія свидѣтельства Румянцевъ признавалъ „не обстоятельными“.

Не знаемъ, давалъ ли генералъ-губернаторъ какія нибудь разъясненія по вопросу о томъ, кто именно изъ низшихъ малороссійскихъ чиновъ имѣетъ право на дворянское званіе. Повидимому, депутатскія собранія вопроса объ этомъ не возбуждали, но въ дѣйствіяхъ [1]) своихъ, насколько мы знаемъ, руководились все-таки распоряженіемъ того же Румянцева, даннымъ по одному частному случаю. При введеніи въ краѣ учрежденія о губерніяхъ возникъ вопросъ, какому суду должны подлежать нижніе чины козацкой старшины: значковые товарищи, возные, сотенные старшины, войсковые и полковые канцеляристы. Черниговскій губернаторъ Милорадовичъ хотѣлъ подчинить ихъ, наряду съ козаками, коронными и ранговыми помощниками и вообще разночинцами, суду нижнихъ расправъ. Румянцевъ нашелъ такое распоряженіе незаконнымъ. Въ письмѣ къ Милорадовичу отъ 11 декабря 1781 года онъ указывалъ, что войсковые и полковые канцеляристы происходятъ изъ шляхетства и чиновниковъ и при старыхъ порядкахъ поступали изъ канцелярій въ „ротные чины“ военные и земскіе; возные, согласно Статуту, выбираются изъ шляхетства, что же касается до значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, то и они не могутъ быть подсудны расправамъ, ибо опредѣлялись „изъ полковничьихъ нижнихъ чиновъ дѣтей“. По разъясненію Румянцева, „всѣ таковые чиновники должны пребывать въ томъ состояніи, изъ котораго они въ тѣ службы опредѣлились, и таковое породы ихъ состояніе принадлежитъ разбору предводителей шляхетства“ [2]). Депутатскими собраніями распоряженіе это толковалось въ томъ смыслѣ, что и низшіе чины козацкой старшины имѣютъ право на дворянское званіе. О высшихъ войсковыхъ товарищахъ, сотникахъ и т. д. вопроса въ то время никѣмъ не возбуждалось: одно переименованіе ихъ въ оберъ-офицерскіе чины устраняло всякое сомнѣніе въ ихъ благородствѣ.

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 170—173

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 97—99.

Что касается „духовнаго чина“, то и его претензіи на дворянское достоинство нерѣдко находили себѣ защитника въ лицѣ генералъ-губернатора. Въ 1784 году коммиссія о разборѣ дворянства новгородсѣверской губерніи сомнѣвалась, можетъ ли она признать дворяниномъ переяславскаго протопопа Корнилія Родзимовскаго по урядовому свидѣтельству польскихъ родственниковъ его и другихъ шляхтичей, удостовѣренному подписью польскаго посла при русскомъ дворѣ Ржевусскаго. Такое же сомнѣніе было выражено коммиссіею и по дѣлу священника И. Волынскаго, въ доказательство дворянскихъ правъ предъявившаго патентъ на чинъ войсковаго товарища, въ коемъ онъ, Волынскій, состоялъ до принятія священства. Коммиссія объясняла генералъ-губернатору, что и о другихъ духовныхъ примѣрныя дѣла вступили. Румянцевъ отвѣтилъ коммиссіи, что такія свидѣтельства и патенты должны быть признаны „найдоказательнѣйшими“, тѣмъ болѣе, что въ Малороссіи прежде сего въ духовный чинъ вступали изъ знатнѣйшихъ шляхетскихъ фамилій и чиновъ [1]). Точно также вступался Румянцевъ и за владѣльческія права духовенства. Въ 1787 году намѣстникъ протопопіи Ичнянской священ. Романъ Яжевскій жаловался ему, что казенная палата, ссылаясь на указъ сената 20 января 1784 года, отбираетъ отъ него его крѣпостныхъ, всего 35 душъ. Румянцевъ нашелъ нужнымъ сдѣлать по этому поводу „примѣчаніе“ черниговскому намѣстническому правленію, что тутъ де „духовные чины почитаемы были въ числѣ шляхетства и, слѣдственно, всѣмъ тѣмъ могли пользоваться, чѣмъ и все прочее шляхетство“ [2]). Вслѣдствіе такихъ причинъ Румянцевымъ было даже предложено депутатскимъ собраніямъ завесть особую графу въ родословныхъ книгахъ, куда бы могли записываться тѣ дворянскіе роды, которые признаны дворянами изъ духовенства [3]).

„Дворянскія коммиссіи,—разсказываетъ А. Марковичъ,—вносили въ родословныя книги по грамотамъ, отъ россійскихъ государей на дворянство или отъ польскихъ королей на шляхет-

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 161—163.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 551.

[3]) Книга о дворянахъ и старыхъ малор. чинахъ, л. 152

ство данным, и по чинамъ прежней малороссійской службы“ [1]). Грамотъ россійскихъ государей у шляхетства было немного. Изъ старыхъ старшинскихъ фамилій, побилитованныхъ московскимъ правительствомъ еще въ 17 ст. (Забѣла, Гречаный, Горленко, Дворецкій, Многогрѣшный, Вятязенко, Апостолъ, Ярмоленко, Гвинтовка, Гамалѣя, Остряница, Шійкевичъ), къ концу 18 ст. сохранились только не многія (кажется, только Горленки, Забѣлы да Гамалѣи, при чемъ и эти послѣдніе, какъ видно, не были прямыми потомками Григорія Гамалѣи [2]). Небольшое число фамилій было возведено въ дворянство въ 18 ст. (Лизогубы, Кандыбы, Марковичи), а нѣкоторые, тоже немногіе, дослужились дворянства въ русскихъ табельныхъ чинахъ. (Гр. Бороздна, пожалованный изъ камеръ-лакеевъ въ поручики; Качневскій, Рубановскій, Божко, Чижевскій—изъ придворныхъ пѣвчихъ и др.). Немного было и такихъ счастливцевъ, у которыхъ какимъ-нибудь чудомъ уцѣлѣли документы на шляхетское достоинство или имѣніе отъ наияснѣйшихъ королей польскихъ (Рубцы, Бороздны, Богуши, Бутовичи, Случановскіе, Бакуринскіе). Большинству приходилось основывать свои доказательства на чинахъ старой малороссійской службы, или же измышлять какую нибудь особенную генеалогію при посредствѣ документовъ сомнительнаго достоинства. Что такія генеалогіи въ то время точно сочинялись,—прекрасно видно хотя бы изъ письма Г. А. Полетки къ Я. А. Гамалѣѣ. Изъ него явствуетъ, что малороссійскій „патріотъ“ сочинялъ родословіе Гамалѣевъ и очень хлопоталъ, чтобы всѣ Гамалѣи „согласно свое родословіе расположили“. Изъ этого же письма видно, что среди малороссійскаго дворянства находились лица, не брезгавшія даже явнымъ извращеніемъ фактовъ, лишь бы придать своему роду блескъ особливой знатности и благородства. Такъ, Михаилъ Гамалѣя желалъ, во чтобы то ни стало, вывесть свой родъ отъ извѣстнаго Григорія Гамалѣя, получившаго дворянство въ Москвѣ въ 1665 году. Несмотря на то, что этотъ Григорій умеръ бездѣтнымъ, и такимъ образомъ приписаться къ нему въ потомство было мудрено; не смотря на

[1]) Матеріалы для статист. Россійской имперіи ч. IV, стр. 8.

[2]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 6, стр. 501—503.

то, что остальные Гамалѣи, ближайшіе родственники Михаила, выводили свой родъ отъ какого-то польскаго шляхтича, Михаила Гамалѣя упорно стоялъ на своемъ, а для того, чтобы „закрыть свои ложныя повѣсти“, собирался подать свое родословіе не въ Новгородъ-Сѣверское депутатское собраніе, гдѣ разбирались доказательства остальныхъ Гамалѣевъ, а въ Курское [1]) Просматривая родословія малороссійскихъ дворянъ, нельзя не замѣтить во многихъ изъ нихъ значительной доли генеалогическаго тумана, способнаго вызвать сомнѣнія даже и не у скептика. Бѣлецкіе-Носенки, напр., вели свой родъ отъ Дрогицкаго и Мѣльницкаго старосты, князя Юрія Носа и князя Александра Носа [2]), Карновичи—отъ княжеской фамиліи, нѣкогда владѣвшей г. Карновымъ, въ Верхней Силезіи, и затѣмъ переселившейся въ Венгрію [3]); Капнисты — отъ какого-то графа Капниссія, кавалера св. Марка [4]), Рославцы — отъ Ходкевичей, Кочубеи — отъ татарскаго мурзы, Афендики — отъ какого то знатнаго молдавана, а такая чисто малорусская фамилія, какъ Иваненки, старалась сдѣлать своимъ родоначальникомъ нѣкоего мифическаго волоха, будто бы бывшаго въ дни оны Дубоссарскимъ гетманомъ, Ивана Богатаго Іоненка [5]), Апостолы считали себя потомками волошскихъ бояръ [6]), Милорадовичи—графовъ Охмулкевичей изъ Рагузской республики [7]); Маркевичи вели свой родъ изъ Сербіи, откуда они потомъ попали въ число Волынской шляхты [8]); Гоголи—отъ гетмана Евстафія Гоголя [9]); Скоропадскіе—изъ Польши, причемъ въ числѣ своихъ предковъ указывали какого-то мифическаго „референдарія надъ тогобочною Украиною“ [10]); Стороженки—отъ старшаго полков-

[1]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 5, стр. 502.

[2]) Русская родословная книга, изданіе „Русской Старины“, часть I, страница 137.

[3]) Ibid, стр. 188 и 376.

[4]) Русская родословная книга, ч. 2, стр. 6.

[5]) Вѣстникъ Европы, 1891, № 8, стр. 557.

[6]) Русская родословная книга, ч. 1, стр. 122.

[7]) Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, ч. 3, № 109.

[8]) Русская родосл. книга, ч. 1, стр. 225.

[9]) Ibid, ч. 1, стр. 149.

[10]) Ibid, ч. 1, стр. 294 и Вѣст. Евр. 1891 г. № 8, стр. 557.

ника войскъ запорожскихъ, „древняго дворянина Малыя Руси“ Андрея Стороженка [1]). Разумѣется, чѣмъ аристократичнѣе была та или другая фамилія, тѣмъ больше знатности старалась она придать и своимъ предкамъ. Потомки, напр., лемешовскаго козака Грицька Розума придумали себѣ происхожденіе отъ Рожинскихъ [2]), а такая чисто простонародная фамилія, какъ Безбородки, какимъ-то чудомъ оказалась по прямой линіи потомствомъ польскихъ шляхтичей Ксенжицкихъ [3]). Большинство дворянскихъ фамилій, доказывавшихъ свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породы“, выводили свои роды отъ польскаго шляхетства. Изъ фамилій, попавшихъ въ первыя четыре части „Общаго гербовника“, потомками польскаго шляхетства значатся: Судіенки, Полетики, Безбородки, Разумовскіе, Гудовичи, Искрицкіе, Капдыбы и даже Худобріи [4]). Даже Будлянскіе, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду, и тѣ старались доказать свое родство съ польскою шляхтой. Въ 1784 г. одинъ изъ Будлянскихъ, представляя доказательства своего дворянства въ Черниговское депутатское собраніе, заявлялъ, что онъ „имѣетъ совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ тамо существуетъ и гербомъ печатается, но доказательства о томъ письменнаго теперь за краткостью времени онъ, Будлянскій, представить не можетъ“ [5]). Не знаемъ, какъ раздобывали украинскіе паны документы, удостовѣряющіе о ихъ шляхетскомъ происхожденіи, и точно ли „жиды вывозили подрядомъ изъ Польши за деньги“ нужныя имъ свидѣтельства, какъ утверждаетъ авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“; но что среди нихъ были лица, разыскивавшія по ту сторону Днѣпра доказательства своего родства съ польскимъ шляхетствомъ,—это несомнѣнно. „Тебѣ, Василька,—пишетъ Г. А. Полетика сыну

[1]) Ibid, ч. 1, стр. 303.

[2]) Общій гербовникъ, ч. 1 № 21.

[3]) Ibid, ч. 1, № 29.

[4]) Общій гербовникъ, ч. 3 № 97, ч. 4, № 127, ч 1, № 29 и 21, ч. 4 №№ 127, 8, 135, 133, 13.

[5]) Записка Черн. Губ. статистич. комитета, кн. 2, стр. 134.

въ Витебскъ, особливо приказываю, справляйся, пожалуй, у всѣхъ, у кого можешь, нѣтъ ли гдѣ въ Литвѣ нашей фамиліи, или въ гербовникахъ, если есть какіе особливые на Литву. Только справляйся твердо и достовѣрно. Сіе мнѣ нужно для важныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и для будущей вашей пользы“ [1]). Примѣру Полетики слѣдовали, конечно, и другіе: не даромъ же у столькихъ фамилій оказались документы, свидѣтельствующіе о происхожденіи отъ польскаго шляхетства. Очень можетъ быть, что депутатскія собранія дѣйствительно принимали такіе документы „безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ министровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ“, но винить ихъ за это все таки трудно. Мы уже видѣли, что губернскіе предводители запрашивали по этому вопросу разъясненій генералъ-губернатора, которыми и руководились при разборѣ дворянскихъ доказательствъ; а генералъ-губернаторъ признавалъ достаточными доказательствами не только удостовѣренія польскихъ урядовъ, но и свидѣтельства 12 шляхтичей, въ подкрѣпленіе коихъ требовалъ не „увѣренія министровъ“, а только простой подписи надлежащаго уряда.

Доказательства о происхожденіи отъ польскаго и вообще иностраннаго шляхетства были только у незначительнаго меньшинства, большинство же основывало свои претензіи на чинахъ прежней малороссійской службы. Дворянскимъ коммиссіямъ предлагались патенты и универсалы на чины или на маетности, если же не хватало подлинныхъ документовъ, то въ ходъ пускались копіи, выписки изъ разныхъ старыхъ дѣлъ, въ которыхъ предокъ просителя названъ тѣмъ или другимъ козацкимъ урядникомъ, а въ подкрѣпленіе представлялось свидѣтельство 12 шляхтичей. Въ 1787 г. Кіевское дворянское собраніе внесло во 2-ую часть родословной книги титулярнаго совѣтника Нестеровскаго и братьевъ его, неслужащихъ Григорія и Ивана. Въ видѣ доказательства Нестеровскими представлена была выписка изъ стараго дѣла сотенной Трехтемировской канцеляріи—„листъ“ переяславскаго полковника Тамары къ сотнику Рустановичу по спору о сѣножати, выкошенной нѣкіимъ Несторомъ Несторов-

[1]) „Кіевская Старина“, 1893, № 6, стр. 499.

скимъ, который въ этомъ „листѣ“ названъ знатнымъ товарищемъ войсковымъ; затѣмъ тоже вѣроятно въ качествѣ доказательства, представлена была выпись изъ Переяславскаго уѣзднаго суда, изъ коей было видно, что за Нестеровскимъ числится имѣніе, принесенное ему въ приданое женою изъ рода Дмитрашковъ, и, наконецъ, свидѣтельство 12 „безсумнительныхъ“ шляхтичей, что проситель Нестеровскій и братья его суть дѣйствительно потомки упомянутаго въ „листѣ“ Тамары знатнаго войскового товарища Нестора Нестеровскаго [1]). Такія доказательства, какія были представлены Нестеровскимъ, малороссійскими депутатскими собраніями принимались очень часто, и не только въ описываемое нами время, но и значительно позже, какъ это оффиціально засвидѣтельствовано указомъ 20 марта 1835 г. Въ оправданіе своихъ дѣйствій собранія ссылались обыкновенно на наставленія дворянской грамоты: „доказательства благородства суть многочисленны и болѣе зависятъ отъ испытанія древности, прилежнаго изысканія и разсмотрѣнія доказательствъ, нежели отъ новыхъ предписаній.“ „Точное правосудіе не дозволяетъ изключить ни единаго доказательства котораго рода инако, какъ тутъ, гдѣ слово закона доказательство таковое опровергаетъ“.

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 562—563. Въ видѣ примѣра, какія иной разъ представлялись въ дворянскія коммиссіи доказательства, приводимъ слѣдующій курьезный документъ, предложенный Новгородъ-Сѣверскому депутатскому собранію однимъ козакомъ, хлопотавшимъ о дворянствѣ: „Его царского пресвѣтлаго величества войска запорозскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Тоби, скурвому сину, Василію Салогубу, нехай буде вѣдомо, ижъ доносилъ намъ жалобливе панъ Антонъ Трохимовичъ, сотникъ Сребрянскій, же ты зъ своеи мужицкои глупости поважаешъ не легце нашъ рейментарскій указъ по жалобѣ его жъ, пана сотника, пред симъ въ позовномъ листѣ до тебе выраженній, не тилко овецъ ему по уговору не отдалесъ, але и предъ судъ войсковій енеральній до насъ в обозъ не сталесъ, зачимъ, умыслнѣ посылаючи отъ боку нашего посланного, приказали ему конечне тебе, якъ собаку, за шию взявши и въ колоду забивши, примкнути до обозу, гдѣ за таковую свою упорчивость и противъ зверхности нашей неповиновеніе не тилко ту тысячу талярій безъ опустне заплатишъ, але и знатного кіевого каранія неувойдешъ, деклярируемъ непремѣнно. Данъ въ таборѣ подъ Самарью Августа 11 року 1711. Вишеименованный гетманъ рука власна.“ (Собраніе рѣдкостей, стр. 208.)

Ближайшее будущее показало, что „слово закона“ толковалось малорусскими депутатскими собраніями болѣе снисходительно, чѣмъ этого желало само правительство.

ГЛАВА III.

Дворяне изъ податныхъ сословій и отношеніе къ нимъ мѣстнаго и центральнаго правительствъ въ 80-хъ г. г. прошлаго столѣтія.—Кречетниковъ и малороссійскіе непорядки.—Имѣнія духовенства.—Рапортъ Кречетникова Сенату о дворянахъ, внесенныхъ въ ревизію 1782 г. и указъ 18 декабря 1791 г.—Мѣры противъ претендентовъ на дворянское званіе и вторичный разборъ доказательствъ окладныхъ дворянъ.—Ревизіи 1795 г.—Послѣдующая судьба дворянъ, внесенныхъ въ окладъ.

Дворянская грамота предоставила самому дворянскому обществу каждой губерніи разрѣшать вопросъ о принадлежности того или другого рода къ дворянскому сословію. Разборъ дворянства производился депутатскими собраніями, контролируемыми всѣмъ собраніемъ дворянства. Тѣ фамиліи, доказательства коихъ признавались неопровергаемыми, вносились въ родословную книгу и получали грамоты, свидѣтельствовавшія о ихъ принадлежности къ благородному сословію. Вмѣшательство центральнаго правительства въ дѣятельность собраній по разбору дворянскихъ родовъ проявлялось только въ случаѣ жалобъ на неправильныя дѣйствія депутатовъ или и всего дворянскаго собранія.

Такъ было и въ Малороссіи въ первые годы по введеніи общерусскихъ учрежденій. Однако такой порядокъ держался не долго. Въ 1791 г. Сенатъ рѣшительно вмѣшивается въ безконтрольную до тѣхъ поръ дѣятельность малороссійскихъ депутатовъ, и результатомъ этого вмѣшательства явилось исключеніе изъ дворянскаго сословія нѣсколькихъ тысячъ лицъ, ранѣе признанныхъ дворянами. Перуны Сената обрушились главнымъ образомъ на головы тѣхъ злополучныхъ претендентовъ на дворянство, которые при ревизіи 1782 г. попали въ подушный окладъ или „пидъ панивъ“.

Мы уже видѣли, что результатомъ неправильныхъ дѣйствій ревизоровъ явилась цѣлая масса просьбъ со стороны лицъ податныхъ сословій и крѣпостныхъ о признаніи за ними дворян-

скихъ правъ. Просьбы эти поступали въ депутатскія собранія и здѣсь, судя по всему, разрѣшались очень снисходительно. Снисходительно смотрѣло на такихъ претендентовъ и само мѣстное правительство, а въ первые годы—даже и центральное. Какъ только претенденты доказывали свои права и получали грамоты или замѣняющія ихъ свидѣтельства предводителей, мѣстное начальство дѣлало распоряженіе объ исключеніи ихъ изъ оклада „за выбытіемъ въ дворянское званіе“. Въ 1786 г., напримѣръ, Новгородъ-Сѣверская казенная палата выключила изъ оклада пѣкоего Давида Сазонова, какъ представившаго абшидъ на званіе войковаго товарища и свидѣтельство предводителя о внесеніи въ родословную книгу [1]). По дѣлу сотеннаго атамана Мицкевича, о коемъ черниговская казенная палата доносила, что онъ дворянской породы и въ окладъ внесенъ неправильно, самъ Сенатъ распорядился взыскивать съ Мицкевича подати только до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ внесенъ въ родословную книгу, а послѣ этого поступать о выключкѣ его изъ оклада по силѣ дворянской грамоты и взысканныя съ него подати возвратить ему обратно [2]).

Въ 1788 г. Сенатъ приказалъ исключить изъ ревизіи сотеннаго асаула Василія да неслужащихъ Власа и Семена Бѣлановичей, какъ доказавшихъ свое дворянство [3]). Когда до свѣдѣнія Сената дошло, что лицъ, неправильно занесенныхъ въ ревизскія книги, въ Малороссіи очень много и что, стало быть, придется исключить изъ государственнаго тягла цѣлую массу ревизскихъ душъ „за выбытіемъ въ дворянское званіе“, мѣстному начальству былъ присланъ указъ о томъ, что обо всѣхъ неправильно внесенныхъ въ ревизію 1782 года надлежитъ сдѣлать генеральное положеніе, что же касается исключенія ихъ изъ подушнаго оклада, то, въ виду указа 22 мая 1783 г., учинить этого своею властью Сенатъ не можетъ, а долженъ повергнуть дѣло на благоусмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Гене-

---

[1]) Собр. рѣд., стр. 565—566.

[2]) Собр. рѣдк., стр. 189—190.

[3]) Ibid, стр. 589—590.

ральнаго положенія, однако, сдѣлано не было, но въ частныхъ случаяхъ дѣла объ исключеніи изъ оклада „за выбытіемъ въ дворянское званіе“ тѣхъ или другихъ лицъ повергались на Высочайшее благоусмотрѣніе и рѣшались благопріятно для просителей. Въ 1790 году поручикъ Савва Павловскій просилъ исключить его фамилію изъ подушнаго оклада, ссылаясь на то, что его предки со времени присоединенія Малой Россіи къ Россійской державѣ были шляхтичами, а дѣдъ и отецъ служили значковыми товарищами. Представилъ онъ, конечно, и грамоту отъ Новгородъ-Сѣверскаго дворянскаго собранія, въ коей значилось, что фамилія Павловскихъ записана въ родословную книгу. Сенатъ поднесъ дѣло на резолюцію государыни; 23 ноября 1790 года докладъ сената былъ утвержденъ императрицей, и фамилія Павловскихъ была такимъ образомъ исключена изъ „подлости“ [1]).

И депутаты, и сами дворянскія собранія относились къ просьбамъ лицъ, внесенныхъ въ окладъ, какъ мы сказали, очень снисходительно. Въ декабрѣ 1790 года Новгородъ-Сѣверскимъ губернскимъ предводителемъ была представлена генералъ-губернатору вѣдомость о лицахъ „вновь поступившихъ въ дворянство“. Изъ нея видно, что къ этому времени въ родословную книгу Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества было внесено:

Изъ прежнихъ дворянскихъ фамилій, попавшихъ въ окладъ	38	душъ.
Изъ духовенства	9	„
Изъ разночинцевъ	1095	„
Изъ козаковъ	4414	„
Изъ купцовъ	47	„
Изъ мѣщанъ	241	„
Изъ записанныхъ родственниками своими въ семигривенный окладъ	83	„
Изъ казенныхъ крестьянъ	87	„
Изъ свободныхъ, не записанныхъ въ ревизію	4	„
а всего	5948	душъ [2])

[1]) Собр. рѣдк., стр. 194—196.

[2]) Ibid. стр. 285.

Какъ видно, и въ другихъ намѣстничествахъ депутаты не предъявляли большихъ требованій къ лицамъ, ищущимъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ. Изъ рапорта генералъ-губернатора Кречетникова Сенату узнаемъ, что по всѣмъ тремъ малороссійскимъ изданіямъ къ концу 1790 г. было внесено въ родословныя книги 22702 лица податныхъ сословій—изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ, владѣльческихъ и казенныхъ крестьянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ вѣдомостяхъ губернскихъ предводителей, поданныхъ Кречетникову; но насколько эта цифра правильна,—судить трудно. Что къ претендентамъ на дворянство большихъ требованій со стороны депутатовъ не предъявлялось,—это видно и изъ разъясненій Кречетникова депутатскимъ собраніямъ по поводу свидѣтельства двѣнадцати. Оказывается, что депутаты считали одно свидѣтельство 12 дворянъ о благородной жизни отца и дѣда просителя вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ дворянскаго происхожденія и по такимъ свидѣтельствамъ вносили просителей въ родословныя книги [1]). Снисходительное отношеніе депутатовъ къ доказательствамъ лицъ, ищущихъ дворянства „изъ подлаго состоянія“, неминуемо должно было вызвать вмѣшательство правительства. Уже одно исключеніе изъ оклада 22 тысячъ ревизскихъ душъ рано или поздно должно было возбудить недовѣріе къ правильности дѣйствій депутатовъ, а тутъ еще присоединились и жалобы. Дѣло въ томъ, что на ряду съ козаками и казенными крестьянами претензію на дворянство заявили и многіе изъ панскихъ подданныхъ, ставшихъ съ 1783 года крѣпостными. Доказательства нѣкоторыхъ изъ нихъ были признаны достаточными для внесенія претендентовъ въ родословныя книги. Это, конечно, не могло нравиться владѣльцамъ претендентовъ, ибо вліяли на нихъ имущественные интересы. Inde ira. На депутатовъ и предводителей приносятся жалобы не только мѣстному, но и центральному правительству. Такъ, на новгородъ-сѣверскаго предводителя. Полетику жаловались, что въ 1787 году, будучи губернскимъ предводителемъ, онъ принималъ документы и вообще разныя

[1]) Ibid. стр. 381.

доказательства о дворянствѣ отъ крѣпостныхъ людей, не требуя отпускныхъ свидѣтельствъ; что при разсмотрѣніи въ дворянскомъ собраніи родословной книги онъ допускалъ въ собраніе такихъ лицъ, о дворянствѣ коихъ было сомнѣніе; что онъ не читалъ по требованію дворянства протоколовъ депутатскихъ собраній, и т. п. Изъ взведенныхъ на Полетику обвиненій генералъ-губернаторъ Румянцовъ призналъ правильнымъ только второе и разъяснилъ по этому случаю предводителямъ, что въ собраніи могутъ быть допускаемы только лица, уже доказавшія свое дворянство, а не тѣ, кои только доказываютъ оное. Другая жалоба на того же Полетику доходила даже до Сената. Въ 1788 г. нѣкоторые владѣльцы жаловались, что Полетика многихъ изъ ихъ крѣпостныхъ внесъ въ родословную книгу, а во время собранія не согласился по ихъ требованію прочесть родословную книгу передъ дворянствомъ. Сенатъ приказалъ на будущее время читать передъ дворянскимъ собраніемъ не только родословную книгу, но и протоколы депутатскихъ коммиссій, ибо только такимъ образомъ и могутъ открыться неправильности въ дѣйствіяхъ депутатовъ [1]).

Ближайшимъ слѣдствіемъ подобныхъ жалобъ было наконецъ то, что Сенатъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать „генеральное положеніе“ касательно лицъ, внесеніе которыхъ въ ревизію 1782 г. возбуждало споры, и въ 1789 г. (указъ 14 іюня) приказалъ малороссійскому начальству представить ему свѣдѣнія обо всѣхъ тѣхъ, кои оказались достойными ко внесенію въ родословныя книги, но еще не исключены изъ окладовъ. Исполненіемъ этого указа особенно усердно занялся Тульскій и Калужскій генералъ губернаторъ Кречетниковъ, вступившій въ 1790 году въ исполненіе обязанностей правителя трехъ малороссійскихъ губерній.

Новая метла обыкновенно чисто мететъ. Замѣститель Задунайскаго сразу замѣтилъ непорядки и упущенія въ управляемомъ имъ краѣ. Тотчасъ же по вступленіи въ должность онъ обратилъ вниманіе на множество жалобъ, особенно на нижніе

[1]) Соб. рѣш., 591—592.

земскіе суды и на исправниковъ, которымъ грозилъ поступленіемъ по силѣ законовъ [1]). Въ томъ же 1790 г. Кречетниковъ предложилъ намѣстникамъ не допускать къ дворянскимъ выборамъ лицъ, не внесенныхъ въ родословныя книги, а дворянскимъ собраніямъ доказывалъ, что предъидущіе выборы въ разныя должности не оправдали довѣрія правительства къ дворянству; въ тоже время намѣстникамъ было поручено напоминать дворянству, чтобы на будущее время выбираемыя дворянствомъ лица болѣе соотвѣтствовали своему назначенію [2]). Отъ предводителей Кречетниковъ требовалъ, чтобы они, въ случаѣ жалобъ, входили въ земскіе суды съ напоминаніями, убѣжденіями и указаніями на строгость законовъ [3]).

При Кречетниковѣ и второстепенныя губернскія власти подтянулись и стали строже слѣдить за исполненіемъ указовъ. Это обнаружилось, между прочимъ, въ усердіи, съ какимъ мѣстныя казенныя палаты стали настаивать на отобраніи крестьянъ отъ духовенства. При Румянцовѣ извѣстный уже намъ указъ 17 января 1784 года, повелѣвающій отобрать крестьянъ у всѣхъ тѣхъ, кто ими, по закону, владѣть не можетъ, исполнялся не особенно энергично, да при тогдашнихъ обстоятельствахъ иначе и нельзя было. Разборъ дворянства еще не былъ оконченъ, а при такомъ условіи не возможно было опредѣлить, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными. Въ 1785 году казенныя палаты малороссійскихъ губерній потребовали богч отъ предводителей свѣдѣній о лицахъ, признанныхъ дворянами. Черниговскій предводитель Горленко представилъ списокъ своихъ дворянъ, но при этомъ заявилъ, что въ его спискѣ есть такіе роды, кои по спискамъ уѣздныхъ предводителей хотя и написаны, но до сего времени доказательствъ еще не подали, а другіе сомнительны, ибо ихъ доказательства еще не полны. Горленко, однако, не объяснилъ, кто именно изъ подданныхъ въ его спискѣ находится подъ сомнѣніемъ, а самой казенной палатѣ рѣшать вопросъ, кто изъ черниговскихъ пановъ имѣетъ

[1]) Ibid. стр. 279—282.
[2]) Ibid. 283—284.
[3]) Ibid. стр. 286—287.

а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было мудрено. Въ той же черниговской губерніи значились по ревизскимъ книгамъ крестьяне за дѣтьми бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей и полковой старшины, а между тѣмъ въ предводительскомъ спискѣ владѣльцы этихъ крестьянъ не были упомянуты въ числѣ мѣстнаго дворянства. Затѣмъ оказалось, что нѣкоторыя лица въ ревизіальныхъ книгахъ были записаны значковыми товарищами и сотенными старшинами, а по дворянскимъ спискамъ значились войсковыми товарищами и полковыми старшинами. Оказались наконецъ, крестьяне за непоказанными въ дворянскихъ спискахъ лѣкарями, камердинерами Высочайшаго двора, цольнерами и камеирами банковыхъ конторъ. Что касается другихъ лицъ, не пользовавшихся шляхетскимъ правомъ, то и отъ нихъ отобрать крестьянъ было не такъ-то легко. За нѣжинскаго, напр., грека Венеціанова, владѣвшаго хуторомъ, записаннымъ на имя титулярнаго совѣтника Клобукова, заступался самъ Румянцовъ. Онъ рекомендовалъ намѣстническому правленію, дѣлая исполненіе указовъ правительствующаго сената, наблюдать точное ихъ содержаніе и до кого оно тѣмъ относится, ибо между греками есть и знатнаго рода, такъ, какъ и самъ проситель, и доказательство свое въ надлежащемъ мѣстѣ представить желаетъ [1]).

Точно такъ же трудно было отобрать крестьянъ и отъ духовенства, тѣмъ болѣе, что многіе изъ бѣлаго священства заявили претензію на дворянское званіе. По дѣлу намѣстника Ичанской протопопіи Романа Яжевскаго самъ Румянцовъ высказался, что „тутъ духовные чины почитаемы были въ числѣ шляхетства и, слѣдовательно, всѣмъ тѣмъ могли пользоваться, чѣмъ и все прочее шляхетство. При такихъ условіяхъ духовныхъ владѣльцевъ не безпокоили въ ожиданіи окончанія разбора дворянства. Къ тому же и крестьянъ числилось за ними не такъ уже много. По ревизскимъ, напр., книгамъ 1782 г. за церковно и священно-служителями черниговской губерніи значилось всего 8942 крѣпостныхъ душъ мужскаго и женскаго пола (4451+4491)[2]).

[1]) Собр. рѣдк., стр. 549—550.

[2]) Ibid. стр. 505.

При Кречетниковѣ казенныя палаты малороссійскихъ губерній стали энергично настаивать на отобраніи крестьянъ отъ духовныхъ владѣльцевъ. Онѣ потребовали, чтобы духовенство продало свои имѣнія въ полугодичный срокъ лицамъ, пользующимся дворянскими правами, а въ случаѣ неисполненія этого требованія грозили конфисковать священническія имѣнія въ казну. Противъ владѣльческихъ правъ духовенства казенныя палаты выставляли цѣлый рядъ указовъ: синодскій отъ 22 октября 1722 года, запрещающій лицамъ духовнаго званія имѣть собственные дома; сенатскій отъ 1758 года, по которому лица, не имѣющія правъ на владѣніе, должны продать свои имѣнія въ полугодичный срокъ; наконецъ, указъ Сената 1789 года, согласно которому духовенство не имѣетъ права владѣть недвижимымъ имѣніемъ и людьми. Палатскія распоряженія касались всѣхъ безъ исключенія священно-и церковно-служителей, даже и тѣхъ, кои успѣли себѣ выхлопотать дворянскія грамоты. Въ духовной средѣ начался ропотъ и смятеніе. Черниговскій протопопъ Лѣвицкій съ 23 другими лицами бѣлаго священства принесъ генералъ-губернатору жалобу на дѣйствія черниговской казенной палаты [1]). Не смотря на то, что самъ Кречетниковъ находилъ огульный отборъ духовныхъ имѣній въ казну не совсѣмъ резоннымъ, дѣло перешло въ Сенатъ. Въ 1792 г., вслѣдствіе жалобы депутатовъ отъ малороссійскаго бѣлаго священства Лохвицкаго протоіерея В. Высоцкаго и священника Андрея Левченко, Сенатъ приказалъ отсрочить исполненіе указовъ объ имѣніяхъ духовенства до окончанія разбора малороссійскаго дворянства [2]). До Кречетникова лица изъ податныхъ сословій, признанныя депутатскими собраніями въ дворянствѣ, пользовались дворянскими преимуществами, хотя и продолжали платить подати въ ожиданіи исключенія изъ оклада. Въ случаѣ преступленій они судились и наказывались, какъ дворяне. Кречетниковъ находилъ это незаконнымъ и требовалъ, чтобы лица податныхъ состояній, признанныя дворянами, впредь, до Высочайшаго повелѣнія объ

---

[1]) Ibid. стр. 409.

[2]) Ibid. стр. 593, книга о дворянахъ, л. 152.

исключеніи ихъ изъ оклада, пользовались правами того состоянія, въ какомъ они записаны по ревизіи [1]). Точно такъ же находилъ Кречетниковъ неправильной выдачу такимъ лицамъ грамотъ на дворянство или замѣняющихъ ихъ свидѣтельствъ губернскаго предводителя; онъ настаивалъ, что разночинцамъ нужнѣе грамоты, чѣмъ свидѣтельства, а грамоты могутъ быть выданы только тогда, когда послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе объ исключеніи ихъ изъ оклада [2]). Свидѣтельства за подписью губернскаго предводителя и дворянскаго секретаря нужны были дворянамъ, не исключеннымъ изъ оклада, при поступленіи въ военную службу. По такимъ свидѣтельствамъ они обыкновенно принимались на службу и въ теченіе службы пользовались всѣми преимуществами дворянскаго званія. Кречетниковъ предостерегалъ предводителей, чтобы они во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій не выдавали свидѣтельствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ командировъ стоявшихъ въ Малороссіи полковъ, что при поступленіи молодыхъ людей въ военную службу дворянскими правами могутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, кои представятъ грамоты о своемъ дворянствѣ [3]).

Кречетниковъ скоро замѣтилъ и послабленія въ дѣйствіяхъ депутатскихъ собраній: онъ обратилъ вниманіе на то, что депутаты не рѣдко признавали дворянами такихъ лицъ, доказательства коихъ ограничивались только свидѣтельствами 12 несомнѣнныхъ дворянъ о благородной жизни отца и дѣда просителя; что при внесеніи въ родословныя книги лицъ изъ податныхъ сословій не дѣлалось отмѣтокъ о ихъ записи въ ревизію и окладъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень серьезныя послѣдствія.

Въ 1791 г. Кречетниковъ нанесъ малорусскому дворянству чувствительный ударъ, результатомъ коего явилась потеря дворянскихъ правъ для многихъ тысячъ фамилій, до тѣхъ поръ признаваемыхъ за благородныя. Дѣло возникло изъ-за извѣстнаго уже читателямъ указа 14 іюня 1789 г., которымъ было

[1]) Ibid. стр. 387 388.
[2]) Ibid., стр. 381, 386.
[3]) Ibid. стр. 296—302.

повелѣно представить въ Сенатъ свѣдѣнія обо всѣхъ тѣхъ, кои оказались достойными ко внесенію въ родословныя книги, но еще не исключены изъ оклада. Кречетниковъ потребовалъ доставленія такихъ свѣдѣній отъ губернскихъ предводителей. Оказалось, однако, что изъ дѣлъ депутатскихъ коммиссій требуемыхъ свѣдѣній извлечь было нельзя: при разборѣ доказательствъ просителей о состояніи ихъ въ окладѣ не заботились и справокъ объ этомъ не наводили. Оставалось обратиться въ уѣзды, гдѣ конечно, всѣмъ было извѣстно, кто и какъ попалъ въ дворяне и чѣмъ былъ раньше. Такъ и сдѣлали. „Губернскіе предводители,—разсказываетъ А. Марковичъ,—разослали уѣзднымъ списки лицъ, признанныхъ дворянами безъ неоспоримыхъ доказательствъ на дворянство, и требовали изыскать, кто изъ нихъ состоитъ въ окладѣ. Уѣздные предводители прислали списки сіи, ожидая, что лица, недоставившія требуемыхъ свѣдѣній, не будутъ исключены изъ оклада. Между показанными въ вѣдомостяхъ несравненно большая часть состояла въ козачьемъ окладѣ, немногіе въ купцахъ, мѣщанахъ, крестьянахъ казенныхъ и владѣльческихъ посполитыхъ (какъ еще и въ то время помѣщичьи крестьяне по привычкѣ назывались). Нѣкоторые изъ числа послѣднихъ написаны были по ревизіи за самыми ближними родственниками, напр.: одинъ за сестрою своею, женою значковаго товарища. Генералъ губернаторъ Кречетниковъ, соображая, что доказывающіе дворянство и состоящіе въ окладѣ до Высочайшаго повелѣнія исключены изъ окладовъ быть не могутъ, предписалъ прежде не выдавать имъ грамотъ. Губернскіе предводители представили ему: 1) что многіе изъ окладныхъ доказали свое дворянское происхожденіе документами, которые отвергнуть невозможно; 2) что есть между внесенными въ ревизію такія лица, которыя, очевидно, не выходили изъ дворянскаго состоянія потому что предки и родъ ихъ и сами они всегда владѣли дворянскими имѣніями, а попали въ окладъ случайно или по ошибкѣ нижнихъ земскихъ судовъ, отобравшихъ въ 1782 году ревизскія сказки не только отъ крестьянъ и козаковъ, но и ото всѣхъ разночинцевъ (какъ-то значковыхъ товарищей, сотенныхъ старшинъ, войсковыхъ и полковыхъ канцеляристовъ), которые,

не зная, къ чему приведутъ сіи сказки, давали ихъ безъ противорѣчія, и по нимъ внесены въ ревизію на ряду съ крестьянами своими, съ тѣмъ только различіемъ, что крестьяне значатся въ семигривенномъ, а они въ 40 алтынномъ окладѣ; 3) что коммиссія выдала уже грамоты нѣкоторымъ изъ доказавшихъ дворянство свое лицамъ, для многихъ же другихъ между ними грамоты только лишь изготовлены, и симъ то послѣднимъ обидно будетъ не пользоваться правами, которыя предоставлены первымъ. Кречетниковъ подтвердилъ не выдавать грамотъ, находя опромечтивость дворянскихъ коммиссій крайне предосудительной, но какъ все сіе случилось до прибытія его въ Малороссію, то представилъ обо всемъ Сенату [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Марковичемъ о составленіи списковъ дворянъ изъ податныхъ сословій и о взглядахъ Кречетникова на выдачу такимъ дворянамъ грамотъ, подтверждаются и матеріаломъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Но изъ разсказа Марковича можно сдѣлать тотъ выводъ, будто бы переносъ дѣла въ Сенатъ и всѣ дальнѣйшія послѣдствія зависѣли отъ разногласія Кречетникова съ губернскими предводителями касательно выдачи грамотъ дворянамъ, состоявшимъ въ окладѣ. Въ дѣйствительности, было не совсѣмъ такъ. Изъ рапорта Кречетникова Сенату мы узнаемъ, что по полученіи указа Сената отъ 14 іюня 1789 г. съ приказаніемъ представить свѣдѣнія о дворянахъ, состоящихъ въ окладѣ, намѣстническія правленія настоятельно требовали отъ губернскихъ предводителей свѣдѣній по этому предмету, но всѣ ихъ просьбы и предложенія остались безъ исполненія. Предводители ссылались на то, что дворянскія родословныя книги еще не приведены къ окончанію, а безъ этого доставить требуемыя свѣдѣнія было невозможно. Когда же, наконецъ, родословныя книги были составлены [2]), намѣстническія правленія вновь возобновили свои требованія.

---

[1]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, С.-Петерб. 1841, отд. IV, стран. 8—9.

[2]) Въ кіевской губерніи родословная книга была составлена въ 1789 г., въ черниговской—въ 1790, а по новгородъ-сѣверской только вчернѣ (Матеріалы для стат. и др. стр. 10).

На этотъ разъ изъ Чернигова было получено извѣщеніе, что тамошній губернскій предводитель отказался доставлять требуемыя свѣдѣнія, ссылаясь на то, что „по дворянской коммиссіи никакихъ потребныхъ къ тому даже видовъ нѣтъ“. Свѣдѣнія, какія именно фамиліи и въ какомъ числѣ душъ изъ состоящихъ въ подушномъ или иномъ окладѣ поступили въ дворяне, были затребованы отъ уѣздныхъ предводителей, а для удобства при наведеніи справокъ посланы къ нимъ выписки изъ родословной книги. Нѣкоторыми изъ уѣздныхъ предводителей свѣдѣнія точно были доставлены, но по сличеніи ихъ съ дворянскою родословною книгою „открылись разныя сомнѣнія и невѣрности“: въ иныхъ уѣздахъ въ предводительскія вѣдомости попало много такихъ безчиновныхъ лицъ разнаго званія, коихъ ни въ родословной книгѣ, ни по дѣламъ депутатскаго собранія не значилось, а въ другихъ—многіе безчиновные роды, значившіеся по родословной книгѣ, совсѣмъ не показаны въ предводительскихъ вѣдомостяхъ или же показаны другими фамиліями, чѣмъ тѣ, подъ коими они значатся въ родословной книгѣ. Что касается кіевской родословной книги, то хотя копія съ нея представлена въ губернское правленіе и даже въ Сенатъ, но изъ нея совсѣмъ не видно, кто записанъ въ дворяне изъ податныхъ состояній, а по объясненіямъ губернскаго предводителя, „открыть сіе и затруднительно, и неудобно“. Изъ Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества требуемыя свѣдѣнія были доставлены въ намѣстническое правленіе, а затѣмъ и въ Сенатъ, но провѣрить ихъ по родословной книгѣ намѣстническое правленіе не имѣло возможности, такъ какъ копія съ родословной книги въ правленіе не представлена, а потому и посланная Сенату вѣдомость врядъ ли, по мнѣнію Кречетникова, находится „въ надлежащей аккуратности“. Изъ всего этого генералъ губернаторъ выводилъ заключеніе, что въ дѣятельности малороссійскихъ дворянскихъ коммиссій существуетъ большой безпорядокъ, ибо „если бы съ должнымъ наблюденіемъ правилъ, въ дворянской грамотѣ изображенныхъ, разсматриваемы были доказательства о дворянствѣ таковыхъ состоящихъ въ окладѣ, а притомъ съ надлежащею вѣрностью и аккуратностью продолжаема была по всѣмъ тремъ

губерніямъ родословная книга, то не могло бы въ сочиненіи объ оной вѣдомостей встрѣтиться ни затрудненія, ни медленности". Сомнѣніе въ законномъ и порядочномъ производствѣ дѣлъ въ дворянскихъ коммиссіяхъ возбуждала и слишкомъ крупная цифра лицъ податныхъ состояній, признаннымъ дворянами: губернскіе предводители предъидущаго трехлѣтія, передъ увольненіемъ ихъ отъ должности, показали въ перечневыхъ вѣдомостяхъ генералъ-губернатору, что всего по тремъ малороссійскимъ губерніямъ внесено въ родословныя книги 22702 лица податныхъ сословій: купцовъ, козаковъ, мѣщанъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ. Но, если даже устранить сомнѣніе по поводу такого безпримѣрно большого числа благородныхъ фамилій, попавшихъ въ податное состояніе, то и тогда нельзя не остаться при убѣжденіи о безпорядкахъ въ дѣлопроизводствѣ коммиссій: и въ самомъ дѣлѣ, если цифра, показанная губерскими предводителями вѣрна, а дѣлопроизводство въ коммиссіяхъ велось, какъ слѣдуетъ, то и по дѣламъ коммиссій это должно быть ясно и вѣрно, а между тѣмъ губерскіе предводители текущаго трехлѣтія, за исключеніемъ Новгородъ-Сѣверскаго, отозвались, что въ открытіи положительнаго числа лицъ податныхъ сословій по родословнымъ книгамъ предстоитъ и затрудненіе, и неудобность.

Таковъ былъ рапортъ Кречетникова. Результатомъ его былъ сенатскій указъ отъ 16 декабря 1791 года, коимъ было велѣно: присланныя изъ Малороссіи свѣдѣнія о тамошнихъ дворянахъ возвратить въ намѣстническія правленія, а губернскимъ предводителямъ малороссійскихъ губерній—вновь разсмотрѣть вмѣстѣ съ депутатами всѣ представленныя состоящими въ окладѣ лицами доказательства о благородствѣ по изображеннымъ во всемилостивѣйше пожалованной дворянству грамотѣ правиламъ, не упуская ничего въ нихъ предписаннаго, такъ, чтобы ни единый уже человѣкъ, не имѣвъ достаточнаго доказательства, не вошелъ въ число благороднаго дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстническимъ правленіямъ и генералъ-губернатору поручалось наблюсти, чтобы затребованныя Сенатомъ въ 1789 г. свѣдѣнія о дворянахъ изъ податныхъ состояній были представлены въ Сенатъ

какъ наискорѣе возможно, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, взысканія по законамъ безъ всякаго упущенія [1]).

Кречетниковъ имѣлъ полное право торжествовать: онъ не только добился всего, но и подгадилъ задунайскому герою, котораго онъ тотчасъ же по полученіи указа и извѣстилъ какъ объ открытыхъ имъ, Кречетниковымъ, безпорядкахъ, такъ и о состоявшемся по его же рапорту сенатскомъ распоряженіи [2]). Депутатовъ и предводителей онъ теперь повернулъ по своему. Сперва онъ потребовалъ къ себѣ предводителей для совѣщанія, а затѣмъ велѣлъ имъ вмѣстѣ съ депутатами тотчасъ же съѣхаться въ губернскіе города для пересмотра доказательствъ окладныхъ дворянъ, согласно сенатскому указу [3]). Дѣло это онъ предложилъ окончить въ два года. Начался вторичный разборъ правъ злополучныхъ искателей дворянства изъ податей и окладовъ. На этотъ разъ депутатамъ пришлось сбросить съ себя обычную халатность, да иначе было и нельзя, потому что губернскія начальства ихъ энергично подгоняли. Новгородъ-Сѣверское, напр., намѣстническое правленіе потребовало, чтобы они безвыѣздно жили въ губернскомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока не окончатъ порученнаго имъ дѣла [4]). Кречетниковъ, впрочемъ, не одобрялъ такого чрезмѣрнаго усердія и находилъ, что депутаты могутъ иногда и отдыхать, въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, когда это разрѣшено по регламенту. Такъ, въ концѣ января 1792 года онъ извѣстилъ предводителей, что въ праздничное время они имѣютъ право разъѣзжаться по деревнямъ, какъ и прочіе коронные чиновники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кречетниковъ принялъ свои мѣры для того, чтобы, сколько возможно, сократить число претендентовъ на дворянское достоинство изъ среды лицъ податныхъ сословій. По полученіи сенатскаго указа онъ тотчасъ же (9 января 1792 г.) распорядился объявить сельскимъ начальникамъ: „если кто изъ

---

[1]) Чтен. Общества исторіи и древн. 1861 г., кн. II, отд. V, стр. 128—131 и „Собр. рѣдк.“.

[2]) Собр. рѣдк., стр. 181—182.

[3]) Ibid., стр. 432.

[4]) Собр. рѣдк., ст[illegible]зъ

поселянъ, не происходя изъ предковъ благородныхъ, по одному только обольщенію неблагомысленныхъ людей, отыскивающихъ себѣ корысти, сдѣлаетъ домогательство къ полученію дворянскаго названія, а доказательства, таковымъ представленныя, предъ настоящимъ разсматриваніемъ губернскаго господина предводителя съ дворянскими депутатами окажутся недостаточными, и слѣдовательно вовлеченъ въ заблужденіе, а тѣмъ вмѣстѣ въ напрасную волокиту и разореніе по легкомыслію своему, то, по дошедшему о томъ къ губернскому начальству свѣдѣнію, не только тѣ, кои причиною наклоненія оныхъ къ таковому заблужденію, безъ наказанія и сужденія къ возвращенію всего ими полученнаго не останутся, но и начальники селеній за слабое смотрѣніе и поощреніе къ разоренію подчиненныхъ имъ поселянъ не избѣгнутъ отъ надлежащаго взысканія по законамъ..." Угрожая ходатаямъ и сельскому начальству „взысканіемъ по законамъ", Кречетниковъ не забылъ и самихъ претендентовъ: имъ онъ грозилъ полнымъ разореніемъ въ случаѣ „полученія дворянскаго названія". „Буде кто изъ козаковъ и крестьянъ казенныхъ, находясь въ числѣ обложенныхъ податьми, по неопровержимымъ доказательствамъ, признанъ будетъ достойнымъ ко внесенію въ дворянскую родословную книгу... и получитъ грамоту, тогда долженъ будетъ участки земли, по козачьему или крестьянскому названію владѣемой, какъ и самую усадьбу, подъ строеніемъ дома находящуюся, очистя, оставить въ пользу прочихъ поселянъ, а для того благовременно и приготовили бы таковые себя къ собранію рода жизни и службы, свойственной благородному названію. Начальники селеній не оставили бъ внушить онымъ предварительно, дабы по невѣдѣнію ихъ не удовлетворились въ томъ, что и получа дворянское названіе, могутъ пользоваться принадлежащими козачьему или крестьянскому состоянію выгодами, которыя оставить непремѣнно должны будутъ въ пользу прочихъ поселянъ" [1]).

Само собою понятно, что распоряженіе генералъ-губернатора не могло не возбудить толковъ и даже ропота. Какъ ни

[1]) Собр. рѣдк., стр. 431—435.

велико было невѣдѣніе податныхъ классовъ въ законахъ, но и они, а особенно, конечно, козаки, не могли не понимать, что иное дѣло—земля казенная, громадская, а иное—крѣпостная, а потому и угроза отобранія земель и даже усадьбъ у лицъ, доказавшихъ свое дворянство, должна была вызвать рядъ недоумѣній и сомнѣній. Можно ли дѣйствительно отобрать землю, набытую власнымъ коштомъ еще дѣда и прадѣда, претендента на дворянство, или и самимъ претендентомъ? Законно ли такое отобраніе? Генералъ-губернатору скоро пришлось убѣдиться, что онъ нѣсколько неловко редактировалъ свое распоряженіе 21 января: двадцать дней спустя послѣ перваго грознаго ордера, онъ выпустилъ новый приказъ съ разъясненіемъ, что распоряженіе объ отобраніи земель и усадебъ касается только земель казенныхъ и общественныхъ [1]).

Распоряженіемъ 9 января 1792 г. Кречетниковъ скрутилъ по рукамъ и ногамъ ревизскія души, претендующія на дворянскія права. Пробраться въ дворянскія коммиссіи съ доказательствами своихъ правъ рѣшался теперь только рѣдкій смѣльчакъ, не боявшійся строгихъ заказовъ своего ближайшаго начальства, да и коммиссіи, къ тому же, стали слишкомъ недоступны. Но такъ можно было закрытьротъ только новымъ претендентамъ, что же касается до старыхъ, тѣхъ, что еще до 1791 года были признаны дворянами и даже получили грамоты, то къ нимъ примѣнялся другой способъ. Разборъ доказательствъ рѣшено было, по настоянію Кречетникова, производить по округамъ. При разборѣ обязано было присутствовать полное собраніе коммиссіи изъ предводителя и депутатовъ. Отъ просителей отбирались свѣдѣнія, кто въ какомъ состояніи записанъ по ревизіи—въ козакахъ, купцахъ, мѣщанахъ или крестьянахъ,—по какому городу или селу и въ какомъ числѣ душъ, и если проситель точно происходитъ отъ дворянъ, то кто послѣдній изъ предковъ пользовался принадлежащими благородному званію правами и почему попалъ въ подлость. Если доказательства просителя всѣмъ собраніемъ или $^2/_3$ его признавались недостаточными, ихъ возвращали проси-

[1]) Собр. рѣдк., стр. 438.

телю, а если достаточными,—то отмѣчали въ вѣдомости, требуемой Сенатомъ. Старыя грамоты, выданныя до 1791 года, приказано было отобрать, а новыя не выдавались никому изъ податныхъ впредь до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ оклада. Собраніе обязано было разсматривать доказательства въ тѣ сроки, кои по учрежденію о губерніяхъ установлены для присутственныхъ мѣстъ [1]).

Обо всѣхъ этихъ строгостяхъ, конечно, знали тѣ, для кого онѣ были предназначены. И вотъ, когда въ губернскій городъ съѣзжались депутаты для пересмотра дворянскихъ родовъ, ревизскія души, неувѣренныя въ неопровергаемости своихъ доказательствъ, ни сами въ коммиссію не явились, ни грамотъ, у кого таковыя имѣлись, не присылали, не смотря на то, что объ явкѣ имъ дѣлались предварительныя оповѣщенія. Въ такихъ случаяхъ ихъ обыкновенно доставляли въ коммиссіи силой. По распоряженію Кречетникова, городничіе и исправники съ пристойной командой солдатъ, согласно списку, даннаму изъ коммиссіи, высылали податныхъ дворянъ въ депутатское собраніе, которое и производило разборъ ихъ доказательствъ. Высылка производилась по округамъ и, какъ не безъ удовольствія свидѣтельствовалъ Кречетниковъ, очень успѣшно. Если грамоты, выданныя до 1791 г., оказывались неправильными, то объ этомъ публиковалось по губерніи, дабы прекратить возможныя съ документами злоупотребленія, а самыя грамоты отбирались у забракованныхъ дворянъ и представлялись въ депутатскія собранія къ уничтоженію [2]). Дѣло велось такъ строго и энергично, что къ 1795 году „безсумнительными“ дворянами изъ податныхъ было признано только 12597 чел., т. е. немногимъ болѣе половины того числа, какое было внесено въ родословныя книги до 1791 г. [3]). Тѣмъ не менѣе, разбора все таки не удалось закон-

[1]) Собр. рѣдк., стр. 517—522.

[2]) Собр. рѣдк., 439—443.

[3]) По указанію А. Марковича, послѣ вторичнаго пересмотра черниговская коммиссія признала несомнительными дворянами 2616 лицъ, платящихъ подати, а кіевская 1240 семействъ или 6254 лица (Матер., отд. IV, стр. 9 и прим.). Сколько душъ было признано дворянами послѣ вторичнаго разбора въ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ,—объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній, а стало быть не

чить, какъ предполагалъ Кречетниковъ. Точно также не удалось и отобрать грамоты у всѣхъ ревизскихъ дворянъ. Еще въ 1804 году остались лица податныхъ состояній, внесенныя въ ревизію 1783 г., у которыхъ были въ рукахъ грамоты прежнихъ дворянскихъ коммиссій. Злополучные окладные дворяне, несмотря на всѣ требованія начальства, ни за что не хотѣли разставаться съ этими драгоцѣнными документами. Въ 1804 году мглинскій городничій получилъ распоряженіе отобрать грамоты у тѣхъ мглинскихъ дворянъ, которые по бумагамъ казенной палаты значились простыми ревизскими душами. Не смотря на всѣ старанія, городничій оказался не въ состояніи исполнить волю начальства, о чемъ и рапортовалъ, куда слѣдуетъ. Мглинскіе обыватели грамотъ городничему не отдали; иные заявили, что сами будутъ хлопотать въ герольдіи о дворянствѣ; другіе отнѣкивались тѣмъ, что грамоты передали родичамъ, а иные увѣряли, что грамотъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ—утеряли. Тогдашній генералъ-губернаторъ Малороссіи, князь Куракинъ, обратился въ Сенатъ съ запросомъ, какъ быть съ упорствующими. Сенатъ приказалъ: пропечатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ тѣ грамоты, кои, по заявленію мглинскихъ дворянъ, ими утеряны, а дабы на будущее время скорѣе покончить съ вопросомъ, кто дворянинъ и кто нѣтъ, и такимъ образомъ отнять всякій поводъ къ злоупотребленіямъ съ грамотами,—назначить черезъ пропечатаніе въ публичныхъ вѣдомостяхъ шестимѣсячный срокъ для представленія грамотъ въ губернскія правленія, если же кто не представитъ, тотъ теряетъ право искать дворянства и навсегда остается въ податномъ состояніи [1]).

можемъ подвесть и общаго итога для всей Малороссіи. Мы воспользовались указаніями косвенными и свою цифру 12597 вывели такимъ образомъ. Извѣстно, что при ревизіи 1795 г. Черниговская казенная палата включила въ окладъ и тѣхъ дворянъ изъ записанныхъ въ ревизію 1782, кои были признаны въ дворянствѣ при вторичразборѣ, а такихъ дворянъ, какъ мы уже знаемъ по Марковичу, было 2616 чел. Новгородъ-Сѣверская и Кіевская палата, наоборотъ, такихъ дворянъ въ ревизію не записали. Изъ рапорта Куракина Сенату отъ 1805 г. мы узнаемъ, что такихъ незаписанныхъ въ ревизіи дворянъ было въ Малороссіи 9981. Если къ этой цифрѣ прибавимъ 2616 черниговскихъ дворянъ, попавшихъ въ окладъ, то и получимъ какъ разъ 12597.

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ, стр. 167—168.

Вторичный разборъ дворянства, произведенный по сенатскому указу 1791 г., не доставилъ еще, однако, дворянскихъ преимуществъ и выгодъ тѣмъ счастливцамъ, которые и послѣ новаго пересмотра ихъ доказательствъ, оказались достойными къ внесенію въ родословныя книги. Ихъ еще долго продолжали „неговать и турбовати“. Дѣло о нихъ было представлено Сенату, гдѣ и застряло на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А между тѣмъ, подошла новая ревизія (1795 г.), а вмѣстѣ съ нею возникъ и вопросъ: включать или не включать эти 12597 человѣкъ, значащихся по дѣламъ мѣстныхъ депутатскихъ собраній безсомнительными дворянами. Рѣшали этотъ вопросъ сами казенныя палаты и рѣшали различно. Черниговская казенная палата, руководствуясь извѣстными уже намъ указами Сената 1789 и 1791 г. г., согласно которымъ лица, признанныя въ дворянскомъ достоинствѣ депутатскими собраніями, по состоящія въ окладѣ, не могутъ быть избавлены отъ личныхъ повинностей до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ оклада, записала въ ревизскія книги и тѣ 2616 душъ, которыя были признаны дворянами послѣ вторичнаго пересмотра ихъ доказательствъ, а Кіевская и Новгородъ-Сѣверская палаты, опираясь на 36 статью дворянской грамоты, гласящей, что „благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей“, не включила въ окладъ никого изъ внесенныхъ въ родословныя книги послѣ вторичнаго пересмотра. Такихъ счастливцевъ по обоимъ намѣстничествамъ насчитывалось 9981 чел. У нѣкоторыхъ изъ нихъ при этомъ отобраны и казенно-общественныя земли, коими они раньше владѣли, на томъ основаніи, что лица, выбывшія въ дворянство, не имѣютъ права пользоваться выгодами поселянскаго званія [1]).

Свободой отъ личныхъ податей 9981 „безсумнительныхъ“ дворянъ пользовались, однако, не долго. Ихъ привилегированное положеніе по сравненію съ 2616 такихъ же „безсумнительныхъ“, попавшихъ въ окладъ, не могло не возбуждать сомнѣній. Всѣ знали, что дѣло о нихъ производится въ Петербургѣ, и только оттуда можетъ получиться окончательное разрѣ-

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ мал. чинахъ, стр. 169—171.

шеніе спорнаго вопроса. А изъ Петербурга никакого рѣшенія не получалось, но за то шли указъ за указомъ, изъ коихъ можно было вывести такое заключеніе, что постановленія мѣстныхъ дворянскихъ коммиссій о внесеніи того или другого лица въ родословную книгу далеко еще не рѣшаютъ вопроса о принадлежности этого лица къ дворянскому сословію, съ каковою только и соединяется свобода отъ личныхъ податей. Въ Высочайшемъ указѣ 1796 года предписывалось, чтобы „никакое въ государствѣ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало грамотъ на сіе достоинство". По сенатскому указу отъ 19 марта 1797 г. было велѣно депутатскимъ собраніямъ разобрать представляемыя на дворянство доказательства, но самимъ не рѣшать вопроса о принадлежности того или другого лица дворянскому сословію, а представлять въ герольдію. Въ 1800 г., вслѣдствіе просьбы нѣсколькихъ бѣлорусскихъ дворянъ объ исключеніи ихъ изъ оклада, Сенатъ паводилъ справки, много ли числится въ могилевской губерніи дворянъ, состоящихъ въ окладѣ, и, узнавъ, что такихъ дворянъ тамъ 1096 чел., вновь подтвердилъ депутатскимъ собраніямъ, что они не имѣютъ права рѣшать вопросъ о дворянствѣ лицъ податныхъ состояній, а должны представлять о нихъ въ герольдію [1]). Въ 1801 г. опять подтверждается, что въ дворянство, какъ регалію государскую, никто, кромѣ верховной власти, облекать не можетъ, и предписывается грамотъ на дворянское достоинство безъ Высочайшаго повелѣнія не представлять.

При такихъ условіяхъ привилегированное положеніе 9981, не попавшихъ въ окладъ только по милости чиновниковъ Новгородъ-Сѣверской и Кіевской казенныхъ палатъ, не могло не возбуждать сомнѣній. Въ 1802 г. Черниговская казенная палата представила генералъ-губернатору Куракину вѣдомость о дворянахъ, не внесенныхъ въ ревизію 1795 г., и просила разъясненій, какъ съ ними быть: положить ли ихъ вновь въ окладъ, или ходатайствовать предъ Сенатомъ о Высочайшемъ повелѣніи касательно окончательнаго исключенія ихъ изъ податного званія.

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. 169.

Куракинъ рапортовалъ объ этомъ Сенату, а Сенатъ въ 1803 году постановилъ: всѣхъ исключенныхъ изъ ревизіи 1795 г. вновь обложить окладомъ, начиная съ 1803 г.; что же касается принадлежащихъ имъ казенно-общественыхъ земель, то таковыя оставить въ ихъ владѣніи впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мнѣніе Сената было аппробовано государемъ [1]).

Результатомъ этого распоряженія было возвращеніе въ поселянское званіе почти 10 тыс. человѣкъ, привыкшихъ за 8 лѣтъ къ свободѣ отъ податей и личныхъ повинностей. Марковичъ разсказываетъ, что послѣ сенатскаго указа нѣкоторые изъ нихъ были внесены въ окладъ, а другіе остались невнесенными [2]). Врядъ ли, однако, это такъ было. Изъ сенатскаго указа отъ 14 марта 1804 г., послѣдовавшаго по рапорту того же Куракина, мы узнаемъ, что мѣстныя казенныя палаты такъ усердно отнеслись къ указу 1803 г., что обложили окладомъ даже тѣхъ изъ непризнанныхъ дворянъ, которые успѣли получить офицерскіе чины. По представленію Куракина Сенатъ смиловался надъ злополучными поручиками и регистраторами и приказалъ ихъ окладомъ не облагать [3]). Изъ другого рапорта Куракина отъ того же 1804 г. явствуетъ, что казенныя палаты при взысканіи податей съ дворянъ, не внесенныхъ въ ревизію 1795 года, не дѣлали никакого различія между ними и простыми ревизскими душами, хотя по сенатскимъ указамъ слѣдовало поступающія съ такихъ дворянъ подати вносить въ особую графу и хранить отдѣльно для возвращенія тѣмъ изъ нихъ, кои будутъ признаны въ дворянскомъ достоинствѣ высшимъ правительствомъ [4]).

Къ счастію своему, злополучные 9981 нашли себѣ заступника въ лицѣ генералъ-губернатора. Мы уже видѣли, какъ хлопоталъ онъ за тѣхъ изъ нихъ, кои вышли въ офицерскіе чины. Въ 1804 г. онъ добился отъ Сената, чтобы подати съ окладныхъ дворянъ записывались отдѣльно, а въ томъ же 1804 году выхлопоталъ для нихъ и другую важную привилегію. При

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, стр. 53.

[2]) Матеріалы и пр., стр, 9.

[3]) Книга о дворяхъ, л. 165—166.

[4]) Ibid., 163.

послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ казенныя палаты обратились къ нему съ запросомъ, привлекать ли къ отбытію рекрутской повинности и тѣхъ дворянъ, кои по ревизіи 1795 года показаны выбывшими въ дворянское достоинство. Куракинъ представилъ Сенату, что привлеченіе къ рекрутчинѣ лицъ, по закону избавленныхъ отъ личныхъ повинностей, во всякомъ случаѣ не законно. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Куракина и постановилъ освободить отъ рекрутчины тѣхъ 9981, кои упомянуты въ указѣ 1803 г., а всѣмъ остальнымъ, которые со времени 4-й ревизіи были въ окладѣ по старому, отбывать рекрутскую повинность на ряду съ прочими поселянами [1]).

Неопредѣленное положеніе окладныхъ дворянъ вызывало не мало и другихъ недоразумѣній, за разъясненіемъ которыхъ приходилось обращаться въ Петербургъ. Такимъ недоумѣннымъ вопросомъ былъ, между прочимъ, и вопросъ, какъ судить такихъ дворянъ по дѣламъ уголовнымъ и о личныхъ обидахъ. Къ 1803 году судился состоящій въ окладѣ дворянинъ Антонъ Ломака за поддѣлку паспорта. Въ виду того, что ни судъ, ни иное начальство не знало, судить-ли Ломаку за это преступленіе какъ дворянина или какъ простолюдина, Куракинъ вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ, по докладу котораго Государь приказалъ судить Ломаку, какъ дворянина [2]). Судя по всему, примѣръ этотъ не имѣлъ принципіальнаго значенія, какъ это явствуетъ изъ другого дѣла. Два окладныхъ дворянина, Казановскій и Бабенко, при требованіи съ нихъ казенныхъ или общественныхъ податей, коихъ они, въ качествѣ дворянъ, платить не хотѣли, были чѣмъ то обижены со стороны своихъ односельчанъ. Завелось дѣло „о гвалтовномъ нахожденіи мужиковъ на домы шляхетскіе“, которое наконецъ было разрѣшено генеральнымъ судомъ, и на крестьянъ наложено такое взысканіе, какое, по Статуту, слѣдуетъ за обиду человѣка породы шляхетской. Изъ генеральнаго суда дѣло перешло въ Сенатъ, который и разъяснилъ, что дворяне, записанные въ окладъ, до тѣхъ поръ не

[1]) Книга о дворянахъ, л. 163—164.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 212—213.

могутъ пользоваться дворянскими правами, пока ихъ доказательства не будутъ признаны геролъдіей. Съ своей стороны геральдія предписала дворянскимъ собраніямъ доставить ей въ самоскорѣйшемъ времени доказательства окладныхъ дворянъ и при этомъ еще разъ подтвердила, чтобы дворянскія собранія не вносили окладныхъ дворянъ въ родословныя книги и не выдавали имъ грамотъ до разсмотрѣнія ихъ геральдіей [1]).

Вообще малороссійскимъ дворянамъ изъ окладныхъ, нужно сказать, очень не повезло. Включеніе ихъ въ ревизію 1782 г. служило для нихъ камнемъ преткновенія и источникомъ безчисленныхъ хлопотъ и огорченій. Геральдія, хотя и требовала отъ депутатскихъ собраній присылки доказательствъ такихъ дворянъ „въ самоскорѣйшемъ времени“, но сама разрѣшала дѣла о дворянствѣ крайне медленно. Дѣло, напр., козаковъ Богушей, признанныхъ въ дворянствѣ Черниговскимъ депутатскимъ собраніемъ еще въ 1792 г. (не послѣ вторичнаго ли пересмотра?), было рѣшено геральдіей только въ 1851 году [2]). Что это не единственный случай,—видно уже изъ того, что даже послѣ 1835 года, когда вопросъ о малороссійскихъ дворянахъ былъ окончательно разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, въ геральдіи лежало многое множество неразсмотрѣнныхъ документовъ претендентовъ на дворянское званіе, начавшихъ свои искательства еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Отношеніе геральдіи къ этимъ документамъ далеко не напоминало снисходительности, съ какою смотрѣли на нихъ въ оны дни члены депутатскихъ собраній малороссійскихъ намѣстничествъ: и времена, и люди были другіе. Мнѣніе о вредѣ перепроизводства дворянскаго сословія стало руководящимъ принципомъ правящихъ сферъ, а политическое значеніе нобилитаціи потомковъ козацкой старшины утратило уже свой raison d' être: малороссіяне давно уже „скинули татарскія и польскія платья и начали говорить, пѣть и плясать по русски“ [3]).

---

[1]) Ibid., л. 172—174.

[2]) Зап. черниг. статист. ком., кн. 2, ст. 53.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 1, стр. 54.

ГЛАВА IV.

Подчиненіе дворянскихъ собраній контролю герольдіи.—Отношеніе герольдіи къ лицамъ, доказывающимъ свое дворянство чинами прежней малороссійской службы.—Негодованіе дворянства.—Дѣятельность патріотовъ.—Записки по дворянскому вопросу Марковича и Калинскаго.—Мнѣніе автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ".—Ходатайство Черниговскаго маршала.—Возбужденіе вопроса о дѣйствіяхъ герольдіи среди полтавскаго дворянства.—Записки Калинскаго и Полетики.—Рѣшеніе комитета министровъ и его отголоски въ Малороссіи.—Новая просьба полтавскаго дворянства.—Ходатайство кн. Репнина.—Рѣшеніе дѣла въ „особомъ комитетѣ".—Указъ 20 марта 1835 года.

Если забыть печальную повѣсть злоключеній малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ ревизію 1782 г., то можно сказать, что въ XVIII ст. переходъ командующаго класса въ дворянское сословіе совершался благополучно. Цѣнители дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства были плотію отъ плоти того же шляхетства и, конечно, не могли предъявлять какихъ-нибудь чрезвычайныхъ требованій отъ такихъ же, какъ и сами они, шляхтичей, ищущихъ внесенія въ родословную книгу. Высшее начальство въ дѣятельность дворянскихъ собраній не мѣшалось, а если это иногда и бывало, то только въ экстренныхъ случаяхъ: когда, напр., подавалась жалоба на депутатовъ, или отъ военнаго начальства требовались свѣдѣнія о дворянствѣ лицъ, поступающихъ на службу.

Постоянное вмѣшательство высшаго начальства въ дѣло, порученное депутатамъ, началось съ 1796 года. Съ этихъ поръ дворянскія собранія потеряли право окончательно рѣшать вопросъ о дворянствѣ того или другого лица, а должны были передавать дѣло на заключеніе герольдіи. Вслѣдъ затѣмъ начато было сочиненіе общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, давшее герольдіи возможность подвергнуть фактическому контролю всю предыдущую дѣятельность депутатскихъ собраній. Правда, со вступленіемъ на престолъ Александра дворянская грамота была возстановлена во всей своей силѣ, но составленіе гербовника все таки продолжалось, а стало быть продолжалось и вмѣшательство герольдіи въ дѣло, порученное собраніямъ. Въ первое время, впрочемъ, контроль герольдіи былъ для малороссійскихъ дворянъ малочувствителенъ.

Малороссійское дворянство, подобно великорусскому, представляло въ герольдію свои гербы и доказательства и по нимъ благополучно заносилось въ гербовникъ. Въ поискахъ за гербами дворяне обращались преимущественно къ Нѣсецкому (Herby i familie rycerskie) или къ гербаріусу Папроцкаго (Herby rycerstwa polskiego). Требуемыя сенатомъ „выписи", удостовѣряющія принадлежность герба данному роду, добывались иной разъ изъ такихъ „присутственныхъ мѣстъ", которыя, повидимому, не имѣли никакого касательства ни къ дворянству, ни къ гербамъ. Въ 1798 году маіоръ Вронскій за разысканіемъ своего герба обращается въ кіевскую духовную дикастерію, по указу которой освященный соборъ Печерской лавры выдаетъ ему выписку изъ гербаріуса Попроцкаго. Благодаря этой выпискѣ родъ Вронскихъ попадаетъ въ 6-ю часть родословной книги, а ихъ гербъ вносится въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи [1]).

Въ эти счастливые годы, герольдія относилась къ малороссійскому дворянству очень благосклонно. Она охотно принимала въ дворянское сословіе какъ тѣхъ, кои выводили свои роды отъ польскаго или иного древняго шляхетства, такъ и тѣхъ, которые основывали свои притязанія только на чинахъ прежней малороссійской службы. Бывали, правда, единичные случаи, когда герольдія отказывала просьбамъ малороссійскихъ дворянъ о внесеніи ихъ гербовъ въ гербовникъ. Такъ, въ 1799 г. она отказалась внести въ гербовникъ нѣсколько фамилій золотоношскихъ дворянъ, но не потому, что сомнѣвалась въ ихъ дворянствѣ, а потому, что просьбы ихъ не имѣли достаточныхъ, по закону, доказательствъ: золотоношскіе дворяне представили свои гербы въ раскрашенномъ видѣ, какъ то и требовалось, но безъ всякихъ доказательствъ о принадлежности имъ этихъ гербовъ и даже безъ опредѣленій собраній о признаніи ихъ дворянами [2]). Около того же времени герольдія отказалась внести въ гербовникъ фамилію Кандыбъ, не представившихъ никакихъ свѣдѣній

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. л. 216—218

[2]) Собр. рѣдк., стр. 683.

о своемъ родѣ, кромѣ диплома на дворянство[1]). Точно такъ же бывали отдѣльные случаи, когда герольдія сомнѣвалась причислять къ *древнему* дворянству лицъ, доказывающихъ свое благородство одними только малороссійскими чинами. Такъ, въ 1799 г. она отказалась причислить къ древнему дворянству родъ коллежскаго регистратора Максима Гандовскаго-Потаповича, но когда онъ представилъ грамоту какого-то польскаго короля на имѣніе, родъ его былъ признанъ древнимъ, а гербъ внесенъ въ 1-ое отдѣленіе гербовника[2]). Во всякомъ случаѣ сомнѣній въ благородствѣ лицъ, доказывающихъ дворянство одними малороссійскими чинами, въ то время еще не возбуждалось. Въ 1801 году герольдія внесла въ гербовникъ фамилію Лагодъ, „служившихъ россійскому престолу въ разныхъ малороссійскихъ чинахъ“: дѣдъ и отецъ просителя были войсковыми товарищами[3]). Въ 1802 году, по просьбѣ коллежскаго регистратора Дм. Лазаревича, она внесла въ гербовникъ гербъ Лазаревичей „поелику предки рода Лазаревичей съ 1675 г. находились въ службѣ въ малороссійскихъ чинахъ и владѣли имѣніемъ“[4]). Точно также благосклонно отнеслась герольдія и къ просьбѣ Хилчевичей, имѣвшихъ такія же доказательства, какъ и Лазаревичи.

Снисходительное отношеніе герольдіи къ малороссійскому дворянству продолжалось, однако, не долго. Уже съ 1802 года герольдія начинаетъ выражать сомнѣніе не только по поводу гербовъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, но и по поводу самого признанія ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Въ 1802 г. она отказалась внесть въ гербовникъ фамилію Подвысоцкихъ: „хотя изъ опредѣленія черниговскаго дворянскаго собранія и видно, что поручика Ивана Подвысоцкаго дѣдъ, Алексѣй Подвысоцкій, въ 1734 году служилъ надъ козаками кіевскаго, стародубовскаго и переяславскаго полковъ наказнымъ полковникомъ, сынъ его Яковъ въ 1742 году пожалованъ обознымъ въ кіевскій малороссійскій полкъ и подтверждены данныя имъ за службы

---

[1]) Архивъ малор. коллегіи, № 1734.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 250.

[3]) Ibid., л. 190.

[4]) Ibid., л. 191.

отъ гетмана Апостола деревни, а отецъ, Андрей Подвысоцкій, имѣлъ чинъ сотника, но чтобъ они происхожденіе имѣли отъ древнихъ благородныхъ предковъ, такъ какъ представленъ ко внесенію въ гербовникъ гербъ, употребляемый въ родѣ Подвысоцкихъ съ древнихъ временъ,—того въ доказательствахъ ихъ герольдія не находитъ, а потому слѣдуетъ просить себѣ герба вновь или представить, буде имѣютъ, доказательства о древнемъ дворянствѣ“ [1]). Въ томъ же 1802 году герольдія возвратила въ черниговское дворянское собраніе цѣлую коллекцію раскрашенныхъ гербовъ малороссійскихъ дворянъ „за несообразностью ихъ съ предписаніями Правительствующаго Сената“. Черниговскому губернатору Френздорфу было поручено разъяснить дворянству, что гербы имѣютъ право представлять только тѣ древніе роды, которые ими и раньше пользовались, что же касается малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ третью часть родословной книги по чинамъ, то они не могутъ умышлять себѣ гербовъ по своему желанію, а должны просить дипломовъ на дворянство, а вмѣстѣ съ ними и гербовъ отъ Высочайшей власти. Забракованными оказались гербы 441 дворянской фамиліи, которые и были препровождены Френздорфомъ въ дворянское собраніе для возвращенія просителямъ [2]).

Въ 1803 г. герольдія усомнилась въ благородствѣ Левченковъ, внесенныхъ новгородъ-сѣверскимъ дворянскимъ собраніемъ въ 4 часть родословной книги: собраніе признало ихъ дворянами только по свидѣтельству двухъ благородныхъ о томъ, что Левченки происходятъ отъ шляхты, употребляютъ гербъ Грифъ и владѣютъ шляхетскимъ имѣніемъ [3]). Точно также при разборѣ доказательствъ надв. сов. Круковскаго герольдія усомнилась въ правильности дѣйствій дворянскаго собранія, которое внесло родъ Круковскихъ въ родословную книгу только потому, что дѣдъ и отецъ просителя владѣли шляхетскимъ имѣніемъ. Герольдія требовала свѣдѣній, въ какихъ чинахъ Круковскіе служили, какое у нихъ имѣніе—жалованное или пріобрѣтенное—и кто этимъ

[1]) Книга о дворянахъ, л. 192.

[2]) Собраніе рѣдк., стр. 701—708.

[3]) Книга о дворян., л. 270.

имѣніемъ владѣетъ [1]). Къ 1804 году герольдія отказалась внести въ гербовникъ родъ Вилинскихъ, хотя ихъ отцу, тональскому сотнику, при Аннѣ Ивановнѣ была Высочайше пожалована маетность, а сами просители имѣли немаловажные чины: одинъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, а другой коллежскимъ ассесоромъ [2]).

Всѣ эти распоряженія, разумѣется, не могли нравиться тѣмъ, кого они касались. Разсказы о неудачахъ Круковскихъ и Вилинскихъ не могли не возбуждать опасеній и въ остальномъ дворянствѣ, а тутъ еще присоединились и другіе факты, показавшіе дворянству, что его дѣйствительно начинаютъ въ Петербургѣ „неговать и турбовати“. Высшее начальство, ссылаясь на непризнаніе герольдіей тѣхъ или другихъ дворянъ, состоящихъ на службѣ, стало отказывать въ повышеніи ихъ чинами. Затѣмъ сенатъ не захотѣлъ производить въ чины лицъ, служащихъ по дворянскимъ выборамъ депутатами и въ генеральномъ судѣ; въ указахъ 1804 и 1805 г. г. онъ разъяснялъ, что служба эта не можетъ быть принята за дѣйствительную, а между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ, въ 1800—1801 г., онъ не отказывалъ въ производствѣ ни депутатамъ, ни чинамъ генеральнаго суда. Черниговское дворянство поручило было своему маршалу ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ Куракинымъ, дабы онъ не оставилъ употребить свое милосердное посредство къ награжденію дворянскихъ избранниковъ чинами, но вышло ли что-нибудь изъ этого ходатайства,—не знаемъ [3]). Дворянству вскорѣ пришлось убѣдиться, что опасенія, вызванныя дѣйствіями герольдіи, далеко не безосновательны. Оказалось, что неблагопріятныя для нѣкоторыхъ дворянъ рѣшенія герольдіи были результатомъ не случая, а принципа, мало по малу установившагося въ высшихъ сферахъ. А принципъ этотъ состоялъ въ томъ, что чины малороссійскихъ сотенныхъ и полковыхъ старшинъ не могутъ быть признаваемы доказательствомъ дворянства, даже въ томъ случаѣ, если ихъ носители получили при отставкѣ табель-

[1]) Книга о дворян., л. 270.

[2]) Ibid., л. 194 и Собр. рѣдк., стр. 448.

[3]) Книга о дворян., л. 248.

ные офицерскіе чины. Впервые герольдіей принципъ этотъ былъ высказанъ около 1805 г. и съ этихъ именно поръ начались повальные отказы въ признаніи дворянскихъ правъ за лицами, доказывающими свое дворянство по чинамъ прежней малороссійской службы. Въ 1805 г. черниговское дворянское собраніе признало въ дворянскомъ достоинствѣ записанныхъ по ревизіи между козаками сотеннаго канцеляриста Тимоѳея и братьевъ его Зиновія и Ивана Бачинскихъ. Герольдія отказалась признать за Бачинскими право на дворянское достоинство на томъ основаніи, что „въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ постановленій нѣтъ, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ офицерами служили и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“ [1]). Въ 1807 году она не захотѣла внесть въ родословную книгу, „въ число тѣхъ, которые по служенію ихъ въ арміи офицерами пріобрѣли право на военное дворянство“, нѣжинскаго повѣтоваго казначея Павловскаго и частнаго пристава черниговской полиціи Малахова, признанныхъ черниговскимъ собраніемъ, ибо первый изъ нихъ получилъ чинъ прапорщика въ отставку, а отецъ Малахова изъ войсковыхъ товарищей получилъ чинъ поручика тоже въ отставку, стало быть, по 92 пункту дворянской грамоты, ни тотъ, ни другой не могутъ быть признаны за потомственныхъ дворянъ, а только за личныхъ [2]). Въ томъ же 1807 году общее собраніе Сената разсматривало доказательства на дворянство, представленныя поручикомъ Никитою Ординскимъ. Кіевское депутатское собраніе внесло отца Никиты, сотничьяго сына Василія Орду, во 2-ю часть родословной книги по свидѣтельству 13 благородныхъ, что прадѣдъ его, Петръ Орда, былъ во 2-мъ компанейскомъ полку обознымъ, дѣдъ полковымъ хорунжимъ, отецъ сотникомъ, а потомъ рукоположенъ во священника. Въ видѣ доказательства въ собраніе представлена была, кромѣ того, копія съ купчей крѣпости, данной дѣду Василія Орды, полковому хорунжему Андрею Ордѣ отъ козака Дзюбы на проданный млинокъ. Сенатъ не на-

[1]). Книга о дворянахъ, л. 249.

[2]) Ibid., л. 195.

шелъ этихъ доказательствъ достаточными къ признанію Орды въ дворянствѣ, ибо „въ оныхъ нигдѣ не явствуетъ, чтобы предки его служили въ армейскихъ полкахъ въ такихъ чинахъ, къ коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство“. Грамоту у Орды приказано было отобрать, а дворянскимъ собраніямъ кіевской и полтавской губерніи подтверждено, чтобы они „по таковымъ доказательствамъ, каковыя отъ Василія Орды представлены, въ дворянскомъ достоинствѣ не признавали, въ родословную книгу не вносили, грамотъ и свидѣтельствъ не выдавали“ [1]). Въ 1809 году герольдія отказала въ дворянствѣ Ярмаковымъ, которыхъ черниговское дворянское собраніе внесло во 2-ю часть родословной книги. Собраніе признало доказательствами дворянства Ярмаковыхъ: паспортъ, данный Ивану Ярмакову, въ коемъ онъ названъ значковымъ товарищемъ Прилуцкаго полка; патентъ Ѳедора Ярмакова на пожалованный ему изъ войсковыхъ товарищей чинъ поручика, и свидѣтельство 12 штабъ и оберъ офицеровъ, удостовѣряющее, что Ярмаковы изъ предковъ шляхтичи, что ихъ отецъ и дѣдъ были значковыми товарищами, а прадѣдъ—войсковымъ. Въ герольдіи предки Ярмаковыхъ не были признаны, ибо герольдія „не нашла узаконеній, чтобъ значковые и войсковые товарищи состояли наравнѣ съ служащими въ дѣйствительной военной службѣ офицерами, коимъ только дворянскою грамотою предоставлено право военнаго дворянства“ [2]). Ту же участь пришлось претерпѣть и многимъ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, коихъ предки были въ Малороссіи полковыми обозными, хорунжими, асаулами, войсковыми товарищами и сотниками. Герольдія не соглашалась признать ихъ дворянами на томъ основаніи, что „чины сіи по неположенію ихъ въ табели о рангахъ не могутъ приносить потомству дворянскаго достоинства [3]).

Герольдія стала смотрѣть на доказательство малороссійскихъ дворянъ съ чисто формальной точки зрѣнія: разъ въ законѣ нѣтъ

---

[1]) Чт. Общ. истор. и др. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 133.

[2]) Кн. о дворян., л. 179.

[3]) Ibid, л. 278.

положенія, чтобы члены малороссійской службы давали дворянство,—нѣтъ и основаній къ признанію за носителями этихъ чиновъ дворянскихъ правъ. И съ этой формальной точки зрѣнія герольдія была совершенно права: малороссійскіе чины точно „не были положены въ табели о рангахъ", а въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ дѣйствительно не было „положенія, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ служили офицерами и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ". Правда, при преобразованіи козачьихъ полковъ многіе козацкіе старшины произведены были въ табельные офицерскіе чины, но точныхъ правилъ, какіе малороссійскіе чины какимъ соотвѣтствуютъ табельнымъ чинамъ, установлено не было. Военная коллегія представила было императрицѣ Екатеринѣ II списокъ малороссійскихъ чиновъ и испрашивала ея разрѣшенія, какими чинами и съ какимъ старшинствомъ опредѣлять ихъ въ регулярную службу, но не получила никакой резолюціи, а потому и производство того или другаго лица въ табельный чинъ обусловливалось не столько его малороссійскимъ чиномъ, сколько личными заслугами: одинъ, напр., сотникъ, во вниманіе къ 16-лѣтней службѣ, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, другіе такіе же сотники попали въ титулярные совѣтники, а третьи—въ губернскіе секретари. До нѣкоторой степени права была герольдія и тогда, когда отказывала въ дворянствѣ тѣмъ изъ малороссійскихъ старшинъ, кои получили табельные офицерскіе чины: толкованіе къ 19 ст. 92 пункта дворянской грамоты гласило, что „недѣйствительно въ военной службѣ служащихъ, но равные чины имѣющихъ почитать надлежитъ за имѣющихъ лишь личное дворянство, но не наслѣдственное", а дѣйствительной военной службой была, по мнѣнію герольдіи, только служба въ регулярныхъ россійскихъ полкахъ.

Такова была точка зрѣнія герольдіи, основанная на буквальномъ пониманіи закона. Она была діаметрально противоположна тѣмъ взглядамъ, какіе прочно установились въ практикѣ малороссійскихъ дворянскихъ собраній. Чины малороссійской службы считались здѣсь неоспоримыми доказательствами благородства, и

въ вопросѣ о признаніи за ихъ носителями дворянскихъ правъ не возникало сомнѣній въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтней дѣятельности депутатскихъ коммиссій и дворянскихъ собраній. И въ самомъ дѣлѣ, какъ было отказать въ дворянствѣ какому-нибудь сотнику или войсковому товарищу, хотя бы и простонародпаго происхожденія, если этотъ сотникъ или войсковой товарищъ предъявляли патенты на табельные офицерскіе чины, полученные ими при реформѣ козацкихъ полковъ? Вѣдь и по табели о рангахъ и по дворянской грамотѣ офицерскій чинъ является несомнѣннымъ доказательствомъ дворянскаго достоинства. Соображеніе о томъ, что офицерскій чинъ, полученный не на дѣйствительной военной службѣ, не приноситъ дворянства, не приходило да и не могло придти въ голову дворянскимъ депутатамъ уже потому, что въ Малороссіи всякая служба считалась войсковою, военною; сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно была военная, не позволяли раны, полученныя многими, жившими еще на свѣтѣ, участниками послѣдней турецкой войны. Правда, были въ Малороссіи лица, получившія козацкіе, а затѣмъ и табельные чины внѣ службы, за одно занятіе „шинковымъ промысломъ“, но вѣдь не на нихъ же однихъ обрушивались и перуны герольдіи. Что касается тѣхъ малороссійскихъ старшинъ, которые не получили табельныхъ чиновъ, то и ихъ причисленіе къ дворянскому сословію казалось депутатамъ вполнѣ законнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если старшины, попавшіе въ карабинерные полки и переименованные въ табельные чины, пользовались дворянскими правами, то можно ли было не признавать тѣхъ же правъ за такими же старшинами, не пожелавшими или не успѣвшими почему-либо попасть въ табельные чины и оставшимися поэтому при прежнихъ козацкихъ чинахъ? Чѣмъ хуже былъ сотникъ, вышедшій въ абшидъ до реформы, по сравненію съ тѣмъ сотникомъ, который при реформѣ былъ выпущенъ въ отставку съ чиномъ ротмистра? Принципъ, провозглашенный герольдіей, наносилъ тяжелый ударъ огромному большинству малороссійскаго дворянства, не имѣвшему другихъ доказательствъ благородства, кромѣ своей и предковъ своихъ службы въ козацкихъ старшинскихъ чинахъ. Дѣйствія герольдіи грозили закрыть

этому большинству двери дворянскаго собранія, лишить его права владѣнія крѣпостными людьми, ограничить права по государственной службѣ и воспитанію дѣтей. Дѣло шло не только объ удовлетвореніи тщеславія, но и о существенныхъ, матеріальныхъ интересахъ многихъ тысячъ лицъ, привыкшихъ къ привилегированному положенію. Понятно, что большинство малорусскаго дворянства было глубоко возмущено дѣйствіями герольдіи. Въ отрицаніи благородства малороссійскихъ чиновъ дворяне видѣли не только нарушенія своихъ личныхъ интересовъ, но и оскорбленіе своего патріотическаго чувства. Не признавая малороссійскихъ чиновъ, герольдія, по мнѣнію дворянства, наносила глубокое оскорбленіе памяти вождей „націи“ и ни во что ставила ихъ доблестные подвиги передъ родиной и престоломъ. Негодованіе среди дворянства было общее. Оно высказывалось и въ письмахъ и въ разговорахъ, въ особенности среди „патріотовъ“, которыхъ въ то время было не мало. „Безпристрастное къ отечеству поревнованіе, а паче и униженіе нашихъ отечественныхъ чиновъ, то и безгласнаго поощряетъ быть гласнымъ, а потому и заставляетъ пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду!“—восклицаетъ одинъ изъ „патріотовъ, Т. Калинскій, въ письмѣ къ полтавскому маршалу Милорадовичу. „Пылая къ отечеству любовію, не могъ удержаться отъ плодорѣчивости, и чѣмъ бы только можно пособить, то все изыскивалъ и изыскивать буду для общей пользы и славу своего передъ цѣлымъ свѣтомъ заслуженнаго народа до послѣднихъ силъ моихъ защищать не престану“. „Радъ умереть, защищая общія наши преимущества и свободу!“ [1]).

Другой патріотъ, В. Г. Полетика, въ запискѣ, предназначенной для свѣдѣнія дворянства, прямо таки упрекалъ правительство въ неблагодарности: „Славны и похвальны предводившіе малороссійское воинство и унижаемые теперь герольдіей до такой степени малороссійскіе чиновники были тогда, когда съ неустрашимостью восходили на смоленскія, азовскія и кизикерменскія стѣны, когда предъ лицомъ государей и славныхъ рос-

[1]) Книга о дворянахъ, л. 236.

сійскихъ вождевъ храбро побѣждали и уводили въ плѣнъ турковъ, татаръ, персіянъ, поляковъ и шведовъ. Великодушіе и мужество перешли въ благородное потомство ихъ, отличающееся и теперь неимовѣрной храбростію въ рядахъ россійскаго воинства, и остались, такъ сказать, наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ. И малороссійское дворянство, присоединившееся добровольно къ россіянамъ, какъ къ единороднымъ и единовѣрнымъ братьямъ своимъ, и служившее купно съ ними такъ вѣрно и такъ долго престолу и отечеству, могло ли ожидать за свои воинскія доблести, заслуги, оказанныя имъ и запечатлѣнныя кровью, столь обиднаго для себя уничиженія?!“ [1]). Въ порывѣ раздраженія „патріоты“ даже въ оффиціальныхъ бумагахъ старались не только отстоять права малороссійскаго дворянства, но и доказать его превосходство надъ великороссійскимъ. По мнѣнію, напр., того же Калинскаго, высказанному имъ въ запискѣ, представленной черниговскому дворянскому собранію, великорусскіе дворяне не только не могутъ идти въ сравненіе съ малороссійскими шляхетствомъ и чиновниками, но и съ простыми козаками: въ древней Великороссіи „дворяне изъ черни ко дворамъ царскимъ набирались, какъ о семъ въ книгѣ „Краткое начертаніе римскаго и россійскаго чиноположенія“ напечатано; козаки компутовые или списковые, т. е. регистровые, какъ и самые владѣльцы, въ ихъ имѣніяхъ, по ихъ правамъ, привилегіямъ и грамотамъ, больше у себя собственности ихъ заключали, нежели древніе въ Россіи помѣщики, которыхъ государи испомѣщали и верстали помѣстнымъ окладомъ и доходомъ, какъ они у себя осѣдлости собственной земляной не имѣли, ибо въ Россіи помѣстье обозначало казенную землю и по смерти у служивыхъ отбиралось въ казну, а козакамъ земли и хутора по договорнымъ гетманскимъ грамотамъ оставлены и по смерти ихъ женамъ и наслѣдникамъ, да и никакихъ податей и полицейскихъ повинностей въ Малой Россіи выборные козаки не несли и никуда не употреблялись по ихъ службѣ, даже и постоевъ не имѣли, какъ нынѣ дворянскіе по деревнямъ домы отъ постою освобождены“ [2]).

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. 300.

[2]) Книга о двор., 149—150.

Возгласы патріотическаго негодованія нисколько, однако, не вліяли на дѣйствія герольдіи уже потому, что не долетали до кіевскихъ береговъ. Положеніе дѣлъ было таково, что огромному большинству малороссійскаго дворянства грозило разжалованье въ разрядъ разночинцевъ, а при такихъ условіяхъ ограничиваться одними возгласами и ждать перемѣны вѣтра было невозможно. Приходилось, во что бы то ни стало, отстаивать свои дворянскія права, хлопотать, жаловаться, доказывать. Само собою понятно, что тѣ лица, которыя умѣли въ столь трудное время найти подходящіе аргументы противъ дѣйствій герольдіи, должны были получить громадное значеніе среди дворянства. Такое значеніе доставалось на долю „патріотовъ", людей по своему времени очень интеллигентныхъ, интересовавшихся и мѣстной исторіей, и мѣстнымъ правомъ. На нихъ съ надеждой устремляются взоры благороднаго сословія, у нихъ ищутъ защиты и спасенія. И патріоты не обманули общихъ ожиданій. Они обращаются къ памятникамъ малорусской старины, изучаютъ лѣтописи, Статутъ, конституціи и гетманскія статьи, роются въ казенныхъ и фамильныхъ архивахъ, не только мѣстныхъ, но и столичныхъ. Они разыскиваютъ документы, касающіеся служебнаго положенія и владѣльческихъ правъ малороссійскихъ старшинъ, классифицируютъ добытыя свѣдѣнія по отдѣламъ, сравниваютъ ихъ между собою и такимъ образомъ дѣлаютъ выводы касательно правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ тѣмъ или другимъ старшинскимъ чиномъ. Въ этомъ отношеніи патріоты, можно сказать, предвосхитили идею Погодина, и ихъ историческій методъ ничуть не хуже метода покойнаго московскаго профессора. Для вящшаго подкрѣпленія своихъ аргументовъ защитники малорусскаго дворянства не ограничиваются узкимъ кругомъ мѣстныхъ документовъ и историческихъ памятниковъ: они изучали все, что можно было въ то время достать по исторіи не только русскаго, но и иноплеменнаго дворянства [1]), разыски-

[1]) До насъ дошелъ цѣлый рядъ сдѣланныхъ въ то время выписокъ изъ разныхъ авторовъ „о чинахъ турецкихъ", имѣвшихъ, вѣроятно, цѣлью доказать благородство тѣхъ претендентовъ на дворянское достоинство, кои выводили свои роды отъ турокъ и татаръ. Въ „Книгѣ о дворянахъ" эти выписки составляютъ цѣлую тетрадь.

вали Высочайшіе и сенатскіе указы, распоряженія, касающіяся слободско-украинскихъ полковъ и чиновъ войска донскаго, императорскіе рескрипты, письма важныхъ сановниковъ, словомъ—все, что только могло имѣть хотя самое отдаленное отношеніе къ интересовавшему дворянство вопросу. Результатомъ этихъ изученій явились „записки“ и „мнѣнія“, имѣвшія цѣлью доказать неоспоримость дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства. На почвѣ дворянскаго вопроса между патріотами завязывается дѣятельная переписка, для общей пользы“ [1]); люди, живущіе въ разныхъ концахъ Малороссіи, вступаютъ другъ съ другомъ въ заочныя знакомства, обмѣниваются „мнѣніями“, книгами, рукописями. Изъ среды дворянства выдвигаются личности Чепы, Чарныша, В. Полетики, Милорадовича, Калинскаго, Марковича, какъ добрыхъ патріотовъ и ревностныхъ защитниковъ дворянскихъ интересовъ. Все это люди, воспитавшіе свой патріотизмъ на изученіи прошлой жизни Малороссіи, усердно собирающіе лѣтописи о Малой Россіи и всевозможные документы, относящіеся къ исторіи края. На свои занятія дворянскимъ вопросомъ они смотрятъ, какъ на подвигъ, предпринятый во славу отечества. Марковичъ пишетъ свою записку о малороссійскомъ дворянствѣ „отъ усердія къ своимъ соотчичамъ“ [2]), Калинскій—отъ „безпристрастнаго къ отечеству поревнованія“ [3]) Чепа—„по усердію и любви къ націи“. „Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества!—восклицаетъ В. Полетика въ письмѣ къ А. Чепѣ—собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нуждѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества“ [4]).

Къ своему сословному дѣлу ревнители дворянскихъ интересовъ сумѣли привлечь симпатіи главныхъ представителей центральнаго правительства въ краѣ,—сперва Куракина, а потомъ

---

[1]) Въ „книгѣ о дворянахъ“ собраніе писемъ Калинскаго къ Милорадовичу носитъ заглавіе „Переписка между патріотами сего края для общей пользы“.

[2]) Кн. о дворян., л. 137.

[3]) Кн. о дворян., л. 236.

[4]) „Кіев. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 56.

Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Куракина успѣлъ заинтересовать дворянскимъ дѣломъ генеральный судья Р. И. Марковичъ. Сперва онъ „докладывалъ лично“ о дѣйствіяхъ герольдіи, а затѣмъ, по порученію генералъ-губернатора, представилъ ему уже цѣлую записку, посвященную защитѣ дворянскихъ интересовъ. Записку свою Марковичъ назвалъ „Замѣчаніями о правахъ малороссійскаго дворянства“. Въ основаніе своихъ „Замѣчаній“ Марковичъ положилъ „рѣшительные пункты“ 1728 года, мнѣніе иностранной коллегіи объ уравненіи чиновъ 1733 г. и табель малоросс. чиновъ, составленную при Разумовскомъ. Цѣль автора—доказать, что малоросс. козацкіе чины ни чуть не ниже табельныхъ, а потому и не могутъ быть отвергаемы въ качествѣ доказательствъ дворянства. По мнѣнію Марковича, сотникъ ни чуть не меньше офицера: онъ предсѣдательствовалъ въ сотенномъ судѣ, вѣдавшемъ гражданскія и уголовныя дѣла и признанномъ самимъ государемъ за „судъ формальный“, къ тому сотникъ имѣлъ и военную полную въ сотнѣ своей команду?“. Какъ же занимать такой отвѣтственный постъ не офицеру? Войсковые товарищи „составляли сословіе и орденъ рыцарства“ и считались выше сотниковъ, какъ это видно изъ табели 1756 г. Что касается до генеральныхъ старшинъ и полковниковъ, то по „разрѣшительнымъ пунктамъ“ ихъ велѣно было выбирать изъ знатныхъ людей, а утверждать въ сихъ чинахъ предоставлено высочайшей особѣ. „Само слово „знатныхъ“ и образъ утвержденія довольно изъявляютъ не маловажное оныхъ чиновъ обозначеніе. Великая Екатерина при отставкѣ малороссійскихъ полковниковъ, Забѣлу и Миклашевскаго повышая чинами, на докладъ, что имъ предлежитъ еще линія въ армейскіе полковники, сказавъ: „полковникъ единожды уже здѣланъ полковникомъ“, соизволила пожаловать ихъ въ бригадиры. Что принадлежитъ до полковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ полковникомъ присутствуя, составляли полковую канцелярію, управлявшую всѣми дѣлами, каковая нынѣ въ губернскомъ правленіи, и при томъ особенно полковой апелляціонный, а за открытіемъ въ 1763 году повѣтовыхъ судовъ—городокой уголовный судъ, то оные дѣйствительно были малороссійскіе штабъ-офицеры, ибо

имѣли команду не въ сотнѣ, но въ цѣломъ полку. Сихъ старшинъ, равно какъ и сотниковъ, государь велѣлъ за выборомъ утверждать гетману универсалами не на время, а на всегда и писать о ихъ достоинствѣ государю. Симъ образомъ произведенные чиновники могутъ ли быть ничего не значащими потому только, что не именованы ни капитанами, ни прапорщиками? Счетъ чиновниковъ въ классахъ, кажется, долженъ быть по качеству и по мѣрѣ власти, а оную малороссійскіе старшины не только имѣли въ войскѣ не менѣе регулярныхъ офицеровъ, но еще сугубо, потому что они вмѣстѣ были и военные, и гражданскіе судіи, при томъ не въ дикой какой либо землѣ, но въ Малой Россіи, имѣвшей нѣкогда честь вмѣщать въ себѣ даже столицу всего государства, да и по сіе время между областями имперіи удостаиваемой втораго мѣста, ибо въ титулѣ государевомъ послѣ Великой Россіи непосредственно слѣдуетъ Малая, а потомъ Бѣлая Россіи". Приведя мнѣніе иностранной коллегіи 1733 г., соглашавшейся уравнять малороссійскихъ старшинъ съ офицерами, Марковичъ удивляется, почему же теперь эти же самые старшины признаются не стоющими того. „Правда, оно (мнѣніе) не конфирмовано, но сему есть причина, что гетманъ не доволенъ былъ сравненіемъ нѣкоторыхъ чиновъ, а паче воображая великую свою власть въ правительствѣ и право раздачи маетностей, мнилъ себя быть выше второго класса и потому конфирмаціи не домогался, однако жъ важность подписавшихся на мнѣніи особъ-канцлера и протчихъ—не ужели не стоитъ уваженія?". Для вящшей убѣдительности своихъ доводовъ Марковичъ указывалъ и на малороссійскую практику временъ Румянцева и послѣдующихъ. „За всѣмъ тѣмъ можно, кажется, уважить и то, что при открытіи въ Малой Россіи въ 1782 году намѣстничествъ выбраны подъ личнымъ надзоромъ графа Петра Александровича да и послѣ выбираемы были всегда чиновники малороссійскіе въ должности, служившимъ въ офицерахъ назначенныя,—императрица самоизволила принять то за благо".

Записку свою Марковичъ заканчаваетъ риторическимъ воззваніемъ къ особѣ генералъ-губернатора. „Сіятельнѣйшій князь! Между многочисленными благодѣяніями, отъ васъ Малороссіи

оказанными и оказываемыми, видно судьба предоставила имени вашему въ семъ случаѣ сдѣлать сей землѣ помощь, чтобы чины ея возстановить изъ уничиженія. Я совершенно знаю, что весьма многіе и не безизвѣстные помѣщики на чинахъ предковъ основываютъ свое дворянство, тѣмъ болѣе, что древніе о томъ документы хотя у кого и были, истреблены пожарами и революціями, за польское владѣніе бывшими. Я отъ избытка моего усердія къ своимъ соотчичамъ слишковъ уже распространился, но я знаю, предъ кѣмъ предстою и кому говорю. Говорю къ начальнику, отечески ко ввѣренному краю расположенному и безъ всякой скуки, съ удодольствіемъ, доброхотно, благосердо, что все полезно выслушивающему"...

Записка Марковича была своевременно доставлена по адресу, но „какое возъимѣла дѣйствіе—не извѣстно", отмѣчаетъ современникъ. Мы можемъ сказать положительно, что дѣйствія она не произвела никакого. Предвидѣніе Марковича оказалось вздоромъ: судьба не захотѣла предоставить имени князя Куракина возстановить малороссійскіе чины изъ уничиженія...

Само собою понятно, что изо всѣхъ доказательствъ о равенствѣ малороссійскихъ чиновъ съ табельными наибольшее значеніе въ глазахъ центральнаго правительства могло имѣть „мнѣніе" иностранной коллегіи 1733 г., какъ подписанное высшими сановниками государства. „Мнѣніе" это и самими патріотами почиталось краеугольнымъ камнемъ ихъ домогательствъ, на прочность коего возлагались великія надежды. Тѣмъ не менѣе этотъ важный документъ имѣлъ и свои нежелательныя стороны: въ „мнѣніи", наприм., не было упомянуто о войсковыхъ товарищахъ, сотенные старшины сравнены были съ унтеръ-офицерами, козаки—съ солдатами, и даже о самихъ сотникахъ не рѣшено опредѣленно, дать ли имъ рангъ подпоручика и прапорщика. Словомъ, если бы дворянство, ходатайствуя объ отмѣнѣ заключеній герольдіи, сослалось на мнѣніе 1733 года, а правительство дѣйствительно захотѣло руководствоваться этимъ мнѣніемъ при разборѣ правъ малороссійскаго дворянства, то многіе изъ малороссійскихъ чиновниковъ оказались бы совсѣмъ не чиновниками, а другіе получили бы ранги, не дающіе правъ на

дворянство. А дворянами хотѣлось быть всѣмъ безъ исключенія лицамъ, занимавшимъ какой-нибудь старшинскій урядъ въ старой гетманщинѣ, равно какъ и ихъ потомкамъ. На основаніи мнѣнія 1733 года малороссійскіе чины „не могли ожидать соразмѣрнаго уравненія съ великороссійскими". Для нихъ гораздо желательнѣе была ссылка на табель 1756 года; она вѣдь тоже была подносима на высочайшую аппробацію и съ точки зрѣнія дворянства представляла не менѣе важности, нежели само мнѣніе иностранной коллегіи. Разъяснять значеніе этого документа взялъ на себя депутатъ черниговскаго дворянства Т. Калинскій. Въ 1805 г. онъ представилъ дворянскому собранію свое „мнѣніе о малороссійскихъ чинахъ и о ихъ преимуществѣ, а равно и о разборѣ ихъ доказательствъ о дворянствѣ по службѣ и чинамъ ихъ для внесенія въ родословную дворянскую книгу и въ какую именно оной часть".

Съ точки зрѣнія Калинскаго, малороссійское дворянство обязано вступить въ открытую борьбу съ герольдіей: онъ предлагалъ просить центральное правительство объ изданіи особаго повелѣнія объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г., пока же не послѣдуетъ высочайшаго утвержденія о чинахъ малороссійскихъ, то по нимъ признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ, безъ другихъ доказательствъ, въ родословную книгу вносить сумнительно".

Калинскій обнаруживаетъ широкую эрудицію въ трактуемомъ имъ вопросѣ. Онъ пользуется и гетманскими статьями, и конституціями, и Статутомъ, и разными сенатскими указами. Ему хорошо извѣстенъ и черниговскій архивъ бывшей малороссійской коллегіи, къ которому онъ и обращается въ случаяхъ потребныхъ. Онъ ссылается на „мнѣніе" министра юстиціи Державина и на печатные труды Болтина, Третьяковскаго, Миллера, на „Синопсисъ", на какое-то „Краткое чиноположеніе Римской и Россійской имперіи", на „Исторію польскаго правительства, напечатанную въ С.-Петербургѣ 1760 году" и т. д. Тѣмъ не менѣе своею эрудиціею Калинскій не всегда умѣлъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, и нерѣдко „залеталъ за хмары". Добрая половина его записки „посвящена критикѣ мнѣнія иностранной

коллегіи 1733 г. и разъясненію значенія для дворянства табели Разумовскаго: по словамъ автора записки, малороссійскіе чиновники всегда были уравниваемы съ великорусскими лучше, чѣмъ въ мнѣніи 1733 г. Многіе, напр., полковники (Стародубовскій, Миклашевскій) еще въ изданіи табели о рангахъ имѣли чины стольниковъ, „который чинъ былъ по тогдашнему 4-го класса". Въ 1701 и 1702 г. г. малороссійскихъ полковниковъ, бывшихъ въ Лифляндіи, Петръ Великій велѣлъ „наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаульнаго воеводы, полковниковъ компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ—противъ подполковниковъ, сотниковъ—противъ капитановъ, прочую жъ старшину—соотвѣтственно тому. При учрежденіи малороссійской коллегіи въ 1764 году „генеральной старшинѣ даны великороссійскіе чины гораздо съ повышеніемъ и одобреніемъ малороссійскихъ чиновъ въ уравненіи съ великороссійскими, нежели какъ въ мнѣніи 1733 года написано". При реформѣ козацкихъ полковъ Румянцевъ „переименовывалъ почти всѣхъ бунчуковыхъ товарищей и полковыхъ старшинъ въ штабъ, а войсковыхъ и значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, мало чѣмъ не соотвѣтственно табели 1756 г., награждалъ оберъ-офицерскими чинами", такъ что безъ переименованія остались только куренные и сельскіе атаманы и городничіе, коихъ чины по табели 1756 года поставлены во II классѣ по генеральномъ обозномъ, а генеральный обозный имѣлъ при Румянцевѣ генералъ-маіорскій чинъ. Малороссійскіе полковники Забѣла и Миклашевскій выпущены въ отставку бригадирами, а при Петрѣ Великомъ Танскій и Жураховскій пожалованы въ полковники по высочайшимъ грамотамъ. Что касается нижнихъ чиновъ козацкой іерархіи, то и они уравнивались съ великорусскими безобиднѣе, чѣмъ въ мнѣніи 1733 года: возныхъ, напр., и сотенныхъ писарей Румянцевъ выпускалъ въ отставку полковыми писарями, многіе изъ нихъ переименованы секундъ-маіорами и коллежскими ассесорами, а между тѣмъ въ „мнѣніи" 1733 года объ этихъ чинахъ не упомянуто ни словомъ. Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто и о войсковыхъ канцеляристахъ, а между тѣмъ по табели 1756 г. они считались выше сотниковъ; изъ предложенія президента генеральной канцеляріи А. Румян-

цева отъ 16 декабря 1738 года видно, что по коммиссіямъ они находились всегда въ равенствѣ съ капитанами, а въ Екатерининское и послѣдующее время сенатъ производилъ ихъ въ титулярные совѣтники, какъ напр.—Чернацкаго въ 1801 г.

Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто не только значковыхъ, но и войсковыхъ товарищей, а между тѣмъ они ничуть не ниже оберъ-офицеровъ, ибо по именному повелѣнію 1733 года ихъ велѣно опредѣлять изъ дѣтей генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и заслуженныхъ людей; они присутствовали въ полковой канцеляріи, въ походахъ занимали мѣста сотниковъ, а по земству выбирались въ подсудки, которыхъ сенатъ производилъ въ коллежскіе ассесоры, какъ напр.—Грищенка. О сотенной старшинѣ Калинскій думалъ, что и она должна считаться въ офицерскомъ рангѣ: это тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, справедливо, что даже относительно старшинъ Донского войска былъ указъ (въ 1775 году на имя Оренбургскаго губернатора Френздорфа), чтобы съ ними поступать, какъ съ оберъ-офицерами. Вообще Калинскій очень высокаго мнѣнія о малороссійскихъ чинахъ и думаетъ, что всѣхъ дворянъ, доказывающихъ свое благородство малороссійскими чинами, слѣдуетъ вносить въ 6 часть дворянской книги, въ число тѣхъ древнихъ родовъ, благородное начало коихъ покрыто неизвѣстностью; демократическія вторая и третья части—не для малороссійскаго дворянства, а для тѣхъ parvenus, которые выслужились въ армейскихъ полкахъ или канцеляріяхъ. Калинскій возмущался до глубины души тѣмъ обстоятельствомъ, что въ мнѣніи 1733 года козакъ приравненъ къ рядовому солдату. „Козакъ имѣлъ въ семъ краю отъ россійскихъ государей, польскихъ королей и литовскихъ князей утвержденный чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій, въ коемъ онъ титуловался и призчавался, а потому во всякихъ случахъ и въ выборахъ, даже и въ избраніи самихъ гетмановъ имѣлъ онъ голосъ и потому всякій заслуженный козакъ былъ въ выборахъ на какую либо старшину или какой урядъ, такожь и къ полученію шляхетскаго имѣнія право имѣлъ, а кто въ Малой Россіи хотя бы изъ шляхетства былъ, но въ войскѣ запорожскомъ не служилъ, яко сего края въ сословіи дворянскомъ, то тотъ не имѣлъ сего преиму-

щества и для того то въ компутѣ или спискѣ 1751 года, въ черниговскомъ губернскомъ архивѣ нынѣ хранящемся, и знатнѣйшія фамиліи не изъ шляхетскаго достоинства, а изъ козачьяго званія написаны, яко то Борковскіе, Лизогубы и прочія симъ подобныя фамиліи, а по сему стало быть, что знатный козакъ, какъ въ грамотѣ дворянской, по 91 статьѣ написано, имѣлъ дѣйствительно верстанье по дворянской службѣ и при томъ была его благородная жизнь и отправленіе его службы было сходственное съ дворянскимъ названіемъ.. словомъ, владѣлъ и пользовался онъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ уже помѣщики пользуются". „Въ Малой Россіи есть и теперь много такихъ козаковъ, которые дѣйствительно изъ польскаго шляхетства, а въ Зборовскихъ пунктахъ заключено, чтобъ козаки не инако въ Польшѣ признавались, какъ и самое шляхетство, тѣ самые, которыхъ гетманъ въ компутѣ своего регимента будетъ имѣть, а потому то и до поддачи Хмельницкаго, а за владѣніе польское бѣдные шляхтичи уже именовались земляпами, для того что изъ одной земли служили, а людей за собой не имѣли, которые за гетмановъ малороссійскихъ стали уже называться козаками, и таковыхъ въ Польшѣ и Бѣлороссіи столь много есть, что даже цѣлыми селеніями или околицами живутъ, а особливо Овруцкій и Луцкій почти весь повѣтъ изъ нихъ состоитъ; однако какъ ни велико оныхъ тамо число, но только изъ нихъ рекрутчины и государственныхъ податей и общественныхъ повинностей никто не несетъ, хотя и чиновъ они не имѣютъ, а напротиву того малороссійскіе полковые и сотенные старшины обложены окладомъ и изъ онаго не изъемлются да и рекрутскія повинности несутъ и всѣ вообще подати плотятъ"... „Бѣдственное положеніе" козацкихъ старшинъ, попавшихъ въ окладъ, вызываетъ у Калинскаго рядъ восклицаній соболѣзнованія и укоризны.

Если козачество съ точки зрѣнія Калинскаго было „чиномъ рыцарскимъ и станомъ шляхетскимъ", то и козацкіе начальники, предводительствовавшіе этимъ малороссійскимъ рыцарствомъ, должны были имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ офицеры регулярныхъ полковъ. Сотниковъ Калинскій приравнивалъ къ великорусскимъ воеводамъ, а сотенную старшину—къ воевод-

скимъ товарищамъ. Гетманъ—не только генералъ-фельдмаршалъ, но „какъ бы какой владѣтельный принцъ, и имя гетмановъ какъ существуетъ, то болѣе тысячи лѣтъ будетъ: гетманы Дулебъ и Вятко на свои имена цѣлыя области имѣли и къ коронѣ ближае другихъ были“; что гетманскій санъ очень высокъ,—доказывается уже тѣмъ, что Потемкинъ послѣ всѣхъ чиновъ и отличій былъ пожалованъ въ великіе гетманы. Генеральный бунчужный, по мнѣнію Калинскаго, „тоже значилъ, что въ Россіи передовой воевода, т. е. генералъ-поручицкаго чина“. Войсковые канцеляристы—это тоже, что въ Россіи авдиторы или и того больше—военные секретари. Генеральная старшина—это тѣже русскіе вотчинники и думные бояре, а войсковые товарищи—дѣти боярскіе [1]).

Рѣзкимъ диссонансомъ этому патріотическому самообольщенію звучитъ желчная рѣчь анонимнаго автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“. Патріотизма тутъ нѣтъ и слѣда, да и сама записка писалась не для дворянства, а для властей предержащихъ, а потому и выводы изъ историческихъ справокъ получились другіе. Вопреки патріотамъ, считавшимъ даже рядовыхъ козаковъ за „чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій“, авторъ „Замѣчаній“ оказывалъ, что дворянства, какъ сословія, надѣленнаго особыми, ему одному свойственными, правами и преимуществами, въ гетманской Малороссіи совсѣмъ не было: истинное начало малороссійскаго дворянства—только въ пожалованіи русскихъ государей. Послѣ революціи 1648 г. въ гетманщинѣ остались только самые бѣдные дворяне, но и тѣ поступили въ козаки, а козаки были тѣже мужики.

Учрежденные Хмельницкимъ козачьи начальники „были сначала неграмотные и по подлой природѣ своей—безъ всякаго воспитанія. Отъ времени до времени стали они своихъ дѣтей воспитывать и многіе получа отъ щедротъ россійскихъ государей деревни, а другіе проворствомъ, начальствомъ и хозяйствомъ сами ихъ наживши, зѣлались уже господами такими, какими изгнанные ими ихъ польскіе владѣльцы до того были. Въ позд-

[1]) Книга о дворянахъ, лл. 140—158.

нѣйшія времена россійскіе государи отличали гетмановъ орденами и тѣмъ самымъ сравнивали ихъ съ знатными великороссійскими особами, а полковниковъ и генеральныхъ старшинъ сами стали въ сіи чины жаловать, нѣкоторымъ же и россійское дворянство пожаловали. Вотъ начало малороссійскаго настоящаго дворянства". Само русское правительство до Екатерины II не считало малороссійскихъ старшинъ за дворянъ: оно не хотѣло сравнять козацкіе чины съ табельными и даже при Елисаветѣ запретило принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ. „Россійское правительство знало, что и сами гетманы не что иное были, какъ выбранные самими козаками изъ себя козацкіе начальники, происхожденія большею частію подлаго, и что выдуманные ими самими чины не могли того имѣть сравненія и той степени, какую вездѣ въ Европѣ у коронованныхъ владѣтелей они имѣютъ. Во всѣхъ посылаемыхъ къ гетманамъ отъ россійскихъ государей грамотахъ одно войско Запорожское и ихъ старшины или вообще малороссійскій народъ духовнаго и мірскаго званія упоминался, а о малороссійскомъ шляхетствѣ или дворянствѣ ничего не говорено. Въ такомъ презрительномъ положеніи малороссійскіе чиновники до царствованія Екатерины Великой пребывали. Сія премудрая и человѣколюбивая самодержица осчастливила ихъ дворянскимъ достоинствомъ".

Развѣнчивая малороссійское шляхетство, авторъ „Замѣчаній" подвергалъ безпощадному осужденію и дѣйствія дворянскихъ депутатовъ, обвиняя ихъ въ продажности и злоупотребленіяхъ, результатомъ коихъ явилось непомѣрное перепроизводство дворянскаго сословія. „Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи 100 тысячъ дворянъ нынѣ щитается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ во время Хмельницкаго и сотой доли не было и быть не могло: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ 164 сотни, положа на каждую сотню по 30 такихъ чиновниковъ, которые нынѣ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ почитаются, яко то: сотниковъ, войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, асауловъ, хорунжихъ, обозныхъ полковниковъ, генеральныхъ старшинъ, то выходитъ

около 5 тысячъ, какого числа до 1780 г. не было, а хотя и было, то не всѣ изъ природныхъ малороссіянъ, но многіе изъ жидовъ, волохъ, молдаванъ, поляковъ, татаръ, турокъ, грековъ и цыганъ произошли. Умножа сіе число и въ двое, то только десятая часть противъ теперешняго количества дворянъ выйдетъ, но при законномъ и вѣрномъ переборѣ не уповательно, чтобы и сіе число настоящихъ дворянъ набралось". Для водворенія порядка въ разборѣ малороссійскаго дворянства авторъ „Замѣчаній" требовалъ призванія великороссійскихъ чиновниковъ. „Двадцать уже одинъ годъ проходитъ, какъ разборъ дворянскимъ родамъ продолжается, но и по сіе время оный не конченъ, и по сіе время родословныхъ книгъ нѣтъ. Естьли онъ тѣмъ же порядкомъ и такими же людьми будетъ производимъ, какими нынѣ производится, то онъ и никогда не получитъ конца, и Правительствующій Сенатъ, требующій того, чтобы у неимѣющихъ права владѣть людьми оныхъ отобрать, никогда онаго не дождется. Малороссіяне къ такимъ важнымъ должностямъ и къ прилежному исправленію порученной на нихъ должности еще не созрѣли. Они, по прежней козацкой службѣ, привыкли служить въ своихъ домахъ и заниматься своимъ хозяйствомъ. Отъ сего то происходитъ, что многіе маршалы отказываются жить въ губернскомъ городѣ, а депутаты никогда въ полномъ числѣ въ собраніи не бываютъ и пріѣхавшіе отлучаются по своей волѣ. Для прекращенія таковаго неустройства и для окончанія сего важнаго и для самихъ ихъ полезнаго дѣла нужно сдѣлать изъятіе и на время учредить, на коштъ бывшихъ нерадивыхъ губернскихъ предводителей и депутатовъ, одну особую для разбора цѣлой Малой Россіи коммиссію, въ которой, подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, предсѣдать особо отъ короны опредѣленной особѣ и засѣдать нѣсколькимъ изъ великороссіянъ почетнымъ людямъ, отъ Сената опредѣленнымъ, а при нихъ губернскому предводителю и депутатамъ прежде одной губерніи, изъ такихъ людей выбраннымъ, которыхъ дворянское достоинство природою или знатными чинами сумнѣнію не подвержено. Не меньше нуженъ тутъ секретарь и канцелярскіе служители изъ великороссіянъ же, которые канцелярскій поря-

докъ знаютъ и къ которому малороссіяне и по сю пору не привыкли. Сія Коммиссія должна о поданныхъ польскихъ свидѣтельствахъ въ всѣхъ польскихъ губерній требовать отъ самыхъ тамошнихъ губернаторовъ точныхъ увѣреній, по коимъ откроется, что большая часть ихъ подложны. Всякое окончательное о фамиліи опредѣленіе посылать для утвержденія въ Сенатъ, чѣмъ скорѣе конецъ быть можетъ. Въ случаѣ недостаточныхъ доказательствъ нужно отъ дворянина потребовать дополненія, но когда уже онъ письменно отъ онаго откажется, то рѣшить дѣло такъ, чтобы оно ему было, до утвержденія Сената, закрыто, дабы всякому беззаконію пресѣчь путь". Сверхъ правилъ, означенныхъ въ дворянской грамотѣ, авторъ „Замѣчаній" предлагалъ еще особыя правила спеціально для разбора малороссійскаго дворянства. По его мнѣнію, всѣ малороссійскіе чины, отъ гетмана до сотника, могутъ служить доказательствами дворянскаго достоинства, но только въ томъ случаѣ, если они получены на дѣйствительной службѣ, а не внѣ службы, какъ это не рѣдко случалось, особенно въ Румянцевское время. Затѣмъ, конечно, дворянами должны быть признаны и всѣ тѣ малороссійскіе старшины, которые получили табельные чины, если только они несли дѣйствительную службу. „Всѣ бунчуковые и войсковые товарищи, сотники и полковые старшины, которые не отъ вышепоименованныхъ чиновниковъ произошли, а неслужа изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ и разныхъ ремесленниковъ въ сіи чины поступили, сами и ихъ дѣти, не выслужившіе дворянскихъ чиновъ, не могутъ быть настоящими дворянами, а должны въ числѣ разночинцевъ остаться". „Всѣ не изъ дворянъ, имѣющіе чины коллежскихъ регистраторовъ, секретарей такихъ, которые не служили секретарями, и титулярныхъ совѣтниковъ, должны быть личными дворянами и не пользоваться дворянскимъ правомъ и выгодами". „Всѣ попы, протопопы, діаконы и всѣ духовные, какъ бѣлаго духовенства, такъ и монахи, хотя бы они изъ дворянъ происходили, не могутъ считаться дворянами, а должны быть довольны своимъ званіемъ, ибо быть попомъ и дворяниномъ не вмѣстно и нигдѣ въ Статутѣ попамъ дворянское званіе не дозволено, а напротивъ того, есть запретительные

указы, чтобы попамъ отнюдь не имѣть земель и людей. Всѣ малороссійскіе попы, называющіе себя дворянами, есть бѣглецы изъ козаковъ или чиновниковъ: они, убѣгая службы, тайно постригались въ попы"...[1]).

---

[1]) Чт. Общ. исторіи и древн., 1848, къ I, отд. II, стр. 11—24. Приведенная выдержка изъ „Замѣчаній" заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться. Лица, занимавшіяся судьбой малорусскаго дворянства, ссылаясь на указаніе автора „Замѣчаній", винятъ малороссійскихъ депутатовъ за то, что они пустили въ дворянство цѣлыхъ 100 тысячъ, какъ и за то, что они умышленно тянули составленіе родословныхъ книгъ. Что касается перваго обвиненія, то оно возникло вслѣдствіе умышленной, на нашъ взглядъ, подтасовки фактовъ, допущенной авторомъ „Замѣчаній", очевидно, съ цѣлью „сгустить краски" для произведенія вящшаго эффекта. Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти 100 тысячъ дѣйствительно были признанными дворянами, внесенными въ родословныя книги. Въ составъ этой цифры входила цѣлая масса такъ называемыхъ личныхъ дворянъ: коллежскихъ регистраторовъ, губернскихъ секретарей etc., „Въ то время—разсказываетъ авторъ „Воспоминаній изданныхъ не для публики"—многіе зажиточныя козаки и другіи податныхъ сословій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сына мужичка въ дьячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службы чина коллежскаго регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе такимъ образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже на всегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочеряхъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или менѣе значительнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на правѣ дворянъ („Кіев. Стар." 1895, № 5, стр 232). Какъ много фабриковалось каждогодно такихъ дворянъ,—видно уже изъ того, что въ малороссійскихъ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло по 30—60 канцелярскихъ служителей, попадавшихъ современемъ въ регистраторы и секретари. Всѣ эти лица назывались дворянами, потому что таковыми считалъ ихъ самъ законъ, и депутатскія собранія были тутъ ровно не при чемъ. Въ томъ, что личные дворяне пользовались въ Малороссіи тѣми же правами, какъ и потомственные, депутаты, конечно, не виноваты, ибо слѣдить за тѣмъ, кто имѣетъ, а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было не ихъ дѣло. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что въ то время Малороссія все еще управлялась „слабымъ и конфузнымъ" Статутомъ, который не зналъ раздѣленія шляхетства на потомственное и личное. Порядки, установленные при Павлѣ и существовавшіе въ то время, когда писались „Замѣчанія", были почти тѣ самые порядки, которые существовали въ краѣ до 1782 г., а при нихъ, какъ извѣстно, права чиновниковъ нисколько не разнились отъ правъ родоваго шляхетства. Что касается медленности въ составленіи родословныхъ книгъ, то и въ этомъ депутатовъ трудно винить безусловно. Родословныя книги первоначально составлены были въ малороссійскихъ губерніяхъ около 1790 г., а затѣмъ ихъ пришлось передѣлывать въ силу сенатскаго указа 18 декабря 1791 г. Затѣмъ приходилось передѣлывать ихъ въ виду неоднократныхъ измѣненій территорій губерній, на которыя была раздѣлена бывшая гетманщина. Такъ, въ 1791 г. Зеньковскій и Гадячскій уѣзды отошли отъ Черниговской губерніи къ

Какъ ни строго относился авторъ „Замѣчаній“ къ дворянскому вопросу, но и онъ не рѣшался отрицать дворянскія права козацкихъ старшинъ, требуя только, чтобы полученные ими чины были пріобрѣтены на дѣйствительной службѣ; его проектъ перебора дворянства былъ опасенъ преимущественно только для тѣхъ, которые выводили свои фамиліи отъ польскаго и вообще иноземнаго шляхетства. Герольдія поступала какъ разъ на оборотъ: безпрепятственно принимая королевскіе дипломы и польскія свидѣтельства, иногда, можетъ быть, и очень сомнительнаго происхожденія, она отвергала доказательства, основанныя на чинахъ малороссійской службы только потому,

---

Кіевской, а вмѣсто этого присоединенъ отъ Новгородъ-Сѣверской губерніи уѣздъ Конотопскій. Въ 1795 г. Гадячскій уѣздъ съ Зеньковскимъ снова возвращены къ Черниговской губерніи. Указомъ императора Павла изъ трехъ малороссійскихъ губерній составлена одна съ присоединеніемъ отъ Екатеринославской губ. бывшаго Полтавскаго полка и гор. Кременчуга, который нѣкогда принадлежалъ Миргородскому полку. По мѣрѣ этихъ измѣненій, дѣла о тѣхъ или другихъ дворянскихъ родахъ отсылались въ тѣ депутатскія собранія, вѣдомству коихъ принадлежали дворяне присоединенныхъ уѣздовъ. Въ 1800 г. (25 августа) велѣно было передѣлать родословныя книги по новой формѣ; затѣмъ послѣдовало новое раздѣленіе Малороссіи на двѣ губерніи и т. д. Въ чемъ дѣйствительно можно корить депутатовъ,— такъ это въ легкомысленномъ отношеніи къ формальной сторонѣ дѣла. Когда въ 1797 г. герольдія потребовала отъ дворянскихъ собраній присылки родословныхъ книгъ, предводитель бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества заявилъ, между прочимъ, что „оныя книги предмѣстниками его не подписаны и не по правиламъ высочайшей грамоты составлены“. Въ Кіевскомъ намѣстничествѣ не доставало „алфавитныхъ списковъ“ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, съ присылкою коихъ медлили уѣздные предводители. Въ Черниговскомъ намѣстничествѣ „хотя оная родословная книга по формѣ, предписанной въ высочайшей грамотѣ, дворянству пожалованной, сочинена, но за неприсылкою отъ уѣздныхъ предводителей дворянскихъ списковъ многихъ дворянскихъ родовъ пропущено запискою, гдѣ жительствуютъ и о прочемъ, касательномъ до формы списковъ; по учиненнымъ протоколамъ нѣкоторые роды остались въ книгу не внесены, а другіе непринадлежащіе и вдвойнѣ показаны, и оная книга подписана только губернскимъ предводителемъ и пятью депутатами, по каковымъ обстоятельствамъ, требующимъ дополненій или вновь сочиненія родословной книги вышнее собраніе той сочиненной книги приступить къ отправленію въ герольдію не смѣетъ“ (Арх. Малороссійской Коллегіи, № 1734). Къ изложенному не мѣшаетъ прибавить, что и въ остальныхъ губерніяхъ родословныя книги составлялись не быстро: въ ноябрѣ 1790 г. въ герольдію были доставлены копіи родословныхъ книгъ только отъ „Рѣжскаго“ Курскаго намѣстничества (Собраніе рѣдкостей, стр. 277—278).

что эти чины не показаны ни въ табели о рангахъ, ни въ дворянской грамотѣ. Малороссійскому дворянству оставалось только внять совѣту Калинскаго и обратиться къ центральному правительству съ формальной жалобой на униженіе національныхъ чиновъ. Такъ оно и сдѣлало.

Въ январѣ 1806 г. дворянство съѣхалось на выборы въ Черниговъ. Здѣсь то и поднятъ былъ вопросъ о дѣйствіяхъ герольдіи. Былъ прочитанъ цѣлый рядъ указовъ, изъ коихъ явствовало, что съ точки зрѣнія герольдіи чины прежней малороссійской службы—вовсе не чины, а только козачьи званія. Прочитаны, конечно, и записки патріотовъ, и въ концѣ концовъ постановлено поручить губернскому предводителю ходатайствовать передъ правительствомъ черезъ генералъ-губернатора объ отмѣнѣ заключеній герольдіи.

Дворянское ходатайство немногимъ разнится отъ „замѣчаній" Марковича, въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно повторяетъ ихъ отъ слова до слова. Подобно Марковичу, авторъ дворянскаго ходатайства, черниговскій маршалъ ссылается на „рѣшительные пункты" и на указъ 1764 г., коимъ присутствующіе въ генеральной канцеляріи старшины сравнены въ классахъ съ великорусскими ея членами. Какъ и Марковичъ, онъ указываетъ на производство полковниковъ Забѣлы и Миклашевскаго въ бригадиры, а относительно полковой старшины и сотниковъ почти буквально повторяетъ слова Марковича. Для доказательства дворянскихъ правъ подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ, писарей, коморниковъ и возныхъ, Черниговскій маршалъ ссылался на статутъ, согласно коему „подкоморые, судьи, подсудки и писари земскіе поставлены въ такомъ достоинствѣ, что на чины ихъ узаконено давать патенты самому Государю, да и при возстановленіи въ Малороссіи правленія и судоустройства сообразно тому, какъ оныя въ семъ краѣ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовали, именнымъ высочайшимъ указомъ 1796 г. ноября 30-го судьи генеральные поставлены въ 4-омъ, судьи земскіи въ 7-омъ, подсудки въ 8-мъ, подкоморьи въ 6-мъ классѣ, прочіе жъ чиновники по штату, высочайше конфирмованному, положены; какъ то: земскіе писари въ 10-омъ

коморники въ 12-омъ, а возные въ 14-омъ классѣ, при всемъ томъ хотя они повиду кажутся и статскими, но въ Малой Россіи не было раздѣленія между военными и статскими чинами, а всѣ они были военные и во время войны по арт. 7 розд. 2-го всѣ безъ всякаго изъятія обязаны становиться лично подъ знамена подъ потеряніемъ имѣнія, для какого бытія въ войскѣ судей и писарей дѣйствіе судовъ по артикулу 46 пункту 3 розд. 4-го оставлялось до окончанія войны." Черниговскій маршалъ не рѣшился умолчать о мнѣніи иностранной коллегіи 1733 г., какъ это совѣтовалъ сдѣлать Калинскій, но за то успѣлъ воспользоваться его указаніями о достоинствахъ табели 1756 г. Удачно воспользовался онъ и указомъ 23 іюля 1783 г. „Въ высоч. 1783 г. іюля 23 дня указѣ, военной коллегіи при реформѣ малороссійскихъ полковъ данномъ, находящихся въ малороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ для опредѣленія къ дѣламъ.. Изъ сего высоч. указа ясно видѣть можно, что чины малороссійскіе почитаемы быть должны какъ дѣйствительно офицерскіе, ибо когда повелѣвается ихъ *опредѣлять* и *переименовывать*, а не *производить* въ штабъ и оберъ-офицеры, смотря по степенямъ, то явственно утверждаются имъ ранги, поелику извѣстно, что по порядку службы никто безъ степени изъ ничего, особливо еще въ штабъ офицеры, не переименовывается"..

Послѣднимъ аргументомъ въ боевомъ арсеналѣ Черниговскаго маршала является ссылка на владѣльческія права малороссійскихъ старшинъ. „Гетманъ Хмельницкій при поддачѣ Малой Россіи, а по немъ и всѣ другіе гетманы всегда просили государей утвержденія своему краю права литовскаго статута, которой всѣмя государями и утвержденъ. Въ семъ самомъ статутѣ въ разд. 3 арт. 26 строго запрещено простолюдинамъ владѣть деревнями, а гетманы всегда чиновникамъ малороссійскимъ оныя давали, изъ коихъ весьма многимъ таковы гетманскія на-

дачи, и государственными грамотами подтверждены, почему и доказательно, что чиновники малороссійскіе дѣйствительно признаваемы были за шляхту, инакожъ бы гетманы, вопреки непрошеному самими ими праву, и раздавать деревень неимѣющимъ право оными владѣть не могли. Въ сенатскомъ архивѣ всѣ акты находятся о раздачѣ деревень симъ самымъ чинамъ, которыхъ нынѣ герольдія не признаетъ дворянства и которыхъ, однако жъ, многихъ потомки и теперь владѣютъ оными; сверхъ того, и по государственному положенію гетманы, генеральные старшины, полковники, полковая старшина и сотники вмѣсто жалованья имѣли всегда раньше свои деревни съ крестьянами, владѣніе жъ деревнями по высоч. о дворянствѣ грамотѣ есть полное доказательство дворянства". О томъ, какъ на дѣлѣ исполнялось въ гетманщинѣ статутовое запрещеніе раздачи маетностей людямъ не шляхетскаго происхожденія Черниговскій маршалъ, конечно, не говоритъ ни слова [1]).

Черниговское ходатайство, какъ видно изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, было отправлено къ кн. Куракину 3 марта 1806 г. По видимому, оно было не послѣднимъ. По словамъ А. Марковича, Черниговскому дворянству неоднократно приходилось утруждать правительство просьбами объ отмѣнѣ заключеній герольдіи; изъ одного частнаго письма отъ того времени мы знаемъ, что для составленія ходатайства по этому вопросу въ Черниговѣ была выбрана дворянствомъ особая коммиссія, которая тоже составила какую-то записку касательно малороссійскихъ чиновъ [2]); а изъ письма генералъ-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго къ Черниговскому маршалу Стороженку видно, что и въ 1808 г. Куракину подавалось какое-то прошеніе Черниговскаго дворянства объ уравненіи всероссійскихъ чиновъ съ табельными [3]). Какъ бы то ни было, Черниговскому ходатайству еще не скоро былъ данъ ходъ: въ Петербургъ оно попало вмѣстѣ съ другими представленіями,

---

[1]) Книга о дворянахъ, лл. 199—208.

[2]) Ibid Л. 236.

[3]) Книга о дворянахъ, л. 306.

касающимися малороссійскихъ дѣлъ, только въ 1809 г., какъ это явствуетъ изъ журнала комитета министровъ за этотъ годъ.

А пока Черниговское ходатайство лежало въ генералъ-губернаторской канцеляріи, вопросъ, какъ быть съ герольдіей, былъ поднятъ и въ другой малороссійской губерніи—Полтавской. Толки о необходимости что-нибудь предпринять для выхода изъ тяжелаго положенія начались здѣсь еще въ маршальство Кочубея; при Милорадовичѣ дѣло сильно подвинулось впередъ, а при Чарнышѣ (1809—1812 г.) было наконецъ составлено и подано начальству ходатайство объ отмѣнѣ заключеній герольдіи. Главными дѣйствующими лицами выступаютъ здѣсь: Роменскій маршалъ В. Полетика, извѣстный знатокъ старой Малороссіи А. Чепа, знакомый уже намъ Т. Калинскій и полтавскіе маршалы Милорадовичъ и Чарнышъ. Вопросъ о правахъ малороссійскихъ чиновъ вызываетъ среди полтавскихъ дворянъ нѣсколько записокъ. Конечно, полтавцы могли и не трудиться, а просто переписать черниговское ходатайство и подать, куда слѣдуетъ. Не сдѣлали они такъ потому, что ни представленіе Черниговскаго маршала, ни записка Черниговской коммиссіи не казались имъ достаточно сильными: по мнѣнію полтавскихъ юристовъ, черниговская коммисія въ запискѣ своей пропустила „самые главные пункты и фундаментальное оныхъ основаніе, а особливо привилегіи, грамоты, гетманскія статьи и приличные указы“, а Черниговское собраніе „самое первоначальное основаніе обойшло и проходженія службы малороссійскихъ чиновъ не объяснило, что весьма для многихъ есть и будетъ обидно, а особенно для войсковыхъ канцеляристовъ и значковыхъ товарищей“. Были такіе пропуски „главныхъ пунктовъ“, которые были замѣчены даже „самимъ княземъ“ (Куракинымъ), не смотря на то, что онъ въ Малороссіи былъ человѣкъ чужой. Кромѣ того, были погрѣшности и въ самой редакціи: такъ напр., черниговцы написали, что малороссійскіе чиновники всегда почитались за шляхту; по мнѣнію полтавцевъ это неловкое выраженіе могло дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, ибо за шляхту почитались въ Малороссіи даже простые козаки, а чиновники непремѣнно были шляхтичами.

Для того, чтобы не пропустить какихъ либо „фундаментальныхъ основаній“, полтавскому маршалу Милорадовичу нужно было принять въ соображеніе всѣ мнѣнія свѣдущихъ по сему предмету лицъ, были ли они полтавскими дворянами, или иногубернскими. Милорадовичъ искалъ такихъ свѣдущихъ людей вездѣ. Знакомъ онъ былъ и съ генеральнымъ судьей Р. И. Марковичемъ, тѣмъ самымъ, который писалъ для Куракина записку о малороссійскихъ чинахъ. Черезъ Марковича Милорадовичъ познакомился и съ другимъ черниговскимъ дѣятелемъ, Т. Калинскимъ, котораго Марковичъ рекомендовалъ какъ полезнаго человѣка. „Дабы оправдать рекомендацію Романа Ивановича“, Калинскій усердно занялся собираніемъ для Милородовича свѣдѣній о малороссійскихъ чинахъ. Кромѣ сырого матеріала, Калинскій доставилъ Милорадовичу и собственное свое сочиненіе по этому вопросу, такъ наз.“ примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ“. Къ этому же времени относится и любопытная, „переписка между патріотами сего края для общей пользы“—это письма Калинскаго къ Милорадовичу все по тому же вопросу о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское достоинство.

Обстоятельства заставили Калинскаго, какъ онъ самъ выражался, „пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду“. вслѣдствіе чего онъ очень опасался, дабы въ его „примѣчаніяхъ“ не было усмотрѣно нѣкое вольнодумство. „Милостивому государю имѣю честь донести, что какъ я въ оныхъ (примѣчаніяхъ), можетъ быть, и слишкомъ откровенно писалъ и особливо въ надеждѣ къ нашему краю вашего патріотизма, оныя мои тетради не всякому давать читать, а паче списывать и по сочиненіи вашего представленія мнѣ сіи тетради мои возвратить“. Опасенія Калинскаго, однако, преувеличены, ибо онъ прекрасно умѣлъ говорить „пророческимъ и апостольскимъ духомъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ, „какъ требуетъ того нынѣшняя политика“. Оно и не удивительно: Калинскій былъ человѣкъ 18-го вѣка, а въ это время умѣли „истину царямъ съ улыбкой говорить“. Свои „примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ“ Калинскій начинаетъ съ „фундаментальныхъ основаній“—съ королевскихъ привилегій и гетманскихъ статей, пропущенныхъ въ чер-

ниговскомъ ходатайствѣ. „Король польскій Сигизмундъ-Августъ 1563 года іюня 7 и 1569 года іюня 5 числъ двѣ привилегіи для русской кіевской земли издалъ и оными сей край пожаловалъ, которыя и въ вновь сочиненный законъ сего края и литовскаго княженія, книгу наз. Статутъ, внести на вѣчныя и потомственныя времена повелѣлъ, и въ оныхъ привилегіяхъ сказалъ, во первыхъ, что всѣ вообще и порознь обыватели отъ послушанія и владѣнія великаго княжества Литовскаго изъемлются и освобождаются, а присоединяются и присовокупляются къ Польскому королевству, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ и какъ собственные и истинные члены къ первому ея тѣлу и главѣ, а потому и имѣютъ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ и обычаяхъ, которые у нихъ изъ вѣковъ бывали, безъ всякой отмѣны и ни въ чемъ ненарушимо и владѣть вообще и всякому своимъ собственнымъ и наслѣдственнымъ добромъ и по своей волѣ оными располагать и оборачивать и какъ чину рыцарскому, такъ и шляхетскому изъ между себя избирать въ воинскіе, гражданскіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою, наз. Статутъ, которую король польскій Владиславъ изданною отъ него на Варшавскомъ главномъ сеймѣ 1635 года конституціею и 28 оной статьею узаконилъ употреблять Черниговскому, Кіевскому, Волынскому и Брянскому воеводству, по которымъ привилегіямъ и Статуту русской земли какъ рыцарство военнаго служенія, такъ и шляхетство судились, равно и выборы изъ между себя производили въ полной ихъ волѣ и власти, безъ всякаго препятствія“. Въ 1649 г. при договорѣ Богдана Хмельницкаго съ польскимъ королемъ подъ Зборовымъ „позволено было какъ рыцарству польскому, такъ и малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска Запорожскаго на равнѣ считаться съ шляхетствомъ, которые потому и равнялись съ шляхетствомъ, примѣрно сказать, какъ въ Россіи штабъ и оберъ-офицеры военнаго дворянства равняются съ дѣйствительнымъ и древнимъ дворянствомъ и онаго правомъ и преимуществомъ пользуются“.

Указавъ затѣмъ на грамоты, данныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шляхетству и козакамъ „яко рыцарству“, под-

тверждающія всѣ тѣ права, коими они пользовались за польское владѣніе, авторъ „примѣчаній“ увѣряетъ, что „преемники Богдана Хмельницкаго содержали оныя права ненарушимо, такъ что никакой отмѣны онымъ не было, а потому то гетманъ И. Брюховецкій въ 8 статьѣ договорныхъ его пунктовъ называетъ козаковъ честными рыцарями, паче же ихъ чиновниковъ какъ иначе почесть можно и теперь, когда въ самой Польшѣ чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій за одно считался?“. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Калинскій ссылался на гетманскія статьи и царскія грамоты. Такъ, въ статьяхъ Многогрѣшнаго по 8 пункту сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честью шляхетскою или дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали“. Въ статьяхъ Мазепы постановлено, чтобы никто изъ великороссійскихъ не превозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ чиновъ гетманскаго регименту не унижалъ и не укорялъ: яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властью пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи. Въ статьяхъ Самойловича написано, что малороссійскіе посланцы войска Запорожскаго при разграниченіи съ Польшею должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ за польское владѣніе бывали и равно съ ними сидѣли, а никогда не стояли. Подтвердительныя грамоты всѣхъ русскихъ государей до Александра I, по мнѣнію Калинскаго, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что всѣ тѣ права, коими пользовались малороссійскіе чиновники, и до сихъ поръ пребываютъ безъ отмѣны.

Таковы „фундаментальныя основанія“ дворянскихъ правъ козацкой старшины, впервые выставленныя Калинскимъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи его „примѣчанія“ часто повторяютъ то, что было высказано раньше его въ запискахъ черниговскихъ дворянъ, но кое гдѣ и разнятся.

Такъ, изъ рѣшительныхъ пунктовъ Калинскій дѣлаетъ тотъ же выводъ, что и черниговскій маршалъ, но при этомъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что „знатнымъ“ козакамъ сами государи жаловали хутора съ людьми, а изъ таковыхъ именно знатныхъ козаковъ только и могли выбираться

малороссійскіе чиновники. Всѣ они, не исключая даже сотенныхъ старшинъ и атамановъ, были не только военачальники, но и градопачальники, а потому какъ же иначе можно почитать ихъ, какъ не дворянами, если по словамъ самой дворянской грамоты, дворяне суть „начальствовавшіе въ древности мужи?“ Переходя къ обсужденію дѣйствій герольдіи, авторъ „примѣчаній“ указываетъ на ихъ непослѣдовательность: прежде она признавала по однимъ малороссійскимъ чинамъ дворянами даже людей, выслужившихся изъ простыхъ козаковъ, а теперь не признаетъ и такихъ, коихъ предки занимали важныя должности, а потомки и по днесь владѣютъ жалованными имѣніями. По мнѣнію Калинскго, вся бѣда происходитъ отъ того, что герольдія лѣнится хорошенько вникнуть въ дѣло, познакомиться со всѣми привилегіями, грамотами и гетманскими пунктами, хранящимися въ военной коллегіи. Если стать на точку зрѣнія петербургскаго начальства, то придется всѣхъ малороссійскихъ чиновниковъ признать недѣйствительно военнослужащими, т. е. личными дворянами, а между тѣмъ всякая малороссійская служба была только военною: всѣ гетманскія надачи даваемы были за „роненіе войску Запорозскому праци“, да и сами гражданскіе чиновники были вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымм начальниками. Герольдія указывала, что малороссійскіе чиновники не имѣли чиновъ, а только козацкія званія. Калинскій опровергаетъ этотъ взглядъ ссылкой на переименованіе малороссійскихъ чиновъ въ 1783 году и на табель Разумовскаго, съ очевидностью доказывающую, что у малороссійскихъ чиновниковъ, какъ и у великорусскихъ, были свои степени. Въ табели 1756 г. перечислено, кромѣ рядовыхъ козаковъ, одиннадцать классовъ, но если къ ней прибавить, какъ и слѣдовало бы, должность гетмана, состоявшаго въ фельдмаршальскомъ чинѣ, затѣмъ наказнаго гетмана во 2 классѣ, а генеральнаго обознаго поставить въ 3-мъ, то получилось бы какъ разъ 14 классовъ—полная табель о рангахъ; тогда бы даже низшіе чины козацкой іерархіи попали въ 14-й классъ, т. е. дворянами оказались бы всѣ безъ исключенія малороссійскіе чины. Кромѣ того, и изъ болѣе старыхъ дѣлъ видѣть можно, что переходъ изъ низшихъ чиновъ въ высшіе

совершался въ Малороссіи не случайно, а по степенямъ: изъ знатныхъ козаковъ въ сотники, изъ сотниковъ—въ полковники, изъ полковниковъ—въ гетманы.

Три года тому назадъ Калинскій предлагалъ черниговскому дворянству просить правительство объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г. Теперь онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на цѣль ходатайства. Переименованіе малороссійскихъ чиновниковъ и уравненія съ табельными происходили до сихъ поръ случайно, опредѣленныхъ правилъ для этого выработано не было, къ тому же и сама національная малороссійская служба теперь пресѣклась, а потому и уравненіе чиновъ будетъ теперь совершенно не нужнымъ. По мнѣнію Калинскаго, гораздо выгоднѣе просить, чтобы правительство не уравнивало чинъ чину, а просто признало всѣхъ безъ исключенія лицъ, носившихъ малороссійскіе чины, дворянами съ таковымъ только различіемъ, чтобы всѣхъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ вносить въ 6-ю, полковую старшину—въ 3-ю, а сотниковъ и сотенныхъ старшинъ—во 2-ю часть дворянской родословной книги: „въ то время гетманы за уравненіе оспаривали, когда теперешняго о чинахъ постановленія и различія не было, а теперь объ уравненіи и думать не надобно, а домогаться дворянскаго достоинства и быть наравнѣ въ ономъ съ великороссійскими выслуженными чинами, какимъ присвоено восьми рангов и оберъ-офицерскихъ дѣйствительно военнослужащихъ чиновъ дворянское достоинство".

Съ ходатайствомъ Калинскій совѣтовалъ обратиться какъ можно скорѣе: нужно просить или личнаго заступничества генералъ-губернатора, или позволенія отправить особыхъ депутатовъ въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, въ ходатайствѣ ни въ коемъ родѣ не слѣдуетъ упоминать мнѣнія иностранной коллегіи, какъ это сдѣлали черниговцы [1]).

Послѣ того, что мы сказали о запискахъ по дворянскому вопросу, будетъ излишнимъ долго останавливаться надъ запиской Роменскаго маршала В. Г. Полетики, тѣмъ болѣе, что она

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. л. 239—246.

уже и напечатана[1]). Мы только укажемъ на тѣ подробности, коими она дополняетъ предъидущія записки по дворянскому вопросу. Кромѣ привилегій 1563 и 1569 г. г. и Зборовскихъ пунктовъ, на которыя ссылался Калинскій, Полетика указываетъ еще на привилегіи королей Генриха, Стефана, Сигизмунда III, Владислава, на „премногія подтверждающія оныя конституціи сеймовыя“ и статутовые артикулы. Цѣль всѣхъ этихъ ссылокъ—доказать, что „малороссійскіе гражданскіе и воинскіе чиновники допускались въ Польшѣ безо всякаго отъ тамошняго дворянства различія до высокихъ сенаторскихъ, придворныхъ и земскихъ достоинствъ, и что россійскіе государи по принятіи ихъ съ начальствуемымъ ими народомъ въ свое подданство подтвердили имъ на всегда дворянскую въ чинахъ ихъ честь и избраніе во всѣ оные по прежнему вольными голосами людей заслуженныхъ, знатныхъ и вѣрныхъ“. Затѣмъ Полетика указываетъ на „добровольное поддянство“ малороссіянъ, на ихъ вѣрность и заслуги передъ престоломъ, за которыя малороссійское дворянство не могло, конечно, ожидать „столь обиднаго для себя униженія“. Изъ договорныхъ гетманскихъ статей, по мнѣнію Полетики, видно, что „малороссійское дворянство—не только тѣ, кои пришли съ достоинствомъ онаго въ поддянство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи уже въ поддянствѣ, заслуги свои оказали и за то награждены въ землѣ своей чинами и деревнями и имѣютъ такое же право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство, ибо не одно имя дворянина, но больше того помѣстья и вотчины, жалуемыя за службу отечеству, составляли въ прежнее время дворянское достоинство. Между малороссійскимъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, т. е.—что россійскіе заслуженные люди пожалованы были въ дворяне и другіе чины съ по-

[1]) „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1 въ приложеніи. Кстати нахожу нужнымъ маленькое замѣчаніе. Напечатанная въ „Кіевск. Стар.“ записка Полетики отнесена къ 1809 г.; въ рукописной копіи, которою я пользовался, она помѣчена 1808 годомъ. Послѣднее, по моему, вѣрнѣе: изъ напечатанной въ томъ же журналѣ переписки Чепы съ Полетикой видно, что въ мартѣ 1809 г. записка Полетики уже ходила по рукамъ, такъ что составленіе ея правдоподобнѣе отнести къ 1808 г.

мѣстьемъ и вотчинами, а малороссійскіе — въ чиновники съ тѣмъ же".

По вопросу о доказательствахъ дворянства В. Полетика цѣликомъ повторяетъ мнѣніе своего отца, высказанное имъ нѣкогда въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: „въ Малой Россіи, по его словамъ, должно допустить къ доказательству о дворянствѣ всѣхъ, кто только захочетъ, и дать имъ свободу, по силѣ статутоваго права раздѣла 3 арт. 19, доводить своего дворянства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ благородныхъ съ отцовской и двухъ съ материнской стороны, которые присягою бы утвердили, что ищущій дворянства есть природный и настоящій дворянинъ, а если чей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему постороннихъ благородныхъ" [1]).

Въ январѣ 1809 г. Полтавское дворянство избрало своимъ маршаломъ В. И. Чарныша, которому и поручило просить правительство о признаніи чиновъ малороссійской службы доказательствами дворянскаго достоинства. Дворянское ходатайство составлялось, впрочемъ, не однимъ Чарнышемъ, а, такъ сказать, соборне. Прежде чѣмъ попасть къ генералъ-губернатору, дворянское прошеніе ходило по рукамъ. Для просмотра, дополненій и исправленій послано оно, между прочимъ, и Чепѣ, славившемуся среди дворянства въ качествѣ патріота и знатока мѣстной старины. „По усердію и любви къ націи" Чепа дополнилъ ходатайство своими примѣчаніями о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ чиновъ. Въ такомъ видѣ ходатайство попало къ В. Г. Полетикѣ, который отозвался о примѣчаніяхъ Чепы самымъ лестнымъ образомъ и съ своей стороны послалъ къ Чепѣ свою собственную записку по тому же предмету [2]). Du choc des opinions получилось если не verité, до достаточно мотивированное ходатайство, котораго уже нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ „фундаментальныхъ основаній".

Въ 1809 году вопросъ о дворянствѣ бывшихъ малороссійскихъ старшинъ попалъ, наконецъ, на разсмотрѣніе высшаго

[1]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1. Тоже въ „Книгѣ о дворян." л. л. 298—304.

[2]) Журналы комитета министровъ, т. 1, стр. 379.

правительства. 2 ноября этого года комитетъ министровъ слушалъ представленное ему черезъ министра юстиціи отношеніе малороссійскаго генералъ-губернатора съ рядомъ проектовъ по разнымъ малороссійскимъ дѣламъ. Между прочимъ, генералъ-губернаторъ просилъ „объ исходатайствованіи малороссійскому дворянству высочайшаго соизволенія, чтобы прежніе малороссійскіе чины, по коимъ дворянскіе роды просили и будутъ просить о дворянствѣ, признаваемы были доказательствомъ сего достоинства". Комитетъ постановилъ: „въ признаніи малороссійскаго дворянства и въ переименованіи чиновниковъ руководствоваться тѣми правилами, которыя наблюдаемы были покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ" [1]).

Слухъ о благопріятномъ для малороссійскаго дворянства поворотѣ дѣла въ Петербургѣ возбудилъ въ сердцахъ патріотовъ великую радость, хоть и дошелъ до нихъ въ нѣсколько извращенной редакціи. „Недавно,—пишетъ В. Полетика къ Чепѣ,—насладился я пріятною вѣстью, что государь императоръ по докладу нашего генералъ-губернатора повелѣлъ герольдіи признавать малороссійское дворянство по чинамъ нашимъ и другимъ доказательствамъ въ древнемъ благородномъ его достоинствѣ. Вѣсть сія сладка сердцу моему. Вѣрьте, что я люблю отечество, люблю соотчичей моихъ больше самого себя. Одинъ частный человѣкъ пишетъ ко мнѣ удостовѣрительно о семъ изъ Полтавы, читавъ тамъ письмо о семъ князя Якова Ивановича (Лобанова-Ростовскаго) къ Семену Михайловичу Кочубею. Однакожъ я за точность еще не отвѣтствую. Если это справедливо, то труды наши не пропали. Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества. Собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нѣдрѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества!". Размечтавшемуся патріоту грезились уже заманчивыя картины, напоминавшія по сюжету поэтизированное прошлое золотого вѣка шляхетской вольности. „Здѣсь носится слухъ, что передъ обнародованіемъ и введеніемъ въ

[1]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1, стр. 46—49.

употребленіе первой, уже вышедшей, части новаго государственнаго уложенія призваны будутъ на конгрессъ россійскихъ на особыхъ правахъ состоящихъ губерній обитатели для изъявленія согласія своего на принятіе для себя сего уложенія. На семъ поприщѣ возобновится память прежнихъ, незабвенныхъ во вѣки, нашихъ патріотовъ. Счастливые будемъ, если увидимъ новыхъ, защищающихъ съ такимъ же усердіемъ права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротивъ сего, должны мы отвратить взоръ свой съ омерзеніемъ отъ пагубостныхъ предателей отечества, вредныхъ себялюбцевъ“ [1]).

И радости, и мечты патріотовъ были, однако, преждевременны. Постановленіе комитета министровъ въ исполненіе приведено не было по высочайшему повелѣнію впредь до поступленія къ дѣлу другихъ бумагъ [2]). На вопросъ о дворянствѣ малороссійскихъ чиновъ въ Петербургѣ смотрѣли довольно равнодушно. Да и не до того тогда было: внѣшняя политика и широкіе планы либеральныхъ преобразованій способны были отодвинуть на второй планъ даже болѣе насущные вопросы, чѣмъ вопросъ о дворянскихъ привилегіяхъ какихъ-то сотниковъ и асауловъ; къ тому же и на дворянскія привилегіи стали въ то время посматривать неодобрительно. Насталъ 1812 годъ. Пришлось отражать двадесять языкъ, а потомъ усмирять гидру безначалія, грозившую престоламъ и алтарямъ далекаго Запада. Непризнанные въ благородномъ званіи, сыновья сотниковъ и возныхъ храбро дрались и подъ Малоярославцемъ, и подъ Лейпцигомъ. Для многихъ изъ нихъ офицерскіе эполеты дали то, чего не могъ дать ихъ отцамъ громадскій выборъ. А между тѣмъ, отношенія герольдіи къ ихъ братьямъ и родичамъ, доказывавшимъ свое дворянство только малороссійскими чинами предковъ, продолжало оставаться прежнимъ: ихъ по прежнему продолжали „неговать и турбовати“. Особенно больно чувствовалось это, когда приходилось опредѣлять дворянскихъ дѣтей въ корпуса или въ военную службу. Тутъ уже предводительскія свидѣтельства не имѣли значенія, и приходилось по неволѣ обращаться

[1]) „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 56—57.

[2]) Чт. Общ. исторіи и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 92.

къ герольдіи, а герольдія послѣ долгихъ проволочекъ и справокъ обыкновенно отказывала просителямъ все на томъ же основаніи, что въ законахъ нѣтъ указаній на дворянскія права малороссійскихъ старшинъ. Для юныхъ панычей, мечтавшихъ о генеральствѣ, такой отказъ велъ за собою разжалованіе изъ юнкеровъ въ рядовые со всѣми его послѣдствіями: палками, розгами, шпицрутенами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ дисциплинировали въ то время русскую армію инструкторы изъ нѣмцевъ и доморощенныхъ бурбоновъ Аракчеевской школы.

Дѣло о дворянскихъ правахъ малороссійскихъ старшинъ продолжало между тѣмъ лежать въ Петербургѣ въ ожиданіи поступленія другихъ бумагъ. Въ 1809 году полтавское дворянство рѣшилось послать туда новое челобитье, въ надеждѣ, что оно, авось, и будетъ тою бумагой, которой до сихъ поръ не доставало. 15 октября 1819 г. полтавское дворянство постановило ходатайствовать предъ правительствомъ черезъ генералъ-губернатора о признаніи малороссійскихъ чиновъ доказательствомъ дворянства. Въ ходатайствѣ этомъ новаго для насъ очень мало. Дворяне жалуются, что „отрицаніе малороссійскихъ чиновъ отъ дворянства дѣлаетъ уничтоженіе имъ и ихъ заслугамъ, умаляетъ личную честь ихъ и потомства и колеблетъ права и привилегіи сей націи, отъ прежнихъ польскихъ королей, а потомъ и отъ самодержцевъ всероссійскихъ наданныя и на разныхъ мѣстахъ въ договорныхъ гетманскихъ пунктахъ изъясненныя". Доказательства дворянскаго достоинства малороссійскихъ чиновниковъ—тѣ же, что и въ предъидущихъ запискахъ и ходатайствахъ по этому предмету. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же ссылки на королевскія привилегіи, Статутъ, Зборовскій договоръ и гетманскія статьи. На основаніи ихъ полтавское дворянство заключало, что „не только тѣ чины, которыхъ герольдія не признаетъ въ дворянствѣ, какъ то: полковые обозные, полковые асаулы и хорунжіе, сотники, войсковые товарищи и пр., но и вообще всѣ малороссійскіе чиновники, въ военной службѣ обрѣтавшіеся, или же гражданскими дѣлами управлявшіе, имѣли равное право на шляхетство, поелику они по вышесказаннымъ привилегіямъ и постановленіямъ признаны таковыми изстари и

поелику чины ихъ зависѣли большею частью отъ выборовъ и утвержденій, по тогдашнему времени сему краю присвоенныхъ, и всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ купно съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ, невозможно было никому ни быть избираему, ни чинъ имѣть, въ разсужденіи, что простого стану людямъ и тогда давать достоинствъ и урядовъ запрещалось". Ссылалось дворянство и на „новѣйшія узаконенія, повелѣнія и образъ службы", которые де „доказываютъ, что отъ малороссійскихъ чиновниковъ достоинство дворянское никогда отъемлемо не было", а для выясненія „значительности и важности" этихъ чиновниковъ подробно описывало ихъ права и обязанности.

Дворянское ходатайство попало въ хорошія руки. Въ лицѣ военнаго губернатора кн. Репнина дворянство нашло себѣ энергичнаго ходатая и заступника. Князь Репнинъ, женатый на одной изъ Разумовскихъ и самъ малороссійскій помѣщикъ, отнесся къ дворянскимъ невзгодамъ еще болѣе сочувственно, чѣмъ его предмѣстники. Посылая дворянское ходатайство въ Петербургъ, онъ присоединилъ къ нему и свое собственное представленіе, въ которомъ рѣшительно высказывался въ пользу удовлетворенія просьбы дворянства.

У министра юстиціи, куда по первому разу попало дворянское ходатайство, оно встрѣчено было очень благосклонно. Докладывая дѣло въ комитетѣ министровъ, онъ высказался за удовлетвореніе дворянской просьбы. Дѣло пришлось, однако, рѣшать не комитету министровъ, а Сенату, куда оно и было передано по высочайшему повелѣнію. Здѣсь притязанія малороссійскаго дворянства были выслушаны не такъ уже милостиво. Сенатъ находилъ, что во время изданія дворянской грамоты Малороссія уже болѣе 100 лѣтъ стояла въ подданствѣ русскихъ государей, а между тѣмъ чины малороссійской службы оказались не включенными въ число тѣхъ доказательствъ дворянскаго достоинства, которыя перечислены въ грамотѣ. Изъ этого Сенатъ, повидимому, склоненъ былъ заключать, что при изданіи дворянской грамоты вовсе не имѣлось въ виду распространять дарованныя ею права и на малороссійскихъ чиновниковъ. Тѣмъ не

менѣе Сенатъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ навесть справки какъ относительно тѣхъ привилегій и правъ, на которыя ссылалось полтавское дворянство, такъ и относительно чиновъ прежней малороссійской службы.

Справки наводились не спѣшно. Прошло восемь лѣтъ послѣ подачи ходатайства, а дѣло ни на волосъ не подвинулось впередъ. За эти восемь лѣтъ Репнинъ окончательно освоился съ Малороссіей и близко принялъ къ сердцу дворянскія печали. Въ іюнѣ 1827 г. онъ обратился къ правительству съ новымъ, еще болѣе энергичнымъ представленіемъ по тому же вопросу, на этотъ разъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Репнинъ усердно отстаивалъ права малороссійскихъ чиновниковъ, доказывая, что дѣйствіями герольдіи, которыя онъ, не обинуясь, называлъ произволомъ, потрясается благородство малороссійскихъ фамилій. По его мнѣнію, уже однѣхъ королевскихъ привилегій, а особенно Зборовскихъ пунктовъ и гетманскихъ статей, вполнѣ достаточно, чтобы дворянскія права этихъ чиновниковъ не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. „Источникъ правъ сихъ есть воинская доблесть, толико уважаемая во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, и отрицать оныя не иначе можно, какъ доказавъ, что Малороссія не имѣла своего управленія, своихъ предводителей, старшинъ и чиновниковъ и не составляла особой области, пользовавшейся иными законами и разными преимуществами“. Репнинъ старался подкрѣпить дворянское ходатайство такими доводами, какіе до сихъ поръ упускались даже самимъ дворянствомъ. Онъ первый сослался на табель малороссійскихъ чиновъ, сочиненную въ 1743 г. коммиссіей для перевода и свода книгъ правныхъ; онъ указалъ на занятія малороссійскихъ старшинъ по „части законодательной“, на пріемъ ихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса при Екатеринѣ и послѣ нея; такъ, въ 1807 году по Высочайшему повелѣнію поступило въ кадетскіе корпуса болѣе 200 малороссіянъ, изъ коихъ недостаточнымъ были отпущены прогонныя деньги. „Каждая страна,—писалъ малороссійскій военный губернаторъ,—имѣла и имѣетъ свои чины подъ именами, соотвѣтственными образу правленія, положенію государства, языку народа, обычаямъ и пр.; слѣдственно отвергать благород-

ство потому только, что названіе чиновъ, показанное въ табели о рангахъ, не было употребляемо въ малороссійскомъ краѣ, было бы весьма несправедливо, ибо до реформы 1783 г. чиновники малороссійскіе служили въ войскѣ подъ именами издревле существовавшими, давали судъ и расправу народу, начальству ихъ ввѣренному, были вѣрны и преданы своимъ государямъ и сражались съ честью и мужествомъ за отечество, пользовались особенными правами, преимуществами и щедротами государей, и имъ не настояло никакой надобности искать переименованія себя въ великороссійскіе чины, доколѣ само правительство не признало сіе нужнымъ". „Чиновники малороссійскіе, признанные по разбору губернскихъ дворянскихъ собраній, на основаніи Высочайше жалованной дворянству грамоты, въ дѣйствительномъ дворянствѣ, какъ прежде, такъ и нынѣ, были допускаемы къ дворянскимъ выборамъ и служатъ въ должностяхъ, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію назначенныхъ, и другихъ, малороссійскому краю присвоенныхъ, они суть полные владѣльцы крестьянъ и помѣстьевъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ, въ числѣ коихъ находятся жалованныя отъ государей и данныя отъ гетмановъ предкамъ ихъ. Потрясаемое нынѣ благородство малороссійскихъ фамилій укоренилось изъ вѣковъ образомъ жизни, родомъ службы, просвѣщеніемъ и семейными связями съ дворянскими поколѣніями. Наконецъ, въ тѣхъ случахъ, когда потребна жертва для пользы отечества, ревность сего благороднаго сословія, неизъемлемаго отъ повинностей дворянскихъ, равняется ихъ вѣрности и преданности престолу всероссійскому. Стоитъ вспомнить бѣдственный, но славный 1812 годъ, чтобы удостовѣриться, сколь мало сіи потомки храбрыхъ рыцарей дорожатъ своею собственностью, своею жизнью тамъ, гдѣ отечество требуетъ ихъ помощи". Репнинъ находилъ, что чиновники малороссійскіе, начиная съ войсковыхъ товарищей, равно какъ и потомство ихъ, должны быть дѣйствительными дворянами и принадлежать къ военному дворянству. Думая иначе, онъ, Репнинъ, дерзнулъ бы мечтать въ противность высочайшей волѣ и посягнулъ бы къ ниспроверженію благоденствія малороссійскаго дворянства, которымъ опое близъ двухъ вѣковъ уже неизмѣнно

наслаждается подъ благословеннымъ скипетромъ россійскихъ вѣнценосцевъ, служа имъ и государству съ пользою и честью, свойственною тому сословію, которое составляетъ опору престола.

Не знаемъ, ускорило ли вмѣшательство Репнина наведеніе тѣхъ справокъ о малороссійскихъ чинахъ, которое было поручено министру внутреннихъ дѣлъ Сенатомъ. Полагать надо, что да, потому что вскорѣ послѣ представленія малороссійскаго военнаго губернатора справки были готовы. Дѣломъ этимъ занимался совѣтъ министра. Приняты были, конечно, прежде всего въ соображеніе свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ печатныхъ источниковъ—„Краткой лѣтописи М. Россіи“ Рубана, „Исторіи М. Россіи“ Бантыша-Каменскаго и извѣстнаго въ свое время труда Правикова „Памятникъ изъ законовъ Россійской имперіи“ [1]); не были, конечно, забыты и свѣдѣнія, сообщенныя Репнинымъ, а также справки по герольдіи. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ возможнымъ признать доказательствами дворянскаго званія чины: гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ, полковыхъ старшинъ, сотниковъ, бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ и возныхъ, асауловъ, хорунжихъ, писарей и атамановъ генеральной артилеріи, компанейскихъ полковниковъ, обозныхъ, писарей, асауловъ и хорунжихъ, переводчиковъ генеральной канцеляріи и войсковыхъ канцеляристовъ. Всѣ остальные чины (а ихъ, по счету министерства, оказалось еще 21) не могли, по мнѣнію министра, служить доказательствами дворянства.

12 февраля 1828 г. при Сенатѣ былъ учрежденъ особый „комитетъ о прожектированіи правилъ, какимъ бы образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды“. Этому то комитету и пришлось окончательно рѣшать участь потомства сотниковъ и возныхъ. Уже одна передача дѣла учрежденію, призванному бороться съ злоупотребленіями дворянскихъ со-

[1]) Здѣсь, между прочимъ, имѣется „Историческое обозрѣніе Россійскаго законодательства съ присовокупленіемъ свѣдѣній о бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ“.

браній, выражавшимися въ перепроизводствѣ привилегированнаго сословія, не могла обѣщать украинскимъ панамъ ничего добраго: И дѣйствительно, добра не вышло. Всѣ труды составителей дворянскихъ ходатайствъ пошли прахомъ; ихъ искусная аргументація оказалась безполезной. Жалоба Репнина на то, что дѣйствіями герольдіи потрясается благородство всего малороссійскаго дворянства, была признана неосновательной. Съ точки зрѣнія комитета, герольдія поступала вполнѣ законно: дѣйствіями ея не только не потрясалось дворянское достоинство дѣйствительнаго малороссійскаго шляхества, а наоборотъ, охранялись и возвышались права его. Благодаря доставленнымъ герольдіей свѣдѣніямъ, комитетъ выставилъ на видъ цѣлый рядъ неправильныхъ дѣйствій малороссійскихъ депутатовъ: они, принимая не въ настоящемъ смыслѣ 12 пунктъ 92 статьи дворянской грамоты, признавали достаточнымъ и неопровергаемымъ доказательствомъ дворянства одно свидѣтельство 12 благородныхъ и на семъ основаніи сопричисляли къ дворянскому сословію всякаго состоянія и званія людей. Со времени открытія депутатскихъ коммиссій и до 1790 г. дворянскія собранія трехъ малороссійскихъ губерній причислили къ дворянству 22,702 ревизскихъ души, да и послѣ, не смотря на указъ 1791 г., продолжали принимать въ дворянское сословіе лицъ податного состоянія и разночинцевъ: такъ, въ 1828 г. изъ 4269 дворянскихъ фамилій полтавской губерніи податныхъ и разночинцевъ числилось 2095. Депутатскія собранія малороссійскихъ губерній принимали въ доказательство дворянства выписки изъ повѣтовыхъ судовъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ: въ сихъ выпискахъ не заключались грамоты царей и великихъ князей или универсалы гетмановъ на пожалованныя имѣнія, но объяснялось только, что въ старинной книгѣ, въ семъ судѣ хранящейся, написанъ такой то сотникомъ, войсковымъ товарищемъ или тому подобнымъ. А чтобы придать сему показанію вѣроятіе, то всегда представлялось свидѣтельство 12 дворянъ, которые удостовѣряли, что показанный въ выписи чиновникъ есть предокъ настоящаго просителя. Таковыя доказательства признаваемы были дѣйствитель-

ными и на основаніи оныхъ сопричисляемы были къ дворянскому сословію люди всякаго званія".

При такихъ условіяхъ заключеніе комитета оказалось гораздо строже, чѣмъ можно было предполагать a priori. Дворянами, имѣющими дѣйствительное и потомственное дворянство, были признаны только тѣ изъ козацкихъ старшинъ, которые изъ сихъ чиновъ были россійскимъ правительствомъ произведены за службу въ генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, какъ военной, такъ и гражданской службы, чины. Что касается остальныхъ малороссійскихъ чиновъ, то одни изъ нихъ были признаны дающими только личное дворянство, а другіе причислены къ классу разночинцевъ [1]).

Докладъ Сената былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ. Здѣсь строгій приговоръ особаго комитета подвергся значительному смягченію. 20 марта 1835 г. состоялся наконецъ Высочайшій указъ, согласно коему изъ чиновъ старой малороссійской службы потомственное дворянство было признано за генеральными старшинами, полковниками, полковыми обозными, асаулами, хорунжими и писарями, сотниками и войсковыми и бунчуковыми товарищами; изъ чиновъ генеральной артиллеріи потомственное дворянство признано за асаулами, хорунжими и атаманами, а изъ чиновъ „статскаго правленія"—за подкоморными и земскими судьями и подсудками, но только за тѣми, которые „жалованы были во время существовавшаго въ Малороссіи гетманскаго правленія". Всѣхъ тѣхъ, кои не представятъ по 1 января 1839 г. доказательствъ на потомственное дворянство и не будутъ имѣть по статскимъ оберъ-офицерскимъ чинамъ дворянства личнаго, велѣно обратить въ козачье сословіе, запретивъ имъ впредь именоваться дворянами, но не лишая, впрочемъ, права доказывать свое дворянство впослѣдствіи установленнымъ порядкомъ [2]).

Послѣдніе отголоски громкаго нѣкогда дѣла о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское званіе замолкли только

---

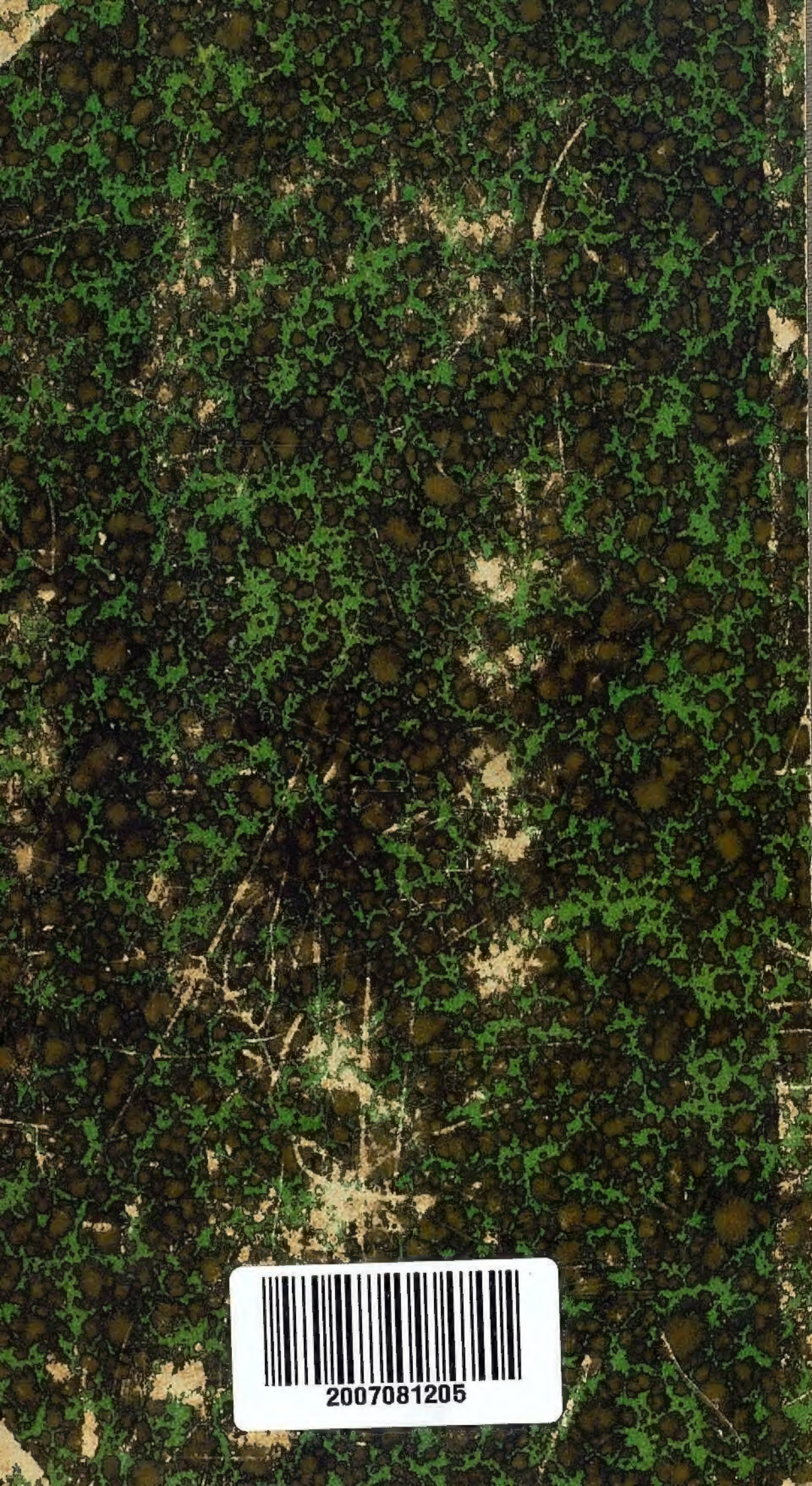
[1]) Чт. Общ. истор. и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 80—139.

[2]) II Полн. Собр. Зак. Росс. имп., т. X, отд. I, № 7976.

въ 1855 году, съ изданіемъ закона, согласно коему непризнаннымъ дворянамъ, приписаннымъ къ козацкимъ обществамъ, предоставлены кое-какія временныя льготы по несенію государственныхъ налоговъ и повинностей[1]). Это уже было наканунѣ великой реформы, лишившей дворянство самой заманчивой изъ дворянскихъ привилегій. Потомкамъ значковыхъ товарищей и возныхъ жалѣть было уже не о чемъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и многое изъ того, что прежде было *привилегіей* одного высшаго класса, стало *правомъ* всѣхъ подданныхъ русскаго государства.

Д. Миллеръ.

[1]) Ibid., т. XXX, отд., I, № 29, 153.


2007081205